



ISSN 2949-5016 (print)
ISSN 2949-5008 (online)

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Russian Studies in Philology
Otechestvennaya filologiya

*155 лет
со дня рождения
А. И. Куприна*

«КУПРИН – НАСТОЯЩИЙ ХУДОЖНИК,
ГРОМАДНЫЙ ТАЛАНТ» (Л. Н. ТОЛСТОЙ):
К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУПРИНА

ОЛЬ ОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ПРОЗЕ А. И. КУПРИНА



2025 / № 5

ISSN 2949-5016 (print)

2025 / № 5

ISSN 2949-5008 (online)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Отечественная филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); 5.9.2 – Литературы народов мира (филологические науки); 5.9.3 – Теория литературы (филологические науки); 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

"Russian Studies in Philology" is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philological Sciences: 5.9.1 – Russian literature and literature of the peoples of the Russian Federation (philological sciences); 5.9.2 – Literature of the peoples of the world (philological sciences); 5.9.3 – Theory of literature (philological sciences); 5.9.5 – Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences).

ISSN 2949-5016 (print)

2025 / № 5

ISSN 2949-5008 (online)

RUSSIAN STUDIES IN PHILOLOGY

Учредитель журнала «Отечественная филология»:
федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 6 раз в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т. Е. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Герасименко Н. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Леденёва В. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В. Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Республика Болгария);

Алексеева Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Воропаев В. А. — д-р филол. наук, проф., МГУ имени М. В. Ломоносова;

Гусман Тирадо Р. — д-р филол. наук, проф., Гранадский университет (Королевство Испания);

Киселева И. А. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Колларова Э. — доктор философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словацкая Республика);

Копосов Л. Ф. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Моторин А. В. — д-р филол. наук, проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И. А. — д-р филол. наук, проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б. Ю. — д-р филол. наук, проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь);

Петров А. В. — д-р филол. наук, проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л. В. — д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского;

Супрун В. И. — д-р филол. наук, проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Шаталова О. В. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Шеншина В. А. — д-р филол. наук, науч. сотр., Хельсинский университет (Финляндская Республика);

Щедрина Н. М. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

Рецензируемый научный журнал «Отечественная филология» — печатное издание, в котором публикуются статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы), литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений, изучение теории литературы).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Отечественная филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Отечественная филология» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40718.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philologymgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Отечественная филология» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Отечественная филология. — 2025. — № 5. — 126 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Founder of the journal "Russian Studies in Philology":
Federal State University of Education

————— Issued 6 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. Ye. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Deputy editor-in-chief:

N. A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

V. V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

V. N. Avramova – Dr. Sci. (Philology), Prof., University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L. F. Alekseyeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Voropayev – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological Sciences, Prof., University of Granada (Spain);

I. A. Kiseleva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Prof., Catholic University in Ružomberok (Slovakia);

L. F. Koposov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

A. V. Motorin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

I. A. Nagorny – Dr. Sci. (Philology), Prof., Jilin University (China);

B. Yu. Norman – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belorussian State University (Belarus);

A. V. Petrov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L. V. Ratsiburskaya – Dr. Sci. (Philology), Prof., N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V. I. Suprun – Dr. Sci. (Philology), Prof., Volgograd State Socio-Pedagogical University;

O. V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

V. A. Shenshina – Dr. Sci. (Philology), Helsinki University (Finland);

N. M. Shchedrina – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

ISSN 2949-5016 (print)

ISSN 2949-5008 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Russian Studies in Philology" is a printed edition that publishes articles on various issues, including but not limited to linguistics (lexicogrammar of the Russian language and the language of literature) and literature study (study of the works of Russian and foreign writers and comparative analysis of their works, study of theory of literature).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, postgraduate students and anyone interested in the achievements of philology.

The journal "Russian Studies in Philology" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73348).

The subscription index of the "Russian Studies in Philology" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philologymgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Russian Studies in Philology. – 2025. – No. 5. – 126 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.philologymgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|----|
| Представляем тему номера. | 6 |
| <i>Белукова В. Б.</i> «Куприн – настоящий художник, громадный талант» (Л. Н. Толстой): к 155-летию со дня рождения Александра Ивановича Куприна | 8 |
| <i>Брысина Т. Н.</i> Роль определённо-личных предложений в прозе А. И. Куприна | 18 |

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

| | |
|--|----|
| <i>Канель И. В.</i> Семантические роли денег как агентов и пациентов в русском медиадискурсе | 26 |
| <i>Папуша И. С., Халикова Н. В.</i> Инвариантные матрицы внешней формы сложного синтаксического целого | 38 |
| <i>Сандакова М. В.</i> Наречия со значением степени: семантический и лексикографический аспекты. | 48 |
| <i>Соколова Е. Д.</i> Бессоюзные сложные предложения с временными отношениями как средство репрезентации языковой личности И. А. Бунина в рассказах писателя .. | 60 |
| <i>Соколова О. И.</i> Препозитивные синтаксические ряды определений-прилагательных с пояснительными или уточняющими оттенками значения | 69 |
| <i>Фадеева Т. М., Шаталова О. В.</i> Опыт создания энциклопедии для детей инокультурной среды «Здравствуй, русский мир!» | 79 |

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

| | |
|--|-----|
| <i>Козин А. А.</i> Жанр баллады как поле для эксперимента у И. В. Гёте. | 86 |
| <i>Пуряева Н. Н.</i> Лубочный роман о царевне Софье | 94 |
| <i>Пучкова А. Е.</i> Предметный мир как средство манифестации аллегорической историософии в романе М. М. Хераскова «Нума, или процветающий Рим» | 105 |

РЕЦЕНЗИИ

| | |
|---|-----|
| <i>Дубова М. А.</i> Рецензия на книгу: Арьев А. Ю. Был целый мир: книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024. 536 с. | 113 |
|---|-----|

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

| | |
|---|-----|
| <i>Никитин О. В.</i> «Привет, Сонет!» 100 лет Владимиру Сергеевичу Совалину | 119 |
|---|-----|

CONTENTS

| | |
|--|----|
| Introducing the Theme of the Issue. | 6 |
| <i>V. Belukova</i> . “Kuprin is a True Artist, a Great Talent” (L. N. Tolstoy): On the 155 th Anniversary of Alexander Kuprin’s Birth | 8 |
| <i>T. Brysina</i> . The Role of Sentences with Defined Subjects in A. I. Kuprin’s Prose | 18 |

LINGUISTIC STUDIES

| | |
|---|----|
| <i>I. Kanel</i> . Semantic Roles of ‘Money’ as Agent and Patient in Russian Media Discourse | 26 |
| <i>I. Papusha, N. Khalikova</i> . Invariant Matrices of Complex Syntactic Units’ External Forms | 38 |
| <i>M. Sandakova</i> . Degree Adverbs: Semantic and Lexicographical Aspects | 48 |
| <i>E. Sokolova</i> . Asyndetic Complex Sentences with Temporal Relations as a Means of I. A. Bunin’s Linguistic Personality Representation in His Short Stories | 60 |
| <i>O. Sokolova</i> . Preposing Syntactic Series of Attributive Adjectives with Explanatory or Clarifying Connotation | 69 |
| <i>T. Fadeeva, O. Shatalova</i> . Experience in Creating the Encyclopedia Called “Hello, Russian World!” for Children from Foreign Culture | 79 |

LITERARY STUDIES

| | |
|--|-----|
| <i>A. Kozin</i> . Ballad Genre as J. W. Goethe’s Experimental Field. | 86 |
| <i>N. Puriaeva</i> . Lubok Novel About Princess Sophia. | 94 |
| <i>A. Puchkova</i> . The Objective World as a Means to Manifest Allegorical Historiography in M. M. Kheraskov’s Novel “Numa, Or Prosperous Rome” | 105 |

REVIEWS

| | |
|---|-----|
| <i>M. Dubova</i> . Book Review: Arieu A. Yu. There Was a Whole World: Book About Georgy Ivanov. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya publ., 2024. 536 p. | 113 |
|---|-----|

SCIENTIFIC LIFE

| | |
|--|-----|
| <i>O. Nikitin</i> . “Hello, Sonet!” 100 th Anniversary of V. S. Sovalin’s Birth | 119 |
|--|-----|



155 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. КУПРИНА

7 сентября исполнилось 155 лет со дня рождения Александра Ивановича Куприна, ставшего классиком XX века талантливого прозаика, признанного мастера короткого рассказа, создателя социально-психологических повестей, поражающих и современного читателя тонким запечатлением движений человеческой души, поистине русского писателя, вернувшегося из эмиграции в Советский Союз в 1937 году.

Не ослабевает читательский интерес к произведениям А. И. Куприна, а зрительский – к экранизациям «Гранатового браслета» и «Поединка», «Олеси» и «Ямы», «Белого пуделя» и др. (всего было снято около тридцати фильмов).

Купринисты продолжают исследовать богатую личность писателя, его потенциал, охватывая все стороны жизни литератора, полной странствий, скитаний, потерь. На родине Александра Ивановича, в пензенском селе Наровчат, открыт дом-музей его имени, где экспонируются рукописи, письма, публицистические статьи, очерки, прижизненные издания произведений, личные вещи, портреты, предметы обихода. Литературоведы и лингвисты проводят всероссийские и международные конференции и публикуют сборники научных трудов, посвящённые изучению творчества, языка и стиля писателя; издана Купринская энциклопедия.

В предлагаемых нашим журналом публикациях, посвящённых 155-летию Александра Куприна, ставится задача исследования центральных тем и мотивов его творчества – армейской темы и темы любви; выявляется роль определённо-личных предложений в прозе писателя с опорой на структурно-семантический анализ различных композиционно-речевых структур художественного текста, содержащих определённо-личные предложения.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
современного русского языка имени профессора П. А. Леанты
Государственного университета просвещения,
академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Отечественная филология»*

Научная статья

УДК 821.161. 1

DOI: 0.18384/2949-5008-2025-5-8-17

«КУПРИН – НАСТОЯЩИЙ ХУДОЖНИК, ГРОМАДНЫЙ ТАЛАНТ» (Л. Н. ТОЛСТОЙ): К 155-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА КУПРИНА

Белукова В. Б.

АНОВО «Московский международный университет», Москва, Российская Федерация

e-mail: zaglobav@mail.ru

Поступила в редакцию 02.09.2025

Принята к публикации 15.09.2025

Аннотация

Цель. Изучить оценку прозы А. И. Куприна как современниками, так и последующими исследователями, а также влияния его творчества в аспекте художественной онтологии писателя, раскрывая бытийную сущность его символики, что позволяет глубже осознать значение высказываний творческих личностей о нём как о своём брате по перу. В статье оценивается разнообразность ракурсов воспоминаний о деятельности А. И. Куприна, исследуется уникальность и культурно-историческая ценность его наследия.

Процедура и методы. Автором предложен анализ, посвящённый творчеству А. И. Куприна. Подход к раскрытию проблемы зиждется на оценке читателей Куприна разных эпох и времён – от Л. Н. Толстого и А. П. Чехова до Павла Басинского и Виктории Миленко, что позволяет судить об очевидной схожести взглядов авторов на литературно-художественный процесс в целом и на наследие А. И. Куприна в частности.

Результаты. В ходе работы были выявлены различные точки зрения критического подхода к наследию А. И. Куприна и сделан вывод о необходимости овладения основами мастерства критика на используемом материале.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автору удалось предложить новый подход к оценке творчества А. И. Куприна в критическом потенциале писателей-критиков.

Ключевые слова: история отечественной литературы, одоративная лексика, писатели-критики, писательское мастерство и ремесло, художественные особенности

Для цитирования:

Белукова В. Б. «Куприн – настоящий художник, громадный талант» (Л. Н. Толстой): к 155-летию со дня рождения Александра Ивановича Куприна // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 8–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-8-17>.

Original research article

“KUPRIN IS A TRUE ARTIST, A GREAT TALENT” (L. N. TOLSTOY): ON THE 155TH ANNIVERSARY OF ALEXANDER KUPRIN’S BIRTH

V. Belukova

Moscow International University, Moscow, Russian Federation

e-mail: zaglobav@mail.ru

Received by the editorial office 02.09.2025

Accepted for publication 15.09.2025

Abstract

Aim. To examine both the assessment of A. I. Kuprin's prose given by contemporaries and subsequent scholars and the influence of his work on the writer's artistic ontology, revealing the existential essence of his symbolism, thereby allowing for a deeper understanding of the significance of creative individuals' statements about him as a fellow writer. Diversity of recollections of A. I. Kuprin's work is evaluated, and uniqueness, cultural and historical value of his legacy are examined.

Methodology. The author offers an analysis dedicated to the work of A. I. Kuprin. To solve the problem, assessments of Kuprin's readers from different eras and periods – from Leo Tolstoy and A. P. Chekhov to Pavel Basinsky and Victoria Milenko – are made; this makes it possible to clarify similarity in the authors' views on the literary and artistic process and on A. I. Kuprin's legacy.

Results. During the work, various points of view of the critical approach to the legacy of A. I. Kuprin were identified, and a conclusion was drawn about the need to master the basics of critical skill using the material used.

Research implications. The author has proposed a new approach to evaluate A. I. Kuprin work within the critical perspective of writer-critics.

Keywords: history of Russian literature, odorant vocabulary, writer-critics, writing skills and craft, artistic features

For citation:

Belukova, V. B. (2025). "Kuprin is a True Artist, a Great Talent" (L. N. Tolstoy): On the 155th Anniversary of Alexander Kuprin's Birth. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 8–17. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-8-17>.

Введение

Слова «его сочинения – живая летопись той эпохи» [1, с. 645], сказанные критиком Белинским о Д. И. Фонвизине, как нельзя лучше подходят к наследию крупнейшего и интереснейшего русского писателя Александра Ивановича Куприна (1870–1938), чей 155 летний юбилей отмечается в этом году. Жизнь его была похожа на приключенческий, даже авантюрный роман: Корней Чуковский отметил, что Куприн обладал «необыкновенным умением сближаться ради своих писательских надобностей с людьми всевозможных профессий: с шахтёрами, банщиками, мастеровыми, шулерами, карманниками, фальшивомонетчиками, взломщиками несгораемых касс, укротителями тигров и львов»¹, добавим тюремщиков и ещё пару десятков людей подобного рода профессий. К перечисленным индивидуумам добавлялись актрисы и цирковые, музыканты и художники, укротители зверей и чиновники,

дамы нестрогих правил и высокородные титулованные особы, впоследствии прибавились персонажи эмиграции – все те, которые в совокупности образовывали «поток жизни» (Паустовский). Из-под пера писателя выходила полная картина, полноценное повествование о российской, а потом и зарубежной жизни. По справедливому высказыванию Саши Чёрного, знавшего Куприна и по России, и по эмиграции, «Александр Иванович Куприн – одно из самых близких и дорогих нам имён в современной литературе. Меняются литературные течения, ветшают формы; исканий и теорий неизмеримо больше, чем достижений, – но простота, глубина и ясность, которыми дышат все художественные страницы Куприна, давно поставили его за пределы капризной моды и давно отвели ему прочное, излюбленное место в сознании не нуждающихся в проводниках читателей» [2, с. 379].

Жизнь Куприна складывалась так, как у большинства людей, – он прошёл все её этапы: детство, отрочество, юность, зрелость, старость, и каждое время наложило

¹ Чёрный Саша. Тридцать пять лет // Чёрный Саша. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Эллис-Лак, 1996. С. 378.

на него свой отпечаток, который и вьелся в его душу и сердце, в его писательский ум, питая его мастерство. Он рос сиротой (отец умер, когда Куприну не было и двух лет), «раннее его детство прошло в скучнейшем Наровчате, в обстановке мещанской и скудной, но Куприн никогда не проклинал этот город. Наоборот, он любил его, как любят, должно быть, заброшенного и некрасивого ребёнка, и, будучи уже писателем, навещал его. Каким бы он ни был, этот безвестный Наровчат, но всё же это была родина, своя земля. Она первая открыла ему свою нехитрую прелесть».¹ До семи лет их с матерью жизнь проходила в московском казённом Вдовьем доме, далее были такие же казённые «университеты»: Кадетский корпус и Императорское Александровское юнкерское училище, после них – нелюбимая армейская служба, с которой он распрощался в 1894 г.

В армии ему было очень неуютно, но там было всё достаточно просто: армейская жизнь размеренна, все живут по уставу, всё распределено и определено, из ряда вон выходящего там немного. Свободная же жизнь предоставляет человеку выбор, каким путём идти и чем в жизни заниматься.

Выйдя в 24 года в отставку, он поселился в Киеве, где занялся поначалу журналистикой: был репортёром, писал ежедневно не только в киевскую прессу и близлежащие южные газеты – одесские, ростовские, но и даже в газеты Поволжья. Фельетоны, театральные рецензии, рассказы, стихи, статьи, очерки, судебная хроника – размах и разброс жанров был необычайно широк, как и род занятий, которыми ему приходилось заниматься: грузчик арбузов, землемер-таксатор, актёр, певец, управляющий имением, кузнец, столяр, псаломщик; он был учителем в училище слепых и сам учился на зубного протезиста, был вором, санитаром в морге и конокрадом, он разводил «махорку-сере-

брянку» и даже пытался стать монахом! И всё это для того, чтобы «видеть всё, знать всё, уметь всё и писать обо всём» [цит. по: 3, с. 121], как сформулировал он в лекции «О репортёрах и газете» в Первой школе журнализма в Петрограде 14 апреля 1918 г.: «Ведь нет ни одного ничтожного явления, которое не оставило бы во мне неизгладимого следа, – написал он в рассказе «Вечерний гость» (1904), – Каждая прожитая мною минута кладёт вечную, но неизвестную мне печать на мой характер, на мою любовь или отвращение к жизни, на ум, на здоровье, на память и воображение, на всю мою грядущую жизнь, а может быть, даже на жизнь моих детей и внуков».² Как это перекликается с началом творческой жизни М. Горького, который писал: «среди грузчиков, босяков, жуликов я чувствовал себя куском железа, сунутым в раскалённые угли, – каждый день насыщал меня множеством острых, жгучих впечатлений ... тянуло меня к этим людям, вызывая желание погрузиться в их едкую среду»³. При всём многообразии купринских тем и мотивов центральными мы выделяем армейскую тему и тему любви.

Армейская тема

«Что же такое всё это хитро сложенное здание военного ремесла? Ничто. ... Что же такое тогда война с её неизбежными смертями и всё военное искусство, изучающее лучшие способы убивать? Мировая ошибка? Ослепление?»

(А. И. Куприн. *Поединок*)

Воспоминания об армии не отпускали его всю жизнь, начиная с первых рассказов «Дознание» (1894), «Прапорщик армейский» (1897), «Ночная смена» (1899), «Ночлег» (1895) «В походе» (1901), «В казарме» (1903), «Штабс-капитан Рыбников» (1905), «Бред (1907)» и другие и заканчи-

¹ Паустовский К. Г. Поток жизни (Заметки о прозе Куприна) // Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 9.

² Куприн А. И. Вечерний гость // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1971. С. 294.

³ Горький А. М. Мои университеты // Горький А. М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 13. М.: ГИХЛ, 1949. С. 538.

вая повестью «Юнкера» (1933), которая вместе с повестями «Кадеты» (1900) и «Поединок» (1905) образуют своеобразную трилогию, где давались не только картины тогдашнего армейского быта, но и глубокие психологические портреты персонажей.

Как известно, Куприн прослужил в полку всего четыре года, но, как напишет Паустовский, «этого времени ему вполне хватило, чтобы досконально изучить армейскую жизнь и написать через несколько лет одно из самых замечательных и беспощадных произведений русской литературы – повесть “Поединок”» (1906). «Появление этой книги, – продолжает Паустовский, – было тяжелейшей пощёчиной политическому строю царской России. Успех “Поединка” был поистине неслыханным и небывалым. ... я помню и то грозное время и то впечатление, какое произвела новая книга Куприна. Все искали причин маньчжурского поражения. Куприн в “Поединке” сказал своё слово об этих причинах с такой неопровержимостью, что даже сторонники царского строя были растеряны. Нельзя было спорить с очевидностью. А этой очевидностью был “Поединок” – повесть и вместе с тем документ о тупой и сгнившей до сердцевины офицерской касте, об армии, державшейся только на страхе и унижении солдат, об армии, как бы нарочно созданной для неизбежного и постыдного разгрома в первых же боях. Волна гнева прокатилась по стране. ... лучшая часть офицерства приветствовала Куприна и посылала ему благодарственные телеграммы».¹ Отмечая, что повесть Куприна «Поединок» имела огромный успех, критик Святополк-Мирский в то же время указывает, что это «вовсе не революционное произведение»: «в повести скорее отражается точка зрения типичного “чеховского интеллигента”» [4, с. 592].

¹ Паустовский К. Г. Поток жизни (Заметки о прозе Куприна) // Паустовский К. Г. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. С. 13–14.

Куприн рано почувствовал тягу к литературе, и творческий писательский дебют произошёл в 1889 году, когда в «Русском сатирическом листке» от 3 декабря был опубликован его первый рассказ «Последний дебют» с весьма незатейливым, но очень эмоциональным сюжетом: актриса прямо на сцене выпивает яд после монолога, обращённого к бросившему её любовнику, «высокому статному мужчине», на лице которого была «печать какой-то гордой самоуверенной силы» и «особенно хороши были его большие, серые, холодные глаза, тяжёлый взгляд которых не могли выдержать многие, даже очень решительные люди».² После тяжкого объяснения, когда она осознала, что нелюбима, актриса на сцене «каким-то надорванным голосом рассказывала историю своей несчастной, погибшей любви, роптала на небо и просила у него смерти, молилась за человека, разбившего её жизнь, и призывала на его голову проклятия. Она ничего не видала, кроме мощной фигуры, неподвижно стоявшей посреди сцены, и сама не знала, какое чувство будила в ней эта фигура: прежнюю ли беззаветную любовь, или глубокую ненависть и презрение...»³; «тяжёлые мысли, как кошмар, проносились и путались в её голове, а вместе с ними создавалось и зрелось какое-то ужасное решение»⁴: она выпила яд, «побледнела, зашаталась и со страшным, раздрающим душу криком упала на пол. При гробовом молчании медленно опустился занавес, и через мгновение «театр задрожал от бури аплодисментов. Раздавались неистовые крики, вызывающие актрису, на сцену посыпались цветы и венки... Но бледный человек у рампы сквозь слёзы произнёс: «Господа, Гольской не стало...»⁵

За этот рассказ Куприн несколько дней пробыл на гауптвахте.

Но так обозначилась главная тема писателя – тема любви.

² Куприн А. И. Последний дебют // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957. С. 536.

³ Там же. С. 540.

⁴ Там же. С. 539.

⁵ Там же. С. 542.

Тема любви

«Любовь одна дороже богатства, славы и мудрости, дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти».

(А. И. Куприн. *Суламифь*)

Известно письмо Куприна к, согласно Чуковскому, «его лучшему и вернейшему другу»¹ – филологу, историку литературы, профессору Санкт-Петербургского университета, специалисту по романогерманским языкам – Ф. Д. Батюшкову, в котором есть такая фраза: «Не в силе, не в ловкости, не в уме, не в таланте, не в творчестве выражается индивидуальность. Но в любви!»²

И о чём бы ни писал Куприн, какие бы проблемы он ни поднимал, на первом месте всегда была тема любви – трагическая как, например, в рассказах «Последний дебют» (1889), или «Allez!» (1897), печальная, как в повести «Олеся» (1899), уродливая, страстная, чувственная, как в рассказах «Наталья Давыдовна» (1896) или «Погибшая сила» (1900), бесхитростная и романтическая, как в рассказе «Святая любовь» (1895), в котором герой рассказа, наивный чистый юноша, попавший под чары опытной жрицы любви, к тому же, похоже, содержавшей сутенёра, случайно узнал правду о ней, но через много лет, рассказывая эту историю, заключил: «Они ушли. Я сидел, окаменев от стыда, отчаяния и какой-то безумной тоски. Ни мысли, ни какого-нибудь определённого ощущения у меня в эти ужасные мгновения не было. Точно я погружался в какой-то страшный безымянный хаос... Но никогда потом в жизни не испытывал я ни таких чистых радостей, ни таких терзаний, как в эту весну, ставшую на грани моей розовой юности и богатой горьким опытом зрелости».³

¹ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 204.

² Цит. по: Этов В. И. Тепло ко всему живущему (уроки Куприна) (вступительная статья) // Куприн А. И. Гранатовый браслет (сборник). М.: Детская литература, 1988. С. 6.

³ Куприн А. И. Святая любовь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 542.

Несомненно, что главными произведениями о любви можно по праву считать повесть «Олеся» (1898), рассказы «Суламифь» (1908) и «Гранатовый браслет» (1911), в которых громко звучит «трагический лейтмотив: неразделённая, какая-то экзальтированная и возвышенная любовь к недоступной женщине».⁴

Куприн как художник рисует мир социально несовершенным, но в то же время он показывает, что в этом мире существует человеческая душа, в которой происходят всевозможные духовные процессы, которая, реагируя на несовершенство мира, ищет пути к гармонии, к совершенству. И один из главных путей – путь любви.

В «Олесе» автор показывает столкновение двух культур, двух образов жизни, двух мировоззрений и мировосприятий: с одной стороны, хороший, честный, но безвольный и примитивный *городской* Иван Митрофанович, с другой – *лесная* девушка, *дитя природы* Олеся, ставшая символом духовной чистоты в русской литературе. С одной стороны, злоба, зависть и невежество *городских*, с другой – благородство, великодушие, искренность и чуткость необразованной героини. Повесть «Суламифь», посвящённая другу-сопернику И. А. Бунину, отсылает нас к библейским временам. Написанная по мотивам ветхозаветных притч, она, по словам автора, жанра определённого поначалу не имела: «пишу не то историческую поэму, не то легенду ... о любви Соломона и Суламифи. ... Что выйдет – не видно, но задумано много яркой страсти...»⁵ Дочь Куприна Ксения писала: «Вскоре отец начинает собирать материалы для повести “Суламифь” – на сюжет библейской легенды о любви царя Соломона к простой девушке. Мама часто мне говорила, что Александр Иванович писал свою повесть под впечатлением своей любви к ней. Батюшков, которого отец, увлечённый своей работой над повестью, просит

⁴ Седых А. Куприн // Седых А. Далёкие, близкие. 3-е изд. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1979. С. 15.

⁵ Куприн А. И. Суламифь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 410.

присылать ему разные материалы, тоже подтверждает это: «Сельский священник принёс старинную Библию. Куприн стал ею зачитываться. Тут подошёл и субъективный мотив: он недавно перед тем развёхался с первой женой и собирался вновь вступить в брак. И если раньше, после первой женитьбы, он любил себя ставить в положение Пушкина, перед которым он как-то особенно благоговел (Пушкин и Толстой – его литературные кумиры), то теперь его страстно захватил облик царя Соломона. Ему всё нужно было о нём узнать: и историю, и легенды, все апокрифы о Соломоне, исследования в этой области, бывшие в ту пору религиозные культуры и т. д. Словом, в течение нескольких месяцев он только и бредил Соломоном и Суламифью. Пересказать по-своему “Песнь песней” и придать реальный смысл тому, что толкуется иносказательно, стало у него душевной потребностью. Образы неотвязчивые стояли в его воображении».¹

Отметим, что исследователи насчитывают в греческом языке от 7 до 27 определений любви, но в широком употреблении остаётся 8 определений, что тоже немало: *eros* (чувственная любовь), *stergo* (любовь, привязанность, родство не только детей и родителей, но и любовь народа к своему правителю, любовь к родине, также любовь раба к своему господину), *phileo* (любовь друзей и товарищей, которых многое объединяет, поэтому они уважают и ценят друг друга), *agape* (любовь к богу), *manía* (любовь-одержимость, разрушительный вид любви, который приносит вред и самому влюблённому, и его возлюбленному), *ludus* (любовь, полная игр); *pragma* (практическая любовь), *kaşoúra* (безответная любовь).

И для актрисы Лидии Гольской («Последний дебют»), и для Олеси («Олеса»), и для Норы («Allez!»), и для княгини Веры Шеиной («Гранатовый браслет»), и для Суламифи («Суламифь»), и даже для Шурочки («Поединок»), и тем

более для каждой несчастной из повести «Яма» Куприн находит свою неповторимую интонацию в передаче их сложного внутреннего мира, потому что в основе каждой любви, какой бы она ни была трагической, лежит прекрасное незамутнённое чувство. Каждый, кто любил, понимает правдивость слов, данных автором в эпитафии: «Положи мя, яко печать, на сердце твоём, яко печать, на мышце твоей: зане крепка, яко смерть, любовь, жестока, яко смерть, ревность: стрелы её – стрелы огненные. *Песнь Песней*».² История любви великого царя Соломона, который, будучи пресыщенным всеми благами земной жизни, первым понял, что «во многотрудности много печали, и кто умножает познание – умножает скорбь», который узнал, что «и при смехе иногда болит сердце и концом радости бывает печаль», который проникся словами Екклесиаста «всё суета сует и томление духа», «тогда не знал ещё царь, что скоро пошлёт ему бог такую нежную и пламенную, преданную и прекрасную любовь, которая одна дороже богатства, славы и мудрости, которая дороже самой жизни, потому что даже жизнью она не дорожит и не боится смерти».³

Любовь, по Куприну, – это высшая ценность, которой может обладать человек; только истинная любовь не подчиняется никаким социальным либо материальным преградам, любовь – это вершина человеческих отношений, истинная любовь не содержит в себе ни насилия, ни повелевания, она свободна.

Любовь Соломона и Суламифи трагична: царица Астис, «порочная», «жестокая», «сладолюбивая», «отвергнутая» Соломоном, сначала приказывает влюблённому в неё Элиаву рассказать, чем же взяла царя «девочка из виноградника», и, узнав, что «она – вся любовь, вся нежность и ласка», «кротка и стыдлива», «не возбуждает ни в ком ни злобы, ни ревности, ни зависти», а тот «как раб, лежит около её ног,

¹ Куприна К. А. Куприн – мой отец [Электронный ресурс]. URL: <https://kuprin-lit.ru/kuprin/bio/moj-otec/kuprina-3.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

² Куприн А. И. Суламифь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 195.

³ Там же. С. 202.

и как собака не спускает с неё глаз своих»¹, приказывает ему убить их обоих; награда ему – она сама! Но Элав смог убить только Суламифь, которая бросилась защищать своего возлюбленного от нападающего на него воина с блестящим смертоносным мечом. Нежный к Суламифи Соломон может быть жестоким к её убийцам: убить Элиава он приказывает Ванее, которому тот доводится внуком, не принимая от него никаких возражений: «когда Ваня поднял голову и увидел глаза царя, он быстро встал с пола и послушно направился к выходу».² Но ещё более жестоко поступил он с царицей Астис: он не предал её смерти, он изгнал в её Египет, «пусть она живёт, как хочет, и умирает, где хочет. Но никогда она не увидит более моего лица».³

Развитие этого мотива мы увидим позднее, например, в рыцарском романе Лиона Фейхвангера, в «Испанской балладе» («Еврейка из Толедо», 1954): когда Ленор, жена короля Альфонсо, призналась, что это она велела убить Ракель, он отослал её от себя; Ленор не этого хотела, думая, что, устранив соперницу, вернёт мужа, но решение короля было непреклонным: она никогда не взойдёт на его ложе, он не хотел её любви; любовь злодейки, убийцы была ему ненавистна. И с ужасом Ленор поняла, что не *божьей милостью* она королева, но *божьм гневом*. Для Альфонсо Ракель жива, видеть свою жену, убийцу, он не хочет, и Ленор поняла, что проиграла, потому что обречена влачить бесплодную, одинокую жизнь. Человек смертен, его можно убить, но нельзя убить любовь, если она возникает в душе и сердце человека. Жизнь хрупка, но любовь вечна. И королева Ленор, и царица Астис избавились, как им казалось, от соперниц, но это всё оказалось призрачным: они обе навсегда потеряли тех, кого тоже любили и кто не простил им убийство своих возлюбленных.

Почитая трёх гигантов русской литературы – Пушкина, Льва Толстого, Чехова,

Куприн, как и они, искал смысл жизни, мудрость жизни. Как и они, Куприн считал чувство любви наиглавнейшим в духовной жизни человека. Он высказал своё жизненное кредо достаточно лаконично: «Единственная *форма власти*, допустимая для человека, – это власть творческого гения, добровольно принятая, сладкая, волшебная власть».⁴

Критик Святополк-Мирский отмечал, что хотя Куприн писал много, «ему не удалось единственного и незабываемого шедевра, в котором он бы выразился весь» [4, с. 592]. В то же время он высоко оценивает рассказ «Гранатовый браслет» (1911), который есть, по его мнению, «романтическая и мелодраматическая история любви бедного чиновника к светской даме. По чистоте повествовательного построения это один из лучших рассказов своего времени» [4, с. 593]. Поскольку Святополк-Мирский («красный князь») был приверженцем русской классической школы и труд его представляет собой охват «Истории русской литературы с древнейших времён по 1925 год», то, наверное, ему был близок представитель реализма в век модернизма. Оценивая художественную школу «Знание», основанную Горьким, Святополк-Мирский указывает, что «все выдающиеся молодые прозаики присоединились к группе Горького и стали печататься», но только «трое стали оригинальными писателями: Куприн, Бунин и Андреев» [4, с. 589]. И если, считая одним из лучших рассказов Куприна «Штабс-капитан Рыбников» (1906), он указывает в нём на некоторую деталь, «несущую клеймо “горьковской” школы», то «Гранатовый браслет» – «свободный от горькизмов»! [4, с. 593].

Кстати, в самом начале статьи Святополк-Мирский уточняет: «Александр Иванович Куприн» (произношение Куприн неправильное. – В. Б.) [4, с. 591]. В то же время в воспоминаниях И. А. Бунина обращено внимание, что «его

¹ Там же. С. 240.

² Куприн А. И. Суламифь // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1958. С. 246.

³ Там же. С. 246.

⁴ Куприн А. И. О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай» // Куприн А. И. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. М.: ГИХЛ, 1982. С. 446.

имя, которое все тогда произносили с ударением на первом слоге, и этим ударением, как я видел это впоследствии, почему-то так оскорбляли его, что он, как всегда в минуты гнева, по-звериному щурил глаза, и без того небольшие, и вдруг запальчиво бормотал своей обычной армейской скороговоркой, ударяя на последний слог: «Я – Куприн и всякого прошу это помнить. На ежа садиться без штанов не советую».¹

Заключение

«Сущность художественного произведения – в одушевляющей его идее страсти, а не в его качественных признаках, которые все подчинены той идее».

(М. О. Гершензон) [5, с. 10]

В статье о Петrarке Гершензон прозорливо отметил, что творческие люди весьма «противоречивые натуры» и поэтому «увлекательно наблюдать богатство их внутренней жизни, ... их душевные муки – залог восхождения по крутым ступеням».²

Бесспорная мысль Гершензона раскрывается во всей полноте, когда обращаешься к очерку К. И. Чуковского «Куприн», воспоминаниям Тэффи, Саши Чёрного, И. А. Бунина или к воспоминаниям других купринских современников, к его личности и его творчеству. Например, глаз Чуковского – острый, знания – огромные, вкус – безупречный, память – отличная, поэтому как живого через полтора века видишь замечательного русского писателя Куприна.

По всему очерку рассыпаны детали, делающие писателя ближе, но и возбуждающие глубокое сочувствие: с одной стороны, он великолепный ходок, он очень компанейский человек, всегда окружён людьми, он любил всевозможные розыгрыши близких людей, т. к. никогда не покидала его «в те времена мальчишеская озорная любовь

к проделкам и дурачествам всякого рода», у которого «необыкновенно живые глаза».³ С другой – налицо последствия тяжкой болезни, когда его видели «отяжелевшим, с остекленелым лицом», весь «оцепенелый, скованный».⁴ Чуковский отмечал, что его интересовало всё: и подробности жизни петербургских цыган, когда он разговаривал с прославленным лётчиком Уточкиным, то «можно было подумать, что Куприн – профессиональный спортсмен, а Уточкин – профессиональный писатель»⁵, его жажда всё знать и всё уметь доходила до абсурда: он даже захотел испытать, как чувствует себя профессиональный вор-грабитель!

«У него у самого было обоняние звериное... По части запахов у Куприна был единственный соперник – Иван Алексеевич Бунин, и когда они сходились вдвоём, между ними начиналось состязание – азартная весёлая игра: кто определит более точно, чем пахнет католический костёл во время пасхальной заутрени, чем пахнет цирковая арена, и т. д. и т. д. и т. д. ...»⁶

Бунин очень прозорливо, но с несомненной грустью определил, что Куприн «мотал ... своё здоровье, свои силы и способности с расточительностью невероятной, жил где попало и как попало с бесшабашностью человека, которому всё трын-трава...»⁷

В дореволюционное время Куприн «производил впечатление человека даже чрезмерно здорового: шея у него была бычья, грудь и спина – как у грузчика; коренастый, широкоплечий, он легко поднимал за переднюю ножку очень тяжёлое старинное кресло».¹ И тем разительнее его портрет в эмиграции, нарисованный И. А. Буниным:

³ Чёрный Саша. Тридцать пять лет // Чёрный Саша. Собрания сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1996. С. 378.

⁴ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 194.

⁵ Там же. С. 188.

⁶ Там же. С. 190.

⁷ Бунин И. А. Воспоминания // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. С. 252.

¹ Бунин И. А. Воспоминания // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. С. 252.

² Гершензон М. О. Видение поэта. Петrarка [Электронный ресурс]. URL: <https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/italy/gershenzon-videnie-poeta.htm> (дата обращения: 16.03.2025).

«я как-то встретил его на улице и внутренне ахнул: и следа не осталось от прежнего Куприна! Он шёл мелкими, жалкими шажками, плёлся такой худенький, слабенький, что, казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, не сразу узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слёзы навернулись на глаза».² Таким же его увидел и Чуковский: «В 1937 году Куприн возвратился на родину такой измождённый и хилый, что его невозможно было узнать, словно его подменили. В этом немощном подслеповатом человеке с такой тоненькой шеей, с таким растерянным изжелта-бледным лицом не осталось ни единой черты от того Куприна, который запечатлён в его книгах ... здоровый, мускулистый, полнокровный талант, пышущий нутряными, могучими силами».³

В эмиграции, которая продлилась с осени 1919 по весну 1937 года, в которой скрылся «от дождя огненного,

жизнь свою спасая»⁴, Куприн написал немало: самым значимым были «Купол св. Исаакия Далматского» (1928), три романа «оригинальных по творческому поиску» [2, с. 258] – «Колесо времени» (1929), «Юнкера» (1933), «Жанета: Принцесса четырёх улиц» (1934), рассказы.

Какой горечью наполнены слова Саши Чёрного о жизни в эмиграции: «Все мы переживаем теперь четвёртую жизнь. Первая протекала когда-то в России широко и беспечно, вторая тревожная и глухая – пришла с первых дней войны, третья – жалкое подобие жизни, которое мы владели при большевиках, четвёртая – эмигрантские серые дни... Пожелаем же в этой четвёртой нашей жизни, мы все, случайно уцелевшие от потопа, живущему среди нас родному и близкому нам писателю – дотерпеть, дома-аться до пятой жизни – у себя на раскрепощённой родине...»⁵

Не случилось...

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Взгляд на литературу 1846 года // Белинский В. Г. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3 / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М.: ОГИЗ: ГИХЛ, 1948. С. 641–684.
2. Смирнова Л. А. Куприн // Смирнова Л. А. Прозаики серебряного века. М.: Московский государственный областной университет, 2014. С. 253–306.
3. Берков П. Н. Александр Иванович Куприн: критико-биографический очерк. М.; Л.: Академия наук СССР, 1956. 209 с.
4. Святополк-Мирский Д. П. Куприн // История русской литературы с древнейших времён по 1925 год. Новосибирск: Свинин и сыновья, 2006. С. 691–593.
5. Гершензон М. О. Видение поэта. Петроград: б. и., 1919. 80 с.

REFERENCES

1. Belinsky, V. G. (1948). The View at the Literature of 1846. In: Belinsky, V. G. *Collected Works. Vol. 3*. Moscow: OGIZ publ., GIKH publ., pp. 641–684 (in Russ.).
2. Smirnova, L. A. (2014). Kuprin. In: Smirnova, L. A. *Prose Writers of the Silver Age*. Moscow: Moscow Region State University, pp. 253–306 (in Russ.).
3. Berkov, P. N. (1956). *Alexander Ivanovich Kuprin: Critical and Biographical Essay*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ. (in Russ.).

¹ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 180.

² Бунин И. А. Воспоминания // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. С. 255.

³ Чуковский К. Г. Куприн // Чуковский К. Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1966. С. 211.

⁴ Куприна К. А. Куприн – мой отец [Электронный ресурс]. URL: <https://kuprin-lit.ru/kuprin/bio/moj-otec/kuprina-3.htm> (дата обращения: 01.10.2025).

⁵ Чёрный Саша. Тридцать пять лет // Тридцать пять лет // Чёрный Саша. Собрания сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1996. С. 381.

4. Svyatopolk-Mirsky, D. P. (2006). Kuprin. In: *History of Russian literature from Ancient Times to 1925*. Novosibirsk: Svinin i Sons publ., pp. 691–593 (in Russ.).
5. Gershenzon, M. O. *The Poet's Vision*. Petrograd, 1919 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белукова Виктория Богдановна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук АНОВО «Московский международный университет»;
e-mail: zaglobav@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8314-0719

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria B. Belukova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Humanities, Moscow International University;
e-mail: zaglobav@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8314-0719

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-18-25

РОЛЬ ОПРЕДЕЛЁННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОЗЕ А. И. КУПРИНА

Брысина Т. Н.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

Серпуховский колледж, г. о. Серпухов, Российская Федерация

e-mail: tania.brysina@mail.ru

Поступила в редакцию 23.08.2025

Принята к публикации 05.09.2025

Аннотация

Цель. Выявить особенности употребления определённо-личных предложений в текстах А. И. Куприна.

Процедура и методы. Представлен структурно-семантический анализ различных композиционно-речевых структур художественного текста писателя, содержащих определённо-личные предложения.

Результаты. Проведённый анализ показал, что А. И. Куприн изображает острые картины современной ему жизни, обращая внимание не на идеальных героев, а на простых людей и на то, что их волнует и гнетёт. Поэтому употребление определённо-личных предложений связано с композиционными особенностями художественных текстов писателя.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования дополняют информацию о специфике использования определённо-личных предложений в творчестве А. И. Куприна. В работе использованы принципы разбора предложений, которые могут быть применены при изучении языка произведений разных авторов.

Ключевые слова: односоставное предложение, определённо-личное предложение, рациональное, текст, эмоциональное

Для цитирования:

Брысина Т. Н. Роль определённо-личных предложений в прозе А. И. Куприна // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 18–25. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-18-25>.

Original research article

THE ROLE OF SENTENCES WITH DEFINED SUBJECTS IN A. I. KUPRIN'S PROSE

T. Brysina

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

Serpukhov College, Serpukhov, Russian Federation

e-mail: tania.brysina@mail.ru

Received by the editorial office 23.08.2025

Accepted for publication 05.09.2025

Abstract

Aim. To identify the features of use of sentences with defined subjects in A. I. Kuprin artistic text.

Methodology. The structural and semantic analysis of selected fragments of the texts of the writer's artistic texts containing sentences with defined subjects is presented.

Results. The analysis showed that the use of sentences with defined subjects is associated with the compositional features of literary texts. The use of sentences with defined subjects serves as a means of actualizing the semantic content of the texts of the author's pieces of art.

Research implications. The results of the study complement the information about the specifics of the use of sentences with defined subjects in the artistic text of A. I. Kuprin. The paper uses techniques for analyzing text fragments, which can be applied when studying the artistic text of different authors.

Keywords: one-member sentence, sentence with defined subject, rational, text, emotional

For citation:

Brysina, T. N. (2025). The Role of Sentences with Defined Subjects in A. I. Kuprin's Prose. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 18–25. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-18-25>.

Введение

Вопрос об изучении односоставных предложений в художественном тексте не теряет своей актуальности. Лингвистика текста как одно из направлений в языкознании, ориентированное на «выход за пределы предложения», получает всё большее распространение.

Данная статья нацелена на рассмотрение композиционных особенностей художественного текста рассказа «Ю-ю» А. И. Куприна и выявление структурно-семантических характеристик использованных им определённо-личных предложений. Речевой материал извлечён из рассказа методом сплошной нацеленной выборки.

Структурно-семантический анализ соответствует алгоритму: квалификация выбранного фрагмента текста по критериям, определяющим его функционально-смысловой тип; предикативная характеристика определённо-личного предложения без учёта контекста; определение пропозиции и референции предложения с учётом контекста; оценка роли предложения в формировании основной мысли и типовых признаков текста.

Алгоритм структурно-семантического анализа разработан на основе синтаксического разбора предложения¹ и лингвистического анализа текста.² Теоретической базой исследования служат труды отечественных учёных для уровня предложе-

ния: В. В. Бабайцевой, В. В. Виноградова, П. А. Леканта и других учёных; для уровня текста: О. А. Амосовой, Л. Г. Бабенко, Н. С. Валгиной, В. В. Виноградова, И. Р. Гальперина, М. Я. Дымарского и др. С одной стороны, предложение представляет собой синтаксическую структуру со своими грамматическими категориями, с другой стороны, предложение как относительно законченное сообщение обладает смысловой структурой, передающей определённую коммуникативную цель. Эти взгляды нашли отражение в работах В. В. Виноградова, Н. С. Валгиной и других учёных.

По грамматической форме главного члена в работах А. А. Шахматова, П. А. Леканта, Т. Е. Шаповаловой [1] выделяются следующие подтипы определённо-личных предложений: спрягаемо-личный, спрягаемо-инфинитивный, связочно-именной.

Разновидности определённо-личных предложений в составе художественного текста

«Грамматическая семантика и формальные показатели позволяют чётко соотнести и противопоставить типы односоставных глагольных предложений, образующих стройную систему» [1, с. 68]. В односоставных предложениях рациональное «опирается на систему форм» и эксплицировано различными типами предложений, а эмоциональное – системой грамматических средств. «В формах интенсива представлены все основные аспекты эмоционального: субъективность, оценочность, градация» [2, с. 75–77].

Как отмечает П. А. Лекант, «в определённо-личных предложениях выражается

¹ Кострикина А. П. Современный русский язык. Семантический аспект простого предложения: учебное пособие. Куйбышев: Барабинская типография, 2011. 79 с.

² Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник; практикум. 3-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2005. 496 с.

действие (признак), соотнесённое с определённым деятелем (носителем признака), который, однако, словесно не обозначен. Указание на конкретного деятеля содержится в формах глаголов 1–2-го лица, а также повелительного наклонения, которые выступают в роли главного члена предложения (или входят в состав главного члена в качестве вспомогательного компонента).¹

Выбор формы повествования: от первого или от третьего лица – детерминирует использование определённо-личных предложений. В текстах, где повествование ведётся от первого лица, определённо-личные предложения применяются и в речи персонажей, и в авторской речи.

Обратимся к фрагменту: «Ах, ты всё-таки не позабыла про кошку? Хорошо, **возвращаюсь к ней**. И правда: мой рассказ почти исчез в предисловии. Так, в древней Греции был крошечный городишко с огромнейшими городскими воротами. По этому поводу какой-то прохожий однажды пошутил: смотрите бдительно, граждане, за вашим городом, а то он, пожалуй, ускользнёт в эти ворота». ² В спрягаемо-личном определённо-личном предложении **возвращаюсь к ней** используется личная форма глагола первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения и названо действие самого говорящего. Предложение выражает основную мысль фрагмента. Построение текста автором и его восприятие читателем всегда опирается на общие знания участников общения [3].

Учёные утверждают, что «каждый человек, каждая языковая личность обладает своим собственным индивидуальным когнитивным пространством в виде определённой совокупности знаний и представлений» [4, с. 131]. Индивидуальное когнитивное пространство включает в себя категорию рационального и эмоционального как способность сознавать это на понятийном уровне. Рациональное –

это уровень языковой реальности, а эмоциональное – это уровень несказанного. В целом рациональное и эмоциональное представляют диалектическое единство противоположностей.

Слушающий или читающий должен «свернуть» текст в образную схему, создать собственный текст на языке своей внутренней речи. «Это не просто поэтапная дешифровка смысла, в которой представлена выше модель порождения высказывания “работает” в обратной последовательности. ... Это сложный целостный психологический процесс, в котором большую роль играют предвосхищение (антиципация) и установка на понимание (или непонимание)» [5, с. 43–44]. Для адекватного восприятия текста читателю необходимо уяснить мотив, интенцию автора.

По мнению исследователей, «неповторимый А. И. Куприн не может быть измерен в контексте одного философского и идейно-эстетического контекста, потому что он и реалист, и романтик, и философ, и бытописатель, и самое главное, он и герой – люди, бесконечно влюблённые в жизнь, и в результате недооценки (или переоценки) её социально и психологически обусловленных процессов возможно упущение одного из важнейших компонентов его многогранного и весьма самобытного творчества» [6, с. 612].

По мнению П. Н. Беркова, «самое осмеивание шаблона таит в себе опасность превратиться в шаблон, но у Куприна этого не было. Одной борьбой с трафаретами и штампами он не ограничивался. У него не выработался свой собственный шаблон, и почти каждое его произведение, особенно зрелого периода, представляло какое-то новое решение проблемы художественной формы в зависимости от содержания. И эта постоянная новизна (не «новаторство» в плохом смысле слова, а остающееся в пределах хорошей традиции), новизна, связанная с прекрасным знанием изображаемого материала и с простым, серьёзным и человечным содержанием, привлекала и продолжает привлекать читателей Куприна» [7, с. 176–177].

¹ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. С. 135.

² Куприн А. И. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1985. С. 628.

Писатель может соединять разные формы главного члена спрягаемо-личных определённо-личных предложений в одном фрагменте: «Ника, **спусти с колен Бобика**. Неужели ты думаешь, что щеня-чье ухо это вроде ручки от шарманки? Если бы так тебя кто-нибудь крутил за ухо? **Брось, иначе не буду рассказывать...**»¹

«Темпоральность в односоставных предложениях может быть представлена по-разному: в зависимости от типа предложений и способов выражения главного члена в них» [8, с. 319]. Формы императива и индикатива квалифицируют разную семантику модальности в объективном аспекте (ирреальную и реальную), предопределяющую и значение категории синтаксического времени – временной неопределённости или имперфективного будущего времени [9]. Главный член определённо-личных предложений позволяет создавать динамичные образы и передавать разнообразные действия и эмоции. Их применение способно оживить сюжет, описать персонажей и повлиять на восприятие читателя.

Степень волеизъявления в побудительных определённо-личных предложениях

В побудительном определённо-личном предложении выражается побуждение собеседника к действию, волеизъявление говорящего. По мнению П. А. Леканта, «в предложении совмещается информативный смысл и субъективный взгляд на него говорящего» [10, с. 47]. Степень побуждения может быть резкой, категоричной и мягкой в зависимости от его вида: приказа или просьбы, совета или разрешения, призыва или мольбы, предупреждения или запрета, требования или рекомендации предостережения и т. д.

А. И. Куприн использует определённо-личные предложения с формами повелительного наклонения как побудительные конструкции в речи рассказчика и в речи

героев. Они оживляют высказывание. Исследователи отмечают, что «выявление в тексте высказываний с побудительной семантикой представляет собой сложный процесс, включающий не только определение формальных признаков, но и установление общей семантики текста и контекста ситуации в целом» [11, с. 35].

«За всю свою жизнь она ни разу не мяукнула, а произносила только этот довольно музыкальный звук: “Муррм”. Но было в нём много разнообразных оттенков, выражавших то ласку, то тревогу, то требование, то отказ, то благодарность, то досаду, то укор. Короткое “муррм” всегда означало: **“Иди за мной”**».²

«“Мрум!” Это значит: **“Идите, я хочу нить”**».³

«Мрум. **Пустите воду**».⁴

«Муррум! **Бросьте** ваши глупости!..»⁵

«А вот собиралась-таки. **Послушай, Ника, как это вышло**»,⁶

«– Ника, **вынь** указательный палец изо рта».⁷

Глагольные формы императива второго лица единственного и множественного числа, образованные с помощью словоизменительного суффикса -и или нулевого суффикса, а также агглютинативного аффикса -те, в побудительных определённо-личных предложениях выражают просьбу и свидетельствуют о том, что автор проявляет склонность преимущественно к коротким, сжатым и полновесным конструкциям, которые отличаются свежестью впечатлений.

«Если уж слушать, Ника, то **слушай внимательно**. Такой уговор. **Оставь, милая девочка, в покое скатерть и не заплетай бахрому в косички...**»⁸ Глагольные формы второго лица единственного числа повелительного наклонения называют действия, к которым призывает автор. Высказывания носят назидательный ха-

¹ Куприн А. И. Избранные сочинения / вступ. статья О. Михайлова; Худож. П. Пинкиевич. М.: Художественная литература. 1985. С. 626.

² Куприн А. И. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1985. С. 628.

³ Там же. С. 629.

⁴ Там же. С. 630.

⁵ Там же. С. 630.

⁶ Там же. С. 632.

⁷ Там же. С. 625.

⁸ Там же. С. 625.

раक्टर. А обращение способно снизить степень категоричности волеизъявления.

«Он позвал свою старую жену и сказал:

– **Послушай**, Марихен, нет, ты послушай только, что говорит вот этот молодой человек, м-сье Пьер... **Повторите-ка**, молодой человек, **повторите**»;¹ «**Ну, скажи**, видала ли ты когда-нибудь ещё такую непоседу и егозу, как ты, Ника? Зачем ты нажимаешь мизинцем на веко? Тебе кажутся две лампы? И они то съезжаются, то разъезжаются? **Никогда не трогай глаз руками**...»²; «А какие они... Ника, **не жуй бумагу. Выплюнь**... А какие они славные отцы и матери, если бы ты знала! Птенцов высидывают поочередно – то самка, то самец. Гусь даже добросовестнее гусыни. Если она в свой досужный час заговорится через меру с соседками у водопойного корыта, – по женскому обыновению, – господин гусь выйдет, возьмёт её клювом за затылок и вежливо потащит домой, ко гнезду, к материнским обязанностям. Вот как-с!»³ В личной форме второго лица единственного и множественного числа повелительного наклонения содержатся призывы к определённым действиям слушающего. Волеизъявление усиливается с помощью лексических элементов, входящих в каждое предложение. «Грамматическая форма главного члена определённо-личных предложений характеризуется обозначением действий и конкретных указаний на деятеля» [12, с. 89].

Эмоциональность высказывания передают и частицы, присутствующие в определённо-личном предложении: «*И никогда не верь тому, что тебе говорят дурного о животных. Тебе скажут: осёл глуп. Когда человеку хотят намекнуть, что он недалёк умом, упрям и ленив, – его деликатно называют ослом. **Запомни же**, что, наоборот, осёл – животное не только умное, но и послушное, и приветливое, и трудолюбивое. Но если его перегрузить свыше его сил или вообразить, что он скаковая лошадь,*

то он просто останавливается и говорит: “Этого я не могу. Делай со мной что хочешь”». И можно бить его сколько угодно – он не тронется с места. Желал бы я знать, кто в этом случае глупее и упрямее: осёл или человек? Лошадь – совсем другое дело. Она нетерпелива, нервна и обидчива. Она сделает даже то, что превышает её силы, и тут же подохнет от усердия...»⁴

«И Ю-ю думает, что пора. Она уже давно выдумала развлечение: следит внимательно за строками, вырастающими у меня на бумаге, водя глазами за пером, и притворяется перед самой собою, что это я выпускаю из него маленьких чёрных уродливых мух. И вдруг хлоп лапкой по самой последней мухе. Удар меток и быстр: чёрная кровь размазана по бумаге. **Пойдём спать**, Ю-юшка. Пусть мухи тоже поспят до завтра».⁵ Главный член побудительного определённо-личного предложения представлен синтетической глагольной формой будущего времени первого лица множественного числа, со значением содержится ‘приглашение совместно с говорящим совершить действие’.

Структурно-семантические особенности определённо-личных предложений в разных типах речи

В. В. Виноградов утверждал, что «в композиции художественного произведения динамически развёртывающееся изображение мира раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в “образе автора” и его создающих» [13, с. 181].

В 1927 г. в печати появился рассказ с необычным заголовком «Ю-ю». Название было основано на кличке кошки. Повествование ведётся от первого лица, но по форме произведение представляет «рассказ в рассказе». Перед читателем появляется рассказчик, который ведёт неторопливую беседу с молчаливым слушателем, с некоей девочкой Никой. Фрагменты авторской речи по своей форме могут со-

¹ Куприн А. И. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1985. С. 640.

² Там же. С. 626.

³ Там же. С. 626.

⁴ Там же. С. 626.

⁵ Там же. С. 631.

ответствовать различным типам текста в зависимости от художественной композиции произведения.

В **повествовании** как функционально-смысловом типе речи показано отражение мира в движении, во времени. Например: «Телефонный аппарат наш помещался в крошечной передней на круглом столике, и около него стоял соломенный стул без спинки. **Не помню**, в какой из моих разговоров с санаторией я застал Ю-ю сидящей у моих ног; **знаю только**, что это случилось в самом начале. Но вскоре кошка стала прибегать на каждый телефонный звонок и, наконец, совсем перенесла своё место жилья в переднюю».¹ В выделенных предложениях с глагольной формой первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения указывается на состояние говорящего. Употребление частицы во втором предложении придаёт ему непринуждённость. Использование определённо-личных конструкций в роли главной предикативной единицы сложноподчинённых предложений обусловлено необходимостью выражения логичности изложения.

В **описании** главное внимание уделяется качествам и свойствам предмета, а не действиям. Это объясняется тем, что образ автора вводится специально. Например: «Я опять пишу быстро и с увлечением. Порою, не шевеля головою, брошу быстрый взор на кошку, сидящую ко мне в три четверти. Её огромный изумрудный глаз пристально устремлён на огонь, а поперёк его, сверху вниз, узкая, как лезвие бритвы, чёрная щёлочка зрачка. Но как ни мгновенно движение моих ресниц, Ю-ю успеваешь поймать его и повернуть ко мне свою изящную мордочку. Щёлочки вдруг превратились в блестящие чёрные круги, а вокруг них тонкие каёмки янтарного цвета. Ладно, Ю-ю, будем писать дальше».²

В **рассуждении** говорящий должен убедить слушателя, читателя в своём мнении: «Или, **возьмём**, лошадь. Что про неё говорят? Лошадь глупа. У неё только красота,

способность к быстрому бегу да память мест. А так – дура душой, кроме того ещё, что близорука, капризна, мнительна и непривязчива к человеку. Но этот вздор говорят люди, которые держат лошадь в тёмных конюшнях, которые не знают радости воспитать её с жеребьячьего возраста, которые никогда не чувствовали, как лошадь благодарна тому, кто её моет, чистит, водит коваться, поит и задаёт корм. У такого человека на уме только одно: сесть на лошадь верхом и бояться, как бы она его не лягнула, не куснула, не сбросила. В голову ему не придёт освежить лошади рот, воспользоваться в пути более мягкой дорожкой, вовремя попоить умеренно, покрыть попонкой или своим пальто на стоянке... За что же лошадь будет его уважать, спрашиваю я тебя?»³

Данный фрагмент выделен в отдельный абзац, т. к. по объёму и содержанию представляет собой самостоятельный фрагмент речи автора произведения. Внутриабзацное членение позволяет выделить три смысловых фазы, соответствующих развёртыванию сюжета от тезиса, доказательства к выводу. Способ изложения реализует такую коммуникативную установку, как объяснение. Глагольная форма **возьмём** указывает на совместное действие автора и читателя. Модальное значение связано со структурой предложения: глагольная форма выполняет функцию вводного компонента. Проявляется позиция автора. С помощью образа автора выражается стилистическое единство текста. Здесь не только субъект речи определяет речевое воплощение текста, но и сами по себе грамматические формы речи (первое лицо множественного числа настоящего времени) дают представление о рассказчике.

П. Н. Берков отмечает, что А. И. Куприн «всегда был повествователем по преимуществу. Сюжетная сторона его произведений изумляет своей отточенностью, продуманностью и отсутствием каких-либо неслаженностей, излишеств или неточностей» [7, с. 169–170].

¹ Куприн А. И. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1985. С. 633.

² Там же. С. 631.

³ Там же. С. 627.

Завершая повествование о преданной кошке, рассказчик приводит ещё один важный эпизод, так называемый несостоявшийся телефонный разговор кошки с маленьким мальчиком.

«– Дорогой Коля, я сейчас приставлю Ю-юшке к уху телефонную трубку. Готово! **Говори же ей твои приятные слова.**

– Какие слова? Я не знаю никаких слов, – скучно отозвался голосок.

– Коля, милый, Ю-ю тебя слушает. **Скажи ей что-нибудь ласковое. Поскорее.**

– Да я не зна-аю. Я не по-омню. А ты мне купишь наружный домик для птиц, как здесь у нас вешают за окна.

– Ну, Коленька, ну, золотой, ну, добрый мальчик, ты же обещал с Ю-ю поговорить.

– Да я не знаю говорить по-кошкиному. Я не умею. Я забы-ыл».¹

В данном случае Куприн-художник выступает в качестве Куприна-психолога. Автор стремится найти скрытые пружины поступков и действий людей. Сюжет заостряется. Куприн использует определённо-личные предложения с формами повелительного наклонения как побудительные конструкции в речи героев. С помощью

диалога увеличивается динамика произведения: «В трубке вдруг что-то щёлкнуло, крякнуло, и из неё раздался резкий голос телефонистки:

– Нельзя говорить глупости. **Повесьте трубку. Другие клиенты ждут.**».²

Заключение

В процессе анализа можно прийти к следующим выводам.

А. И. Куприн использовал различные грамматические формы главного члена в спрягаемо-личном подтипе определённо-личных предложений. Это позволило оживить повествование. Семантика определённо-личных предложений связана с семантикой текста. Выделение односоставных конструкций позволяет более детально разобрать текст. С одной стороны, определённо-личные предложения делают язык писателя точным и ясным. С другой стороны, определённо-личные предложения связаны с композиционной структурой произведения. Повествование ведётся от первого лица, чтобы передать субъективность, отношение говорящего к описываемым событиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаповалова Т. Е. Односоставные глагольные предложения в цикле очерков Василия Пескова «Земля за океаном» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2022. № 3. С. 68–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-68-76.
2. Лекант П. А. Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке // Русский язык в школе. 2011. № 7. С. 74–78.
3. Брысина Т. Н. Специфика употребления определённо-личных предложений в художественных текстах различных функционально-смысловых типов речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 8–14. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-8-14.
4. Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. Вып. 1 / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Макс пресс, 1997. С. 128–144.
5. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабириント, 2004. 320 с.
6. Тарасова И. И., Федченко Н. Л. Своеобразие творческого метода А. И. Куприна: «Смешение» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81). С. 610–613.
7. Берков П. Н. Александр Иванович Куприн. Критико-биографический очерк. М.; Л.: Академия наук СССР, 1956. 195 с.
8. Луннова М. Г. Определённая и неопределённая временная семантика односоставных предложений // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 319–321.

¹ Куприн А. И. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1985. С. 634.

² Там же. С. 635.

9. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания. М.: Московский государственный областной университет, 2020. 167 с.
10. Лекант П. А. Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 44–48.
11. Волкова А. Е. Побудительность как грамматическое и функционально-семантическое явление // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2010. № 1 (11). С. 31–36.
12. Рыженко Ю. А. Семантико-грамматическая организация глагольно-личных односоставных предложений // Культурная жизнь Юга России. Серия Филология. Журналистика. 2014. № 2 (53). С. 87–91.
13. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. 240 с.

REFERENCES

1. Shapovalova, T. E. (2022). Verbal One-Member Sentences in Vasily Peskov's Essay Cycle "The Land Beyond the Ocean." In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 68–76. DOI: 10.18384/2310-7278-2022-3-68-76 (in Russ.).
2. Lekant, P. A. (2011). Intensive Word Form as a Subjective Analytical Category in Russian. In: *Russian Language at School*, 7, 74–78 (in Russ.).
3. Brysina, T. N. (2016). Specific Features of the Use of Sentences with Defined Subjects in Fiction of Various Functional Semantic Types of Speech. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 8–14. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-8-14 (in Russ.).
4. Krasnykh, V. V. (1997). Cognitive Base vs. Cultural Space in the Aspect of Studying Linguistic Personality (On the Issue of the Russian Conceptual Sphere). In: *Language, Consciousness, Communication. Iss. 1*. Moscow: Max press publ., pp. 128–144 (in Russ.).
5. Sedov, K. F. (2004). *Discourse and Personality: Evolution of Communicative Competence*. Moscow: Labyrinth publ. (in Russ.).
6. Tarasova, I. I. & Fedchenko, N. L. (2020). The Peculiarities of A. I. Kuprin's Creative Method: "Mixture." In: *The World of Science, Culture and Education*, 2 (81), 610–613 (in Russ.).
7. Berkov, P. N. (1956). *Aleksandr Ivanovich Kuprin: Critical and Biographical Essay*. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences publ. (in Russ.).
8. Lunnova, M. G. (2012). Definite and Indefinite Temporal Semantics of One-Member Sentences. In: *Bulletin of Penza State Pedagogical University*, 27, 319–321 (in Russ.).
9. Shapovalova, T. E. (2020). *Temporal Semantics of Poetic Sentence*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
10. Lekant, P. A. (2012). Categories of the Rational and the Emotional in the Russian Language and Russian Speech. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 5, 44–48 (in Russ.).
11. Volkova, A. E. (2010). Exhortation as a Grammatical and Functional-Semantic Phenomenon. In: *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1 (11), 31–36 (in Russ.).
12. Ryzhenko, Yu. A. (2014). Semantic and Grammatical Organization of Verbal Personal One-Member Sentences. In: *Cultural Studies of Russian South*, 2 (53), 87–91 (in Russ.).
13. Vinogradov, V. V. (1971). On the Theory of Artistic Speech. Moscow: Vyshaya shkola publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брысина Татьяна Николаевна (г. Москва) – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения, преподаватель Серпуховского колледжа;
e-mail: tania.brysina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana N. Brysina (Moscow) – Applicant for Cand. Sci. (Philology) Degree, Department of the Russian Language named after P. A. Lekant, Federal State University of Education; Lecturer, Serpukhov College;
e-mail: tania.brysina@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1'42

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-26-37

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РОЛИ ДЕНЕГ КАК АГЕНТОВ И ПАЦИЕНТОВ В РУССКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Канель И. В.

Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: qwarran@gmail.com

Поступила в редакцию 21.01.2025

После доработки 21.02.2025

Принята к публикации 25.02.2025

Аннотация

Цель. Изучение модификаций семантических ролей единиц лексико-семантической группы «деньги» как агентов и пациентов в русском медиадискурсе, а также выявление их влияния на формирование общественного мнения, культурных установок и моральных ценностей.

Процедура и методы. Для достижения поставленных целей использовалась база данных Национального корпуса русского языка, а именно раздел «Социальные сети». Исследование охватывало по большей части примеры из Telegram, где наблюдалось, как с помощью различных лексических и синтаксических конструкций подчёркиваются агентные или пациентные качества денег.

Результаты. Анализ показал, что деньги в медиадискурсе могут как «активно влиять» на поведение индивидов, так и выступать в роли объектов, ожидающих действий. Установлено, что использование диминутивных форм и разговорной лексики придаёт обсуждениям эмоциональный характер, подчёркивая различия в восприятии денег среди тех или иных социальных групп.

Теоретическая и/или практическая значимость. Данное исследование вносит вклад в понимание взаимосвязи языка и экономической реальности, подчёркивая, как медиадискурс формирует восприятие денег в обществе. Выводы исследования могут быть полезны как для дальнейшего анализа медиадискурса, так и для практического применения в области экономической журналистики и социологии.

Ключевые слова: агентность, деньги, медиадискурс, пациентность, социокультурные ценности, экономическая коммуникация

Для цитирования:

Канель И. В. Семантические роли денег как агентов и пациентов в русском медиадискурсе // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 26–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-26-37>.

Original research article

SEMANTIC ROLES OF 'MONEY' AS AGENT AND PATIENT IN RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

I. Kanel

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: qwarran@gmail.com

© CC BY Канель И. В., 2025.

Received by the editorial office 21.01.2025

Revised by the author 21.02.2025

Accepted for publication 25.02.2025

Abstract

Aim. To examine the alterations in the semantic roles of lexical-semantic group units containing a component 'money' as both agents and patients in Russian media discourse, with a view to identifying their influence on the formation of public opinion, cultural attitudes, and moral values.

Methodology. To attain the predetermined objectives, the database of the National Corpus of the Russian Language, 'Social Networks' section specifically, was chosen as a recourse. The study principally focused on examples from the Telegram application, where it was observed how the agentic or patient qualities of money were emphasized with various lexical and syntactic constructions.

Results. The analysis revealed that money in media discourse can function in a dual capacity, simultaneously 'actively influencing' and awaiting action as objects. It was found that the use of diminutive forms and colloquial vocabulary imbues discussions with an emotional quality, thereby emphasizing the disparities in the perception of money among specific social groups.

Research implications. This study makes interplay between language and economic reality more understandable. By highlighting the influence of media discourse on the perception of money in society, it provides a valuable contribution to the existing body of knowledge. The study's findings hold significant value for both further analyses of media discourse and for practical applications in the domain of economic journalism and sociology.

Keywords: agency, money, media discourse, patency, socio-cultural values, economic communication

For citation:

Kanel, I. V. (2025). Semantic Roles of 'Money' as Agent and Patient in Russian Media Discourse. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 26–37. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-26-37>.

Введение

Под экономическим пространством понимается та область знаний о мире, «где особенно отчётливо проявляются базовые интересы социума и этноса, где заметны изменения в общественном сознании, ментальности носителя языка, где имеет место активная языковая динамика» [1, с. 3]. Среди актуальных для населения вопросов в целом – проблемы экономики.

Неотъемлемый атрибут любой экономики, деньги являются важнейшей частью человеческой жизни, их значение выходит далеко за рамки простого средства обмена. Они напрямую влияют на формирование морали и образа жизни, на развитие личности, семейных систем, о чём мы писали ранее [2, с. 269], и превратились даже в символ государства наряду с армией, спецслужбами, гербом, гимном и т. д. [3, с. 63]. Можно с уверенностью сказать, что в современной жизни деньги эволюционировали до масштабов не только сред-

ства обмена, но и социально-философского конструкта. Метафора «деньги – это философия» подчёркивает их важность и доминирующую роль в жизни людей. Использование слова *философия* говорит о глубоком влиянии денег на человеческое мировоззрение и ценности, тем самым превращая деньги в инициатора культурных изменений.

В лингвистическом контексте деньги выступают как агент и пациент, что открывает широкий спектр интерпретаций и понимания их роли в социуме. Исследование языковой репрезентации денег позволит нам раскрыть социальные и культурные аспекты влияния на восприятие денег и их значение в коммуникации.

Цель данного исследования — проанализировать модификации образа денег как агентов и пациентов в русском медиадискурсе, выявив их роль и влияние на формирование общественного мнения, культурных установок и моральных ценностей.

В частности, мы стремимся рассмотреть, как языковые конструкции и стилистические особенности медиадискурса отражают и моделируют смысл денег в современных российских социальных сетях.

Значение взаимосвязи языка и реально-го мира усиливается в свете «лингвистического поворота», который произошёл в философии и научных исследованиях XX в. Этот поворот акцентирует внимание на языке как на ключевом инструменте, через который мы понимаем и интерпретируем окружающую действительность [4, с. 58]. Философия языка стала центральной темой, связанной с культурным контекстом и психологией. Язык рассматривается как отражение культуры и психологии, неотъемлемая часть социального взаимодействия, что соответствует нашему исследованию медиадискурса с точки зрения агентной (или же пациентной) роли денег.

Язык не является лишь средством общения, он представляет собой мощный инструмент, формирующий понимание таких абстрактных концептов, как «деньги» и «богатство». В современном обществе, особенно в условиях быстро меняющейся экономики, медиаобраз денег в «сложном конгломерате информационных данных» (так называют экономический дискурс Н. С. Найденова и А. А. Мурадян [5]) приобретает особую значимость. В российских СМИ изображение денег отличается уникальными чертами, поскольку в нём проявляются ценности, культурные установки и исторический опыт, присущий только России.

За последние десятилетия наша страна пережила серьёзные экономические трансформации, в частности переход от централизованной плановой экономики к рыночной системе. В столь сложных условиях медиадискурс играет решающую роль в формировании общественного мнения (оказывая более «гуманное» и «цивилизованное» влияние на другие страны и регионы [6] по сравнению с любым другим взаимодействием). Экономический дискурс в современных цифровых медиа во многом

определяет индивидуальное и коллективное поведение в сфере финансов.

Профессор кафедры социологии Городского университета Лондона Фрэнк Уэбстер в своей книге «Теории информационного общества» пишет, что «по мере того, как СМИ во всё большей степени выражают интересы класса капиталистов, они не столько распространяют информацию, сколько формируют общественное мнение» [7, р. 223]. Поэтому медиа становятся лишь средством для поддержки бизнеса капиталистов и нацелены на то, чтобы подтолкнуть свою аудиторию к непрерывному потреблению. Важнейшей задачей СМИ в этом смысле является увеличение аудитории, которая напрямую интересует рекламодателей. Современная эпоха имеет такую особенность, как «массификация» и «массовизация» людей; по мнению французского психолога Сержа Московичи, этому способствовали индустриализация и глобализация общества, а кроме того, и развитие массовой культуры (рекламы и т. д.) [8, с. 8]. Стало возможным экстраполировать динамику функций традиционных СМИ (прессы, радиовещания и телевидения) на цифровые.

Вследствие этого неотъемлемой частью настоящего исследования является определение *идеологической* функции медиадискурса, связанной с подачей экономических событий массовой аудитории под углом зрения той или иной системы ценностей [9], и в этом заключается одна из острых проблем. Подтверждением факта актуальности вопроса идеологии в медиа служит зависимость средств массовой информации: даже независимые СМИ нельзя в полной мере назвать таковыми. Например, в марте и апреле 2017 г. группой молодых социологов из Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» было проведено несколько интервью, посвящённых проблемам российской экономической журналистики [10]; один из информантов высказался следующим образом: *«Мы зависим от власти, от государства. А есть независимые СМИ, якобы независимые,*

но они зависят от какой-то финансово-промышленной группы, которая всё равно даёт им средства к существованию» [10, с. 84]. Определённая идеология, принятая в каком-либо обществе, представлена его Конституцией; медиаресурсы же, по мнению И. Н. Деминой, выполняют тройную роль [11]:

- поддерживают эту идеологию (это называется *информационной / ценностно-ориентирующей функцией*);

- способствуют формированию общественного диалога (*коммуникативная / научно-познавательная функция, функция формирования повестки дня*);

- отражают практику соблюдения принятых в обществе ценностей (*функция формирования повестки дня или общественный диалог*).

Функции средств массовой информации двойственны: с одной стороны, СМИ информируют общественность о реальной экономической деятельности (оценивая её, однако, двояко: как с положительной, так и с отрицательной точки зрения), с другой стороны, они формируют представления об «идеале», разрабатывают морально-этические нормативы функционирования фирм, компаний, предприятий и т. д. При конструировании нарративов о богатстве подчёркиваются определённые ценности, такие, как трудолюбие и меритократия, и при этом умалчивается значение структурных барьеров, влияющих на экономическую мобильность.

Между степенью эффективности действия средств массовой информации и включённостью их аудитории в экономическую практику общества, а также заинтересованностью в ней, существует прямая пропорциональность. Чем эффективнее действуют средства массовой информации, обеспечивая экономическую коммуникацию между субъектами и формируя экономическое мышление своей аудитории, тем глубже она (или, иными словами, *социальный субъект*) включается в экономическую практику и становится более заинтересованной в экономических проблемах общества. В результате этой

прямо пропорциональной взаимосвязи компоненты экономического мышления со временем могут проникнуть в сферу экономического сознания, которое учёные-социологи ассоциируют с познанием функционирования и развития социально-экономических законов, разработкой принципов организации экономической жизни. Не подлежит сомнению, что центральная роль в распространении экономической мысли в обществе принадлежит СМИ (в сфере экономики). Медиа выполняют образовательную, просветительскую и идеологическую функции, способствуя тем самым более активному вовлечению индивидов в экономическую практику.

Центральное место в нашем анализе образа-концепта «деньги» в медиадискурсе занимает понятие *агентности*. Хотя до сих пор нет общепринятого перевода на русский язык термина *agency*, предположим, что, с точки зрения лингвистики, агентность означает способность субъектов действовать, принимать решения и влиять на окружающий мир. В нашем случае агентность проявляется в том, как языковые конструкции помогают определять, кто или что является действующим лицом в экономических нарративах. Например, конструкции, описывающие деньги как активных участников каких-либо действий, подчёркивают их влияние на поведение и решения людей, формируя детерминированное восприятие экономических отношений.

Здесь можно провести связь с теорией социального морфогенеза Маргарет Арчер, которая подчёркивает, что течение социальных процессов и практик обусловлено как структурными, так и агентными факторами. Социальные структуры (в том числе и экономические) и действия индивидов находятся в постоянном взаимодействии, формируя так называемую амфиболическую реальность, где одни и те же элементы могут играть разные роли в зависимости от контекста и взаимодействия. «Только при условии принятия онтологического различия между “структурой” и “действием” может возникать вопрос о

том, как воздействия первой могут корректироваться вторым. Только если признать, что субъективность “агентов” и объективность “структур” имеют каждая свою самостоятельную каузальную силу, вопрос об их взаимосвязи становится неочевидным» [12, с. 14–15]. Агентные действия не происходят в вакууме, они формируются под воздействием более широких социальных, экономических и культурных контекстов. Таким образом, в русском медиадискурсе роль денег как агентов или пациентов может изменяться в зависимости от актуальных экономических реалий, политических трендов и т. д.

Материалы исследования и обсуждение

Деньги, рассматриваемые как агенты действия, принимают активное участие в социальной жизни, где они влияют на поведение индивидов и общественные процессы. Рассмотрим ряд примеров, где деньги выступают в разных ролях, комбинируя характеристики агентов и пациентов.

Для сбора данных мы использовали базу Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), подраздел «Социальные сети». Большая часть примеров взята из социальной сети Telegram –наиболее многообещающей в плане быстрого обмена информацией из всех существующих в русском медиаландшафте, как пишет А. Д. Сайфуллина [14, с. 516].

Лингвистический анализ включает в себя лексико-семантическое изучение лексики, применяемой для описания денег, а также их семантических атрибутов. Мы уделяем внимание словам и выражениям, подчёркивающим агентные или пациентные качества денег. Стоит отметить, что именно лексема «деньги» встречается чаще всего в медиатекстах (статьях) публицистического стиля [12, с. 78].

Грамматический анализ также является важной частью исследования: мы рассматриваем синтаксическую структуру предложений, чтобы выявить, как различные конструкции формируют понимание де-

нег как участников действий. Это охватит анализ таких морфологических характеристик, как использование активного и пассивного залога.

Социальные сети, в частности VK и Telegram, значительно изменили медиаландшафт и способы публичного обсуждения денег и финансовых тем. В отличие от традиционных средств массовой информации, где новости отформатированы и контролируются редакциями, социальные сети предлагают пользователям большую степень свободы в выражении мнений и интерпретации финансовых вопросов. Это создаёт пространство для неформального общения и позволяет пользователям высказывать свои идеи и чувства по поводу денег, зачастую в контексте текущих событий; обратную связь адресат получает с помощью эмодзи, чья семантика закрепляет эмоциональную оценку. С. Л. Кушнерук описывает эту диалогичность телеграмм-дискурса как значимый аспект его сущности [14, с. 307].

Деньги же в таких дискуссиях интерпретируются не только как сухая экономическая категория, но и как важный эмоциональный и культурный символ, связанный с повседневной жизнью.

В дискурсе социальных сетей используются неформальные, разговорные выражения. Употребление сленга, сниженной лексики и диминутивов, таких как «бабло» или «денежки» / «денюшки», подчёркивает эмоциональную степень вовлечённости пользователей. Это придаёт обсуждениям лёгкость, но одновременно может снижать серьёзность восприятия тем, связанных с экономическими проблемами.

Перейдём к рассмотрению отдельных примеров.

*«Деньги не портят человека, они просто показывают, кто он есть на самом деле».*¹

Это выражение акцентирует внимание на том, что деньги раскрывают истинные качества человека, т. е. действуют как ка-

¹ Rozetked Discuss. Telegram Rozetked Discuss // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

тализатор, приводя в движение морально-этические аспекты личности. Форма глагола «портят» указывает на активное воздействие денег на человека, при этом в семантике слова актуализируется негативная коннотация. «Показывают» принимает форму, связанную с представлением информации, что указывает на нейтральное действительное значение, в отличие от активного «портят». Это подчёркивает, что деньги выступают не только как активный агент, но и как некое зеркало, отражающее внутренние качества индивидуумов.

«Куда же пойдут эти денежки, ммм. Уж точно не на ветеранов и тем более на больных детей, которым всей страной собираем деньги смс-ками»¹.

Здесь «денежки» представлены в роли агента в контексте действия их распределения («пойдут»). Активная глагольная форма показывает, что деньги могут «двигаться» и влиять на судьбы конкретных групп населения (ветеранов / больных детей). Деньги в этом предложении выступают и в роли пациента (пассивная форма² «собираем деньги» указывает на коллективное действие, направленное на получение ресурсов); этим подчёркивается социальная ответственность, однако возникает вопрос: насколько это действие на самом деле приводит к желаемым результатам? Слово «денежки» в данном контексте приобретает эмоциональную нагрузку благодаря уменьшительно-ласкательной форме, что создаёт впечатление несерьёзности по отношению к важной теме. Это подчёркивает иронию – деньги, которые должны решать острые социальные проблемы, воспринимаются как что-то легковесное и недостойное обсуждения.

«Надо было тупо зарабатывать бабло, а романтика и отношения это уже сейчас вторично и ценности не имеет почти».³

¹ Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

² Пассивная форма подразумевает претерпевание объектом (в данном случае – деньгами) какого-либо действия.

³ 35+ «Хочу семью, ребёнка» (2012–2020) // Национальный корпус русского языка. Корпус: со-

В этом контексте деньги («бабло») рассматриваются как влиятельный и приоритетный агент, определяющий направление и смысл межличностных отношений (деньги << романтика). Слово «бабло» относится к экспрессивной сниженной лексике, что создаёт впечатление пренебрежения по отношению к деньгам. Тем не менее, это слово становится центральным в предложении, подчёркивая свою доминирующую роль в совокупности ценностей. Анализируя структуру предложения, можно заметить, что «бабло» выступает в роли агента, определяющего действия и смысл других элементов. Глагольное выражение «надо было тупо зарабатывать» указывает на активное стремление к получению денег, наделяя финансовые ресурсы не только статусом средства, но и значимой ролью в формировании жизненных приоритетов и отношений. Это связано с тем, что «бабло» контролирует выбор человека и его ценности – романтика и отношения оказываются вторичными, что акцентирует приоритет материальных аспектов. Фраза «романтика и отношения это уже сейчас вторично» дополнительно закрепляет статус «бабла» как агента, поскольку именно деньги «заставляют» переосмыслить приоритеты. В этом контексте деньги воспринимаются не только как объект, а являются активным агентом, который влияет на восприятие информации о ценностях и служит критерием оценивания жизненных целей.

«Хорошо устроились, спать днями в машине и получать за это бабло»⁴.

В данном предложении «бабло» выступает в роли неявного агента. Подробный анализ позволяет выделить несколько ключевых деталей. Первое – это использование глагола *получать*. Этот глагол предполагает активное действие, при этом «бабло» становится не только конечной целью (па-

циальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

⁴ Контроль за нарушением ПДД с видеофиксацией камерами ГИБДД (пост П) (2013–2021) // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

циентом), но и фактором, который определяет тип деятельности. Неявная активность денег заключается в том, что именно их наличие побуждает людей (в данном случае – сотрудников Госавтоинспекции) достичь финансовой выгоды. Фраза «хорошо устроились» ассоциируется с тезисом, что деньги служат основой для устойчивого материального состояния. Это подчёркивает, что деньгам приписывается роль аргумента, влияющего на решение о способе заработка: их наличие или отсутствие становится определяющим фактором для выбора профессии или подхода к работе. Таким образом, деньги не только являются целью получения, но и создают условия для «хорошего устройства» в жизни. Кроме того, употребление выражения «спать днями в машине» создаёт контраст с активной трудовой деятельностью, показывая, что деньги позволяют сотрудникам ГАИ не выполнять свои прямые обязанности, а формально находиться на рабочем месте. Это подчёркивает пассивность самих сотрудников в контексте их работы, что, в свою очередь, акцентирует внимание на деньгах как движущей силе, позволяющей обходить традиционные трудовые нормы.

*«Договорные продажи в B2B – это норма и это не плохо и не хорошо. Просто деньги любят тишину».*¹

Здесь деньги выступают как инициаторы «тишины»; фраза подчёркивает, что структура B2B требует определённых норм поведения, а деньги, будучи в этом контексте активными участниками, формируют определённые бизнес-практики и ожидания. С точки зрения грамматики конструкция «деньги любят тишину» представляет собой простое предложение с субъектом (**деньги**) и предикатом (**любят**), где деньги выступают в роли агента. Предикат «любят» стоит в форме активного залога, и тем самым предполагается, что именно день-

ги являются инициаторами действия. Это ставит их в центр данной реплики.

Можно также сказать, что в настоящем примере семантическая роль денег – *экспериенцер*, или носитель физического, психоэмоционального либо ментального состояния. Ещё раз подчеркнём, что структура предложения «деньги любят тишину» соответствует агентной конструкции $N_1 V_i N_4$ – **субъект + предикат + объект**. Однако использование такой синтаксической структуры подразумевает, что восприятие (*любовь*) мыслится как осознанное, протекающее под контролем участника [15, с. 40]. Деньги же являются неодушевлённым предметом, правда, в языковой картине мира они наделяются антропоморфными чертами, имеют человеческие характеристики (*бешеные, безумные, живые, мёртвые* (о деньгах говорят: *лежат мёртвым грузом*), *шаловные, смешные* и т. д.); один из концептуальных образов денег – это образ живого существа (*money is a human being*) [16, с. 80].

*«Если некуда девать деньги, то можно их направить на восстановление действительно объектов культурного наследия, больше половины исторического центра Тамбова просто лежит в руинах!»*²

Здесь деньги рассматриваются как пациенты, т. к. подчёркивается возможность их использования для конкретной цели – восстановления города. Это демонстрирует, что деньги являются ресурсом, который может быть перераспределён в зависимости от выбора людей. Грамматическая структура предложения показывает, что деньги находятся в позиции пациента. Фраза «можно их направить» изначально делает акцент на возможность использования, а не на активное действие со стороны денег. В сочетании с выражением «некуда девать» указывается на пассивное состояние средств, которые ждут своего применения, что также подтверждает их пациентную роль.

¹ Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

² Артём Александров. Обзор городской жизни // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

*«У тебя есть лишние деньги? Если есть, отдай их мне, в противном случае будем считать, что ты получаешь МРОТ».*¹

Здесь деньги воспринимаются как объекты, которые могут быть отданы. Они находятся в пассивной роли, ожидая действий со стороны говорящего. Глагол «отдай» также подтверждает роль денег как пациента. Цепочка действия идёт от говорящего к собеседнику, в то время как деньги становятся объектом этого действия. Здесь прослеживается чёткая иерархия: говорящий сам инициирует действие, а деньги лишь «отдаются», что подчёркивает их статусы объектов, а не агентов. Выражение «если есть, отдай их мне» также усиливает ощущение, что деньги не находятся в активной позиции. Они рассматриваются как ресурс, находящийся в распоряжении другого человека. Таким образом, в этом контексте деньги не представляют собой агентов, которые влияют на ситуацию; они объекты, находящиеся в ожидании действий другой стороны.

*«А давайте запретим деньги, из-за них люди нарушают закон».*²

В этом предложении деньги воспринимаются как пациенты, которые вызывают определённое поведение (нарушение закона) и становятся предметом обсуждения, а не агентами действия. В настоящем примере ярко выражена инициатива «давайте запретим», где глагол «запретить» стоит в форме повелительного наклонения, указывая на предстоящее действие по отношению к объекту. Таким образом, здесь важно отметить, что деньги не являются агентами, управляющими действиями людей, а, скорее, воспринимаются как факторы, вызывающие негативные последствия. Конструкция «из-за них люди нарушают закон» подчёркивает, что именно деньги становятся причиной (обстоятельством), а не активным участником действия.

¹ Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

² Там же.

*«Знаете, почему именно эти страны громче всех бухтят, их элиты так пилят деньги, которые угадайте от кого получают».*³

Лексика и структура данного предложения создают динамику, в рамках которой деньги выступают как пациенты действия, поскольку о них говорят как о ресурсе, который «пилится» элитами, т. е. на этот ресурс направляются действия определённых групп. При этом слово «пилят» подразумевает не только физическое расхищение, но и легкомысленное расходование ресурсов, указывая на коррупцию и неэффективное управление. Это подчёркивает беззащитность денег как элемента, находящегося под контролем «элит», которые действуют в своих интересах.

*«Так извините, а если это мужик, что всё время занят картохой в поле, поедет машину чинить, его ж тоже легко на бабки огреют, он же не шарит ни в чём больше, кроме как в своей картошке».*⁴

Стиль данного предложения сниженный, о чём свидетельствует частое употребление разговорных лексем: *мужик, картоха, не шарит, огреют* (фразеологизм, использованный в нашем примере, – «огреют на бабки», есть видоизменённое идиоматическое выражение «нагреть на деньги», а оно, в свою очередь, появилось из словосочетания *нагреть руки <у чужого костра>*). Здесь виден переход субъектно-объектных отношений: согласно смыслу идиомы *нагреть руки*, «нагревается» тот, кто хочет нечестно нажиться на чём-либо – субъект действия, а в данном примере «нагревается» жертва обмана – объект действия.⁵ Слово «бабки» представляет собой просторечный синоним слова «деньги». Его использование подчёркивает неоднозначность отношения к деньгам. Здесь речь идёт о конкретной

³ Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

⁴ Там же.

⁵ Муравкин Д. Нагреть руки // Стихи.ру [сайт]. URL: <https://stihi.ru/2023/02/07/2339?ysclid=m4gx022epw317238535> (дата обращения: 09.12.2024)

социальной группе (*фермеры, дачники = «занятые картохой в поле»*), для которой деньги могут представлять опасность (лихие люди могут их обмануть, «нагреть», потому что такая социальная группа относится к среднему классу, это рядовые граждане, не разбирающиеся в экономических хитросплетениях).

Тип данного предложения – многочленное сложное с разными видами синтаксической связи. Глагол «огреют» находится в активной форме и подчёркивает агентные действия тех, кто манипулирует деньгами. Это делает деньги объектом, который находится в зависимости от действий других («его же тоже легко на бабкиогреют»).

*«Зачем два раза отдавать деньги за то, что вам не нравится? Это как отравиться в заведении, а потом ЕЩЁ РАЗ ТУДА СХОДИТЬ».*¹

В этом случае деньги выступают в роли пациента действия. Акцент сделан на концепте потери и ненужных расходах, что подразумевает, что действия, связанные с тратой денег, анализируются исходя из негативного опыта говорящего. Глагольная конструкция «отдавать деньги», где *деньги* выступают в качестве объекта, заостряет внимание на том, что речь идёт о механическом процессе – передаче финансовых ресурсов, которая не приносит удовольствия. Сравнение с отравлением в заведении служит метафорой, подчёркивающей абсурдность повторного расходования средств на что-то неудовлетворительное. В данном примере также мы видим такой способ выделения смыслов текста, как **капитализация** (написание с помощью Caps Lock). Этот приём креолизации делает отдельные части поста более заметными [17, с. 89]; в нашем случае с помощью капитализации автор телеграм-поста выражает своё явное возмущение (или, возможно, недоумение).

«Как пособия на детей выплачивать у них денег нет в бюджете, а город наряжать гирляндами по 20 миллионов так

есть денежки» (авторская пунктуация сохранена).²

Здесь деньги рассматриваются как объекты, которые могут быть выделены на определённые нужды (выплаты пособий или украшения города), что подчёркивает их роль в контексте социального распределения. Диминутивная форма «денежки» указывает на неформальность и некоторую лёгкость в отношении к деньгам, что может снизить их значимость и создать ощущение доступности. Это использование уменьшительно-ласкательной формы в контексте таких серьёзных социальных проблем, как выплаты пособий, создаёт некий семантический диссонанс. Фраза «так есть денежки» наводит на мысль о том, что финансовые ресурсы выделяются не по самым приоритетным нуждам, а на менее значимые расходы, например украшение города гирляндами. Как отмечает В. Е. Чернявская, диминутивные суффиксы сейчас приобрели «символическую характеристику низкой речевой культуры» [18, с. 58–59]; в данной фразе использование уменьшительной формы «денежки» подчёркивает неприязнь говорящего к тому, что бюджетные деньги тратятся на ненужные дорогие гирлянды.

*«Ездить в Турцию и тратить там деньги = спонсировать убийц русских людей».*³

Здесь деньги также выступают как пациенты действия. Во фразе «спонсировать убийц русских людей» акцент делается на этическую и политическую нагрузку. Тем самым подчёркивается, что деньги оказываются «под контролем» более широких социально-политических процессов. Хотя деньги имеют прямое влияние на социум в экономическом смысле, в данном случае мы рассматриваем их с точки зрения морали и социальной ответственности, чем закрепляется статус денег как пациентов.

¹ Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

² Обсуждение происшествий в группе «Типичный Воронеж» (ВК) (2020) // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

³ Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss (28.09.2022) // Национальный корпус русского языка. Корпус: социальные сети: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 09.12.2024).

Заключение

Изучение языковой репрезентации денег как агентов и пациентов в русском медиадискурсе даёт возможность лучше понять их значение в общественной жизни. Мы отметили в ходе анализа материала, что деньги являются не только средством обмена, но и активными участниками социальных процессов, влияющими на эмоциональные и моральные аспекты межличностного взаимодействия. Можно сделать несколько важных выводов о роли денег как агентов и пациентов действий.

– Слова, входящие в ЛСГ «деньги», в медиадискурсе переходят между ролями агентов и пациентов в зависимости от контекста. В некоторых случаях они рассматриваются как активные участники, влияющие на поведение и реакции людей, что подчёркивает их значимость в экономических и социальных взаимодействиях.

– Использование диминутивных форм, таких как «денежки» или «бабки», демонстрирует не только отношение к деньгам, но и их восприятие в обществе. Эти лексемы создают амбивалентный эмоциональный оттенок (в контексте серьёзных социальных вопросов).

– В анализируемых примерах акцент на различия в важности финансовых ресур-

сов для разных социальных групп (ветераны, больные дети) выделяет социальные и моральные дилеммы, связанные с распределением средств.

– Медиадискурс является мощным инструментом формирования общественного мнения о деньгах и их значении, подчёркивая, как лексические и грамматические структуры могут влиять на восприятие экономических реалий.

– Концептуальный анализ образа денег в медиадискурсе позволяет рассматривать их не только как средство обмена, но и как «социально-философский конструкт», который эволюционировал до уровня символа, влияющего на мораль, образ жизни и культурные ценности. Это подчёркивается антропоморфизмом денег в русской картине мира («живые», «бешеные», «шальные»).

Дискурс социальных медиа с характерными для него неформальностью и открытостью предоставляет удобную площадку для обсуждения экономических и социальных вопросов. Деньги осмысливаются через призму личного опыта, что подчёркивает их важность в повседневной жизни. Разнообразие ролей, которые единицы ЛСГ «деньги» играют в различных контекстах, показывает, как они могут превращаться из пациентов в агенты действия (и наоборот) в зависимости от ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томашевская К. В. Лексическая составляющая экономического дискурса современника. СПб.: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 2000. 153 с.
2. Канель И. В. Эволюция медиаобраза денег от советской эпохи до наших дней: лингвоаксиологический ракурс // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 268–273.
3. Ольшевский В. Г. Трансформация денежной культуры в модернизации постсоветских обществ // Проблемы модернизации современного российского государства: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 21–22 июня 2021 г. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, 2021. С. 52–66.
4. Аверюшкин А. Н., Канель И. В. Триада «философия культуры – психология – лингвистика»: концепция Бронислава Малиновского в аспекте интердисциплинарности // Язык и текст. 2023. Т. 10. № 2. С. 57–64. DOI: 10.17759/langt.2023100205.
5. Найденова Н. С. Лексико-семантические параметры экономического дискурса: новостные сообщения на русском, английском и французском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 182–187. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-182-187.
6. Мурадян А. А. Сравнительный анализ лексических доминант англо- и русскоязычного экономического дискурса // Многомерные миры молодой науки: сборник статей международной научной конференции, Москва, 28 октября 2015 г. Москва: Российский университет дружбы народов, 2015. С. 61–67.

7. Webster F. *Theories of the Information Society*. 2nd edition. London: Routledge, 2002. 312 p.
8. Москвичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.
9. Арутюнян Л. А. Функциональные особенности экономического медиатекста // *Филология и культура*. 2017. № 2 (48). С. 6–10.
10. Проблемы российской экономической журналистики / А. Д. Казун, С. И. Байтимерова, Л. В. Богомазова, Е. А. Григорьева // *МедиаАльманах*. 2018. № 5 (88). С. 82–91. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.8291.
11. Демина И. Н. Массовая экономическая коммуникация в условиях модернизации общества // *Медиаскоп: электронный научный журнал*. 2012. № 1. URL: <http://www.mediascope.ru/node/976> (дата обращения: 09.12.2024).
12. Ширяева О. В. Репрезентация концепта «деньги» в русском деловом информационно-аналитическом медиадискурсе (2010 гг.) // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2012. № 2 (63). С. 76–80.
13. Сайфуллина А. Д. Фреймирование общественных проблем в медиадискурсе // *Язык и коммуникация в контексте культуры: материалы международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 12 апреля 2023 г. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет, 2023. С. 513–518.*
14. Кушнерук С. Л. Телеграм-дискурс как формат цифровой коммуникации // *Медиалингвистика*. 2024. Т. 11. № 3. С. 300–324. DOI: 10.21638/spbu22.2024.302.
15. Киселева Е. Н. Семантика и способы выражения подлежащего-экспериментера в языковом сознании англичан и русских // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2011. № 3 (15). С. 37–45.
16. Обрусник Л. Г. Концептуальный анализ символа MONEY в контексте языковой картины мира // *Наука и образование: материалы XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, 21–25 апреля 2014 г.: в 5 т. Т. II: Филология. Ч. 2: Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Томск: Томский государственный педагогический университет, 2014. С. 77–81.*
17. Кушнерук С. Л. Телеграм-дискурс как порождение цифровой экосистемы: визуализация формата // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 2. С. 85–91. DOI: 10.18721/JHSS.15208.
18. Чернявская В. Е. Диминутивы как социальный индекс: «наденьте масочку» и «машинка подана» // *Terra Linguistica*. 2022. Т. 13. № 3. С. 55–63. DOI: 10.18721/JHSS.13306.

REFERENCES

1. Tomashevskaya, K. V. (2000). *Lexical Components of Contemporary Economic Discourse*. St. Petersburg: St. Petersburg University of Economics and Finance publ. (in Russ.).
2. Kanel, I. V. (2024). The Evolution of the Media Image of Money from the Soviet Era to the Present Days: Linguo-Axiological Perspective. In: *Political Linguistics*, 4 (106), 268–273 (in Russ.).
3. Olshevsky, V. G. (2021). Transformation of Monetary Culture due to Modernization of Post-Soviet Societies. In: *Problems of Modernization of the Modern Russian State: Collection of Materials of the X All-Russian Scientific and Practical Conference, Sterlitamak, June 21–22, 2021*. Sterlitamak: Bashkir State University publ., pp. 52–66 (in Russ.).
4. Averyushkin, A. N. & Kanel, I. V. (2023). The Triad “Philosophy of Culture –Psychology –Linguistics”: Bronislaw Malinowski’s Concept in the Aspect of Interdisciplinaryism. In: *Language and Text*, 10 (2), 57–64. DOI: 10.17759/langt.2023100205 (in Russ.).
5. Naidenova, N. S. (2017). Lexical and Semantic Parameters of Economic Discourse: News Messages in Russian, English, and French. In: *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (1), 182–187. DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-1-182-187 (in Russ.).
6. Muradyan, A. A. (2015). Comparative Analysis of Lexical Dominants of English- and Russian-Language Economic Discourse. In: *Multidimensional Worlds of Young Science: Collection of Articles from the International Scientific Conference, Moscow, October 28, 2015*. Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia publ., pp. 61–67 (in Russ.).
7. Webster, F. (2002). *Theories of the Information Society*. London: Routledge publ.
8. Moskvich, S. (2011). *The Age of Crowds. A Historical Treatise on Mass Psychology*. Moscow: Academicheskoye Proekt publ. (in Russ.).

9. Arutyunyan, L. A. (2017). Functional Features of Economic Media Text. In: *Philology and Culture*, 2 (48), 6–10 (in Russ.).
10. Kazun, A. D., Baytimerova, S. I., Bogomazova, L. V. & Grigorieva, E. A. (2018). Problems of Russian Economic Journalism. In: *MediaAlmanac*, 5 (88), 82–91. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2018.8291 (in Russ.).
11. Demina, I. N. (2012). Mass Economic Communication in the Context of Social Modernization. In: *Mediascope*, 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/976> (accessed: 09.12.2024) (in Russ.).
12. Shiryayeva, O. V. (2012). Representation of the Concept of “Money” in Russian Business Information and Analytical Media Discourse (2010). In: *The Humanities and Social-Economic Sciences*, 2 (63), 76–80 (in Russ.).
13. Saifullina, A. D. (2023). Framing Social Issues in Media Discourse. In: *Language and Communication in the Context of Culture: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, April 12, 2023*. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics publ., pp. 513–518 (in Russ.).
14. Kushneruk, S. L. (2024). Telegram Discourse as a Digital Communication Format. In: *Media Linguistics*, 11 (3), 300–324. DOI: 10.21638/spbu22.2024.302 (in Russ.).
15. Kiseleva, E. N. (2011). Semantics and Ways of Expressing the Subject-Experiencer in the Linguistic Consciousness of the English and Russians. In: *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 3 (15), 37–45 (in Russ.).
16. Obrusnik, L. G. (2014). Conceptual Analysis of the symbol MONEY in the Context of the Linguistic Picture of the World. In: *Science and Education: Materials of the XVIII International Conference of Students, Graduate Students and Young Scientists, April 21–25, 2014. Vol. II: Philology. Part 2: Actual Problems of Linguistics and Methods of Teaching Foreign Languages*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University, pp. 77–81 (in Russ.).
17. Kushneruk, S. L. (2024). Telegram Discourse as a Product of the Digital Ecosystem: Visualization of the Format. In: *Terra Linguistica*, 15 (2), 85–91. DOI: 10.18721/JHSS.15208 (in Russ.).
18. Chernyavskaya, V. E. (2022). Diminutives as a Social Index: “Put on a Mask” and “The Car is Here.” In: *Terra Linguistica*, 13 (3), 55–63. DOI: 10.18721/JHSS.13306 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Канель Ирина Валерьевна (г. Одинцово) – аспирант кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: qwarra@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Kanel (Odintsovo) – Postgraduate Student, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology & Education;
e-mail: qwarra@gmail.com

Научная статья

УДК 81. 367

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-38-47

ИНВАРИАНТНЫЕ МАТРИЦЫ ВНЕШНЕЙ ФОРМЫ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО

Папуша И. С.*, **Халикова Н. В.**

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: is.papusha@outlook.com

Поступила в редакцию 09.07.2025

Принята к публикации 17.07.2025

Аннотация

Цель. Описать систему инвариантных матриц внешней формы сложного синтаксического целого.

Процедура и методы. В работе рассмотрены инвариантные матрицы внешней формы сложного синтаксического целого. При проведении исследования применены методы сплошной выборки, наблюдения, обобщения, интерпретации результатов и комплексный уровневый анализ сложного синтаксического целого.

Результаты. В ходе исследования было выявлено, что сложное синтаксическое целое имеет инвариантные матрицы внешней формы как отвлечённые образцы, позволяющие идентифицировать его как целостную языковую единицу, которую можно вычленивать из текста в процессе его восприятия и воспроизвести в речи в процессе его продуцирования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию сложного синтаксического целого как языковой единицы, реализующей развёрнутое высказывание.

Ключевые слова: инвариант, инвариантные матрицы внешней формы, развёрнутое высказывание, синтаксис, сложное синтаксическое целое

Для цитирования:

Папуша И. С., Халикова Н. В. Инвариантные матрицы внешней формы сложного синтаксического целого // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 38–47. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-38-47>.

Original research article

INVARIANT MATRICES OF COMPLEX SYNTACTIC UNITS' EXTERNAL FORMS

I. Papusha, N. Khalikova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

Corresponding author; e-mail: is.papusha@outlook.com

Received by the editorial office 09.07.2025

Accepted for publication 17.07.2025

Abstract

Aim. To describe the system of invariant matrices of complex syntactic units' external forms.

Methodology. The invariant matrices of complex syntactic units' external forms are considered in the study. Continuous sampling, observation, generalization, interpretation of results, and a comprehensive level analysis of a complex syntactic unit were used.

Results. The study has revealed that a complex syntactic unit has invariant matrices of its external form as abstract patterns that make it identified as a holistic linguistic unit which can be extracted from a text during its perception and reproduced in speech during its production.

Research implications. The results of the study contribute to the theory of complex syntactic units as linguistic units which implement expanded utterances.

Keywords: invariant, invariant matrices of external form, expanded statement, syntax, complex syntactic whole

For citation:

Papusha, I. S. & Khalikova N. V. (2025). Invariant Matrices of Complex Syntactic Units' External Forms. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 38–47. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-38-47>.

Введение

Идентифицировать сложное синтаксическое целое (ССЦ) как языковую единицу, а следовательно, и языковой знак можно только с учётом неразрывной связи его планов содержания и выражения. План содержания (означаемое) представлен темой ССЦ и теми смыслами, которые реализуются через языковой знак. План выражения (означающее) складывается из внешней формы, внутренней структуры и из тех отношений, которые возникают как между ними, так и между элементами внутренней структуры, приобретающими позиционные качества в потоке речи. Оба плана сложного синтаксического целого реализованы через линейную структуру, предопределяющую специфику их корреляционной зависимости. Закономерности внутренних отношений элементов сложного синтаксического целого подчинены системной природе языка и обусловлены замкнутостью его линейной структуры. В свою очередь, замкнутость группы предложений предопределяет формирование той или иной матрицы внешней формы, и она уже формирует поле языкового напряжения (ПЯН) сложного синтаксического целого как элемент его внутренней структуры. Нельзя не согласиться с Фердинандом де Соссюром, писавшим, что «подобно тому, как шахматная игра целиком и полностью сводится к комбинации различных фигур на доске, так и язык является системой, целиком основанной на противопоставлении его конкретных единиц. Мы не можем отказаться от попытки уяснить себе, что это такое, точно так же мы не можем и шага ступить, не прибегая к этим единицам. Вместе с тем их выделение сопряжено с такими трудностями, что возникает вопрос, существуют ли они реально. Итак, удивительное

и поразительное свойство языка состоит в том, что мы не видим в нём непосредственно данных и различных с самого начала [конкретных] сущностей, между тем как в их существовании усомниться невозможно, точно так же как нельзя усомниться и в том, что язык образован их функционированием» [1, с. 107]. Описывая природу языкового знака, Фердинанд де Соссюр отметил одну из его важнейших характеристик: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, развёртывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяжённостью и б) эта протяжённость имеет одно измерение – это линия. Об этом совершенно очевидном принципе сплошь и рядом не упоминают вовсе, по-видимому, именно потому, что считают его чересчур простым, между тем это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. ... От него зависит весь механизм языка» [1, с. 139]. Отталкиваясь от этого определения, мы можем утверждать: линейная структура сложного синтаксического целого как языкового знака является той данностью, которая позволяет ему реализовать и внешнюю форму и внутреннюю структуру, находящиеся между собой в отношениях неразрывности и взаимообусловленности. Но для того, чтобы в потоке линейности текста вычленить ССЦ как его конститuent, ориентироваться можно только на инвариантные матрицы внешней формы этой языковой единицы. Профессор С. Д. Кацнельсон писал: «Язык вливается в речь не как целостная структура, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми сообразно потребностям сообщения и получающими в речи своё особое, *специфическое для данного текста построение*» [2, с. 107] (выделено нами. – И. П.). Сложное син-

таксическое целое может считаться таким строевым элементом, на наш взгляд, только в том случае, если оно соответствует той или иной инвариантной матрице его внешней формы. В противном случае его границы можно расширять / сужать, коррелируя их по каким-то другим критериям. Однако тождество ССЦ его инвариантной матрице, определяя его внешнюю форму, идентифицирует его как целостную языковую единицу, которую можно вычленив из текста в процессе его восприятия и воспроизвести в речи в процессе его продуцирования.

Термины *матрица* и *инвариант*

Термин *матрица* пришёл в лингвистику из математики, где он представляет одно из основных понятий линейной алгебры, которое используется для решения систем линейных уравнений, аппроксимации данных, моделирования сложных процессов и многих других задач. В соответствии с характеристиками его портирование в описание внешней формы сложного синтаксического целого представляется нам целесообразным и продуктивным, т. к. позволяет в линейном потоке речи фиксировать определённую последовательность структур предложений – компонентов ССЦ. Этимология слова *матрица* восходит к латинскому – *matrix* в значении ‘первопричина’, Р. п. *matricis* в значении ‘основа’ – и оба значения соответствуют той определяющей функции, которую этот термин призван выполнять, – дифференцировать внешнюю форму сложного синтаксического целого.

Термин *матрица* отражает также структурные отличия сложного синтаксического целого от предложения, при описании структур которого традиционно применяются термин *модель* как «совокупность постоянных элементов».¹ Модель предложения «целиком воспроизводится в речи, получает конкретное лексическое наполнение, а также может быть расширена за счёт пере-

менных элементов.² Этимология слова *модель* восходит к латинскому *modulus* в значении ‘мера’, что предполагает обязательное наличие структурного центра предложения и «одновременно его структурно-семантического минимума» [3, с. 93].

Кроме того, в значениях слова *матрица*, зафиксированных в толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова («1. Пластика с выдавленными, вырезанными обратными знаками или изображениями чего-н., служащая формой для отливки или штамповки. 2. Бумажная форма, являющаяся обратной копией набора и служащая для отливки стереотипа»³) слова *штамповка* и *стереотип* определяют функционирование термина *матрица* в выделенной нами сфере применения. Полагаем, «что к сложному синтаксическому целому уместно применять последний термин, предполагающий у этой единицы наличие определённой внешней формы как условия её дискретности и *специфической нежёсткой воспроизводимости* как основы для реализации *развёрнутого высказывания*» [4, с. 144].

Но термин *матрица* используется в разных областях знания (математика, физика, программирование, психология, экономика, биология, химия, полиграфия и т. д.) и как общеупотребительное слово из области научной фантастики и философии – условное название компьютерной симуляции, которой, возможно, является наша материальная Вселенная (в качестве примера позволим такое описание: *Матрицу нельзя потрогать, почувствовать, увидеть и сломать. Матрица находится в нашей голове. Это тюрьма для нашего разума. В этой тюрьме проживает около 7 миллиардов человек. Все мы живём в тюрьме, которая состоит из стереотипов, правил, норм и прочих иллюзий. В матрице всё делится на хорошее и плохое, правильное и неправильное, моральное и*

¹ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Высшая школа, 2004. С. 22.

² Там же.

³ Матрица // Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov> (дата обращения: 04.05.2025).

аморальное. Эти иллюзии в голове позволяют контролировать общество¹).

В целях идентификации термина *матрица* нами введено в него понятие «инвариант». Понятие «инвариант» (от лат. *invariants*, Р. п. *invariantis* – ‘неизменяющийся’) тоже пришло в лингвистику из математики, обозначая ‘свойство некоторого класса (множества) математических объектов, остающееся неизменным при определённого типа преобразованиях’.² Использование этого понятия, а следовательно, и термина применительно к внешней форме сложного синтаксического целого стало возможным и даже необходимым, когда возникла задача «классификации объектов того или иного типа. По существу, цель всякой ... классификации – построение некоторой полной системы инвариантов (по возможности наиболее простой), то есть такой системы, которая разделяет любые два неэквивалентных объекта из рассматриваемой совокупности».³ Введение в термин определения позволяет не только его объективировать, но и закрепить за данной областью лингвистики: неизменность матрицы ССЦ как отвлечённого понятия подтверждает её абстрактную природу, т. к. в речи существует бесчисленное множество реализаций инварианта, каждая из которых зависит от множества факторов, в частности – от целеустановки и интенции автора. Понятие «инвариантная матрица» и сложный термин *инвариантная матрица* можно определить коллинеарно определению языковой модели, данному профессором Л. А. Сергиевской, потому что инвариантная матрица внешней формы сложного синтаксического целого – это тоже «отвлечённый образец, состоящий из минимума компонентов, необходимых для создания определённой единицы языка» [5, с. 3].

¹ Что такое матрица и правда ли мы живём в симуляции [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.skillfactory.ru/matritsa-i-zhivem-li-my-v-simulyatsii> (дата обращения: 04.05.2025).

² Инвариант // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/mathematics/text/2007202> (дата обращения: 04.05.2025).

³ Там же.

Система инвариантных матриц внешней формы сложного синтаксического целого

Языковая матрица сложного синтаксического целого, представляя собой сочетание структур предложений, являющихся его компонентами и располагающихся в определённой последовательности в его линейной структуре, с одной стороны, абстрактна, что характерно для отвлечённых инвариантных матриц, но конкретизируется его схемой, которая позволяет фиксировать и описывать ту или иную языковую матрицу ССЦ, демонстрируя не только количество предложений в нём, но и синтаксическое выражение его зачина и концовки, актуализированные синтаксические единицы (например, осложнения простого предложения и/или предикативных частей сложных предложений), повторы синтаксических структур, средства связи между частями сложных предложений и сложных синтаксических конструкций, средства связи между предложениями (союзы, союзные слова, вводные слова и конструкции, повторы, параллелизм структур и др.) и целостность самой инвариантной матрицы.

В зависимости от того, какие структуры участвуют в образовании ССЦ, используется тот или иной вид системы языковых матриц. Выявленные нами инвариантные матрицы как разновидности внешней формы сложного синтаксического целого образуют систему, включающую следующие виды: инвариантная матрица сочетания простых предложений, инвариантная расширяющаяся матрица, инвариантная сужающаяся матрица, инвариантная комбинированная языковая матрица «ромб», инвариантная комбинированная языковая матрица «песочные часы», инвариантная матрица сочетания сложных предложений.

Делимитация границ сложного синтаксического целого

Продemonстрируем функционирование некоторых инвариантных матриц внешней формы сложного синтаксического целого

на примерах из художественных текстов русских писателей.

Так, **инвариантная расширяющаяся матрица** внешней формы сложного синтаксического целого представляет собой такое сочетание входящих в него предложений, когда каждое последующее «имеет более сложную структуру относительно предыдущего предложения. Надо полагать, что при помощи такой матрицы язык отражает один из вариантов мыслительного процесса, построенного по индуктивному типу: от частного к общему, от простого к сложному» [6, с. 3]. В зачине такого ССЦ обязательно простое предложение. Например:

Лет пятнадцать он был в бегах, шатался меж двор. Но вышел указ: вернуть помещикам всех беглых без срока давности. Цыгана взяли под Воронежем, где он крестьянствовал, и вернули Волкову старшему. Он опять было наострил лапти, – поймали, и велено было Цыгана бить кнутом без пощады и держать в тюрьме, – на усадьбе же у Волкова, – а как кожа подживёт, вынув, в другой ряд бить его кнутом же без пощады и опять кинуть в тюрьму, чтобы ему, плуту, вору, впредь бегать было неповадно.¹

В этом сложном синтаксическом целом четыре предложения, первое из которых простое, осложнено однородными членами – сказуемыми. Второе предложение – сложное бессоюзное минимальной структуры (вторая предикативная часть – односоставное инфинитивное). Третье предложение – сложноподчинённое минимальной структуры с придаточным определительным (средство связи – союзное слово *где*); главная часть (односоставное неопределённо-личное предложение) осложнена однородными членами – сказуемыми, связанными одиночным союзом *и*. Заметим, второе и третье предложения имеют по две предикативные части, т. е. расширения структуры нет (если не учитывать осложнение главной части третьего предложения – однородные члены), но есть принципиальная смена структур сложных предложений, характерная для медаль-

ной части ССЦ, построенных по этой инвариантной матрице, – и это показатель либо интенциональных мотиваций автора, либо определённых закономерностей сочетания предложений, которые требуют отдельного исследования. Четвёртое предложение (концовка ССЦ) – многочленное сложное предложение с бессоюзной и подчинительной видами связи между частями, включающее пять предикативных частей, – демонстрирует стереотипную структуру этого вида инвариантной матрицы.

«Инвариант – это свойство объекта, неизменяемое в процессе определённых операций»², но каждое сложное синтаксическое целое, построенное по той или иной инвариантной матрице, имеет свои особенности, и их бесчисленное множество. Выше мы описали образцовую инвариантную расширяющуюся матрицу, но у неё может быть несколько модификаций. Например:

Для Васи это было странное утро. На пляже каждый камень представлялся ему маленькой золотистой черепашкой. Морские медузы и водоросли, касавшиеся его ног, когда он плавал у берега, также были черепашками, которые ластились к нему, Васе, и словно напрашивались на дружбу.³

Сложное синтаксическое целое состоит из трёх предложений, из которых первые два – простые. Несмотря на то, что на этом отрезке линейной структуры фактически нет динамики расширения, структура последнего предложения (многочленное сложноподчинённое предложение с двумя придаточными в неоднородном соподчинении) решает вопрос о соответствии всей структуры ССЦ инвариантной расширяющейся матрице положительно. Простых предложений, следующих за зачином (обязательно простым предложением!), может

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_a_n/text_0230.shtml (дата обращения: 04.05.2025).

² Змеевская А. В. Инвариант – необычное в простом [Электронный ресурс] // Старт в науке: II Международный конкурс научно-исследовательских и творческих работ учащихся: [сайт]. URL: <https://school-science.ru/2/7/30495> (дата обращения: 25.06.2025).

³ Нагибин Ю. М. Старая черепаха // Педагогика культуры: [сайт]. URL: https://pedagogika-cultura.ru/images/html/Tihomirova_20_1.htm (дата обращения: 25.06.2025).

быть три – пять, что определяется идиостилем каждого автора, но структура последнего предложения (концовки) – это всегда сложное (многочленное) предложение.

Кроме того (в связи с тем, что текст не членится на сложные синтаксические целые, которые есть не во всяком тексте), за последним сложным многочленным предложением часто следует простое предложение, связанное по смыслу с ССЦ, из-за чего многие исследователи полагают, что оно входит в его состав. Но, на наш взгляд, если признать такую структуру входящей в состав сложного синтаксического целого, это ведёт к нарушению целостности матрицы и в итоге к отрицанию наличия инвариантных матриц у этой языковой единицы. Например:

Какие у Шонгина глаза были! Ласковые, добрые. Вчера, когда мы концентрат гороховый варили, он мне и Коле в котелки насыпал по горсти пишена. Пишено разварилось – густо было. Сам ведь подошёл: «Ну-ка, ребятки, добавочки я вам насыплю...»¹

Сложное синтаксическое целое, представляя одну из модификаций расширяющейся инвариантной матрицы, состоит из четырёх предложений: первое – простое (восклицательное); второе – парцелированная структура; третье – сложноподчинённое предложение минимальной структуры с придаточным времени; четвёртое – бессоюзное сложное предложение минимальной структуры с причинно-следственными отношениями между частями. Следует обратить внимание на то, что последняя предикативная часть последнего предложения (и всего ССЦ) – безличное предложение, что часто является показателем концовки ССЦ.

Выделенное нами предложение простое, осложнено прямой речью. На уровне плана содержания оно связано с ССЦ темой и лексико-семантически: *Шонгин – сам, ласковые – ребятки – добавочки*. Но усиленная частица *ведь* вносит значение противопоставленности этого предложения четырём предшествующим. И поле языкового напряжения (ПЯН) как элемент вну-

тренней структуры ССЦ, взаимообусловленный с внешней формой ССЦ, содержит в этом предложении два периферийных герма, т. е. проявляет только топографический хронотоп, который необходим в ССЦ художественного текста, но не содержит значимых смыслов. Можно предположить, что предложение после сложного синтаксического целого подобно музыкальной коде (итал. coda – букв. от лат. cauda *хвост*) – ‘дополнительный заключительный раздел музыкального произведения, закрепляющий главную тональность и обобщающий предшествующее музыкальное развитие’.² Большая российская энциклопедия уточняет наше предположение: кода – «заключительное **сверхнормативное** построение в конце музыкального произведения ... и не принимающееся в расчёт при определении его строения»³ (выделено нами. – И. П.). Полагаем, что инвариантные матрицы как неизменные образцы формы предполагают наличие таких «дополнительных, сверхнормативных построений», вносящих некий смысловой оттенок в план содержания, но не влияющих на план выражения сложного синтаксического целого. Мы назвали такие предложения **примыкающими**.

Если же при анализе этого сложного синтаксического целого, учитывая вышеизложенные связи, допустить, что последнее предложение – его компонент, то в этом (конкретном) случае его структура соответствует другому виду инвариантной матрицы, сочетающей структуры расширяющейся и сужающейся матриц, – комбинированной матрице (вариант «ромб»): зачин – простое предложение, медиальная часть – сложные предложения, концовка – простое предложение. Продемонстрируем такую «образцовую» инвариантную матрицу:

Разнообразие трав в лугах неслыханное. Нескошенные луга так душисты, что с непривычки туманится и тяжелеет голова. На

¹ Окуджава Б. Ш. Будь здоров, школяр: повесть // ImWerden: [сайт]. URL: https://imwerden.de/pdf/okudzjava_shkoljar.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

² Кода // Большой энциклопедический словарь. Gufo.me: [сайт]. URL: <https://gufo.me/dict/bes/КОДА> (дата обращения: 25.06.2025).

³ Кода // Большая российская энциклопедия: [сайт]. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/2077420> (дата обращения: 25.06.2025).

километры тянутся густые, высокие заросли ромашки, цикория, клевера, дикого укропа, гвоздики, мать-и-мачехи, одуванчиков, гецианы, подорожника, колокольчиков, лютиков и десятков других цветущих трав. В травах к покосу созревает луговая клубника.¹

Но иногда нарушения структуры инвариантной матрицы обусловлены целеустановкой и интенцией автора. Например:

Как-то в конце сентября мы шли мшами к Поганому озеру. Озеро было таинственное. Бабы рассказывали, что по его берегам растут клюква величиной с орех и поганые грибы «чуть поболее телячьей головы». **От этих грибов озеро и получило своё название.** На Поганое озеро бабы ходить опасались – около него были какие-то «зеленущие трясины».²

Структура этого ССЦ включает по порядку: простое предложение – простое предложение – сложноподчинённое предложение минимальной структуры с придаточным изъяснительным – простое предложение – бессоюзное сложное предложение закрытой структуры. В последнем предложении есть ядерный герм ПЯН, реализующий метафизический хронотоп и формирующий микроидею ССЦ, – следовательно, оно входит в структуру ССЦ. Тогда возникает вопрос к предпоследнему (простому) предложению. Оно представляет околоядерный герм ПЯН, реализующий психологический хронотоп и участвующий в формировании микроидеи ССЦ. Такие простые предложения мы называли **встроенными**: в плане содержания и внутренней структуры они принадлежат ССЦ. То есть матрица как инвариант внешней формы сложного синтаксического целого неизменна. Однако её модификации возникают в силу её взаимообусловленности с внутренней структурой самой языковой единицы.

Инвариантные матрицы сложного синтаксического целого, сохраняя целостность его внешней формы, служат ин-

струментом его вычленения в линейной структуре текста, дифференцируя эту языковую единицу в сопоставлении с другими языковыми единицами, тоже являющимися конституентами текста. Например:

Сергей Кладезев родился на Васильевском острове. То был странный ребёнок. Когда другие дети возились в песке, делая пирожки и домики, он чертил на песке детали каких-то непонятных машин. **Во втором классе школы он сконструировал портативный прибор с питанием от батареек ручного фонаря.** Этот прибор мог предсказывать любому ученику, сколько двоек он получит на неделе. Прибор был признан непедagogичным, и взрослые отобрали его у ребёнка.³

В плане содержания все предложения этого фрагмента текста связаны между собой героем – *Сергеем*. Цепочка предложений демонстрирует следующие структуры: простое – простое – сложноподчинённое – простое – сложноподчинённое – сложносочинённое. И можно было бы предполагать, что это ССЦ построено по расширяющейся матрице и имеет встроенное простое предложение (четвёртое – выделено нами). Но это предложение в препозиции имеет синкретичное обстоятельство времени-места, которое, являясь членом своего предложения, не только распространяет его, но и задаёт пространственно-временную «координату» содержанию двух последующих предложений, что позволяет эти три последних предложения фрагмента считать отдельным сложным синтаксическим целым, построенным тоже по расширяющейся матрице и имеющим тему *Во втором классе*. Хотя количество входящих в анализируемый фрагмент компонентов (простых предложений и предикативных частей сложных предложений) не превышает их «лимит», отражающий предельный информационный объём.

Определение объёма инвариантной матрицы

Наши наблюдения показывают, что относительно инвариантных матриц за-

¹ Паустовский К. Г. Мещёрская сторона // Константин Паустовский: [сайт]. URL: <https://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/mescherskaya-storona/storona.htm> (дата обращения: 25.06.2025).

² Там же.

³ Шефнер В. С. Скромный гений // Lib.ru: [сайт]. URL: <https://lib.ru/RUFANT/SHEFNER/28-01.txt> (дата обращения: 25.06.2025).

кон Джорджа Миллера действует. Статью «Магическое число семь плюс-минус два: некоторые ограничения в нашей способности обрабатывать информацию» [7] американский психолог опубликовал в 1956 году в журнале *Psychological Review* (эта работа является одной из самых цитируемых в психологической науке), экспериментально доказав, что объём информации, которую человек может обработать одновременно, удерживая в рабочей памяти среднее количество объектов, равна 7 ± 2 . Здесь надо отметить, что сложные синтаксические целые художественного текста как «единой системы с множеством взаимосвязей»¹ чаще всего имеют в своём составе 5–7 элементов, – полагаем, что языковой поток, заключённый в закрытую группу предложений, может быть воспринят целостно, если он соответствует этой оптимальной установке, базирующейся на законах мышления. В таком случае инвариантные матрицы позволяют сохранять внешнюю форму ССЦ, выступая критерием определения его границ. Это особо актуально при работе с инвариантными матрицами сочетания простых предложений. Продемонстрируем «образцовую» инвариантную матрицу сочетания простых предложений:

*За стеной избы по ночам шумел соседский сад. В саду стоял дом в два этажа, обнесённый глухим забором. Я забрёл в этот дом в поисках комнаты. Со мной говорила красивая седая старуха. Она строго посмотрела на меня синими глазами и комнату сдать отказалась. За её плечом я разглядел стены, увешанные картинами.*²

Если после сложного синтаксического целого, построенного по инвариантной матрице сочетания простых предложений, следует простое предложение, при решении вопроса его вхождения / невхождения в структуру ССЦ следует ориентироваться на закономерности восприятия объёма

информации, на внутреннюю структуру ССЦ и на план содержания. Например:

*Вечер чёрные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера? ///
Не храни, запоздалая тройка! ///
Наша жизнь пронеслась без следа. ///
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.
Может, завтра совсем по-другому
Я уйду, исцелённый навек,
Слушать песни дождей и черёмух
Чем здоровый живёт человек.*³

В соответствии с указанной выше закономерностью этот фрагмент оптимально разделить на следующие компоненты: первая строфа: четыре простых предложения – ССЦ, построенное по инвариантной матрице сочетания простых предложений; вторая строфа: первая строка – автономное простое предложение, вторая строка – автономное простое предложение; третья и четвёртая строка (простое предложение) вместе с третьей строфой (сложноподчинённое предложение) образуют ССЦ, построенное по инвариантной расширяющейся матрице. Пятое (автономное) предложение этого фрагмента содержит обращение *запоздалая тройка* и выделено интонационно – это маркёры его «отдельности» от структуры сложного синтаксического целого. Вхождение / невхождение той или иной синтаксической структуры в состав инвариантной матрицы можно определить по лексическим, грамматическим, синтаксическим показателям следующей за ССЦ структуры. Например:

А вот и сами эти жуки. Сверкая крыльями, танцуют они в голубом морозном воздухе. Снова и снова скрипнул в вышине дергач. Один из жуков, не складывая крыльев, метнулся вниз. Остальные опять затанцевали в небесной лазури. Зверь распустил напры-

¹ Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум: учебник. М.: Ось-89, 2005. С. 41.

² Паустовский К. Г. Мещёрская сторона // Константин Паустовский: [сайт]. URL: <https://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/text/mescherskaya-storona/storona.htm> (дата обращения: 25.06.2025).

³ Есенин С. А. Вечер чёрные брови насопил... // Культура.рф: [сайт]. URL: <https://www.culture.ru/poems/44256/vecher-chernye-brovi-nasopil> (дата обращения: 25.06.2025).

жѣнные мускулы, вышел на поляну, лизнул наст, кося глазом на небо. **И вдруг ещё один жук отвалил от танцевавшего в воздухе у, оставляя за собой большой пышный хвост, понесся прямо к поляне.** Он рос так быстро, что лось едва успел сделать прыжок в кусты – что-то громадное, более страшное, чем внезапный порыв осенней бури, ударило по вершинам сосен и брякнулось о землю так, что весь лес загудел, застонал. Эхо понеслось над деревьями, опережая лося, рванувшегося во весь дух в чащу.¹

В представленном фрагменте первые семь предложений простые с разными видами осложнений. Восьмое предложение – многочленное с бессоюзной и подчинительной видами связи между блоками и частями. По закону Миллера выделенное нами (седьмое) предложение может входить в сложное синтаксическое целое, построенное по инвариантной матрице сочетания простых предложений. И начинается оно с сочинительного соединительного союза *И*, осуществляющего связь между предложениями, однако в сочетании с наречием *вдруг* (неожиданно, внезапно) приобретающего противительное значение («соединительное несоответствие») – произошла резкая смена событий. Следовательно, это простое предложение не входит в состав первого сложного синтаксического целого анализируемого фрагмента, но с двумя последующими предложениями образует инвариантную комбинированную матрицу внешней формы ССЦ (вариант «ромб»: простое предложение – сложное многочленное предложение – простое предложение).

Заключение

Нельзя не согласиться с профессором Н. А. Герасименко, утверждающей, что

грамматика «является одним из наиболее консервативных уровней языка. Она отражает типологическое устройство данного языка, возможности взаимодействия сознания человека с объективной действительностью и реализации мыслительных операций в речи» [8, с. 29]. Наличие инвариантных матриц внешней формы сложного синтаксического целого и их классификации позволяет не только расширить представление о самой синтаксической единице, на наш взгляд, недостаточно исследованной и описанной, но и регламентировать синтаксическую типологию русского языка. Согласимся с тем, что предложенная нами классификация инвариантных матриц пока, как писала профессор Н. Ю. Шведова о своей классификации детерминантов, тоже «очень приближительна, зыбка и неточна» [9, с. 83] и требует дальнейшей корректировки, но признание факта существования отвлечённых образцов внешней формы сложного синтаксического целого позволяет говорить о заданных закономерностях его продуцирования / восприятия, которые невозможны вне параметров целостности его формы, фиксирующей структурный минимум, необходимый для его сохранения как закрытой группы предложений. Кроме того, наличие инвариантных языковых матриц построения свидетельствует о том, что сложное синтаксическое целое – как специфически воспроизводимая, так и специфически воспринимаемая единица языка, поэтому появление инструментов её делимитации способствует более чёткому представлению о её структурном объёме, заметим, как минимальном, так и максимальном.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Уральский университет, 1999. 432 с.
2. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
3. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. М.: Московский государственный областной университет, 2007. 215 с.
4. Папуша И. С. Внешняя форма сложного синтаксического целого в аспекте лингвориторической парадигмы // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвузов-

¹ Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке. М.: Правда, 1978. С. 21.

- ский сборник научных трудов. Вып. 17 / под ред. А. А. Ворожбитовой. Сочи: Сочинский государственный университет, 2012. С. 140–147.
5. Сергиевская Л. А. Языковая модель: перспективы развития // Болгарская русистика. 2004. № 2. С. 3–6.
 6. Папуша И. С. Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование. М.: Московский государственный областной университет, 2011. 256 с.
 7. Миллер Д. А. Магическое число семь плюс-минус два: некоторые ограничения в нашей способности обрабатывать информацию // Инженерная психология: сборник статей / пер. с англ., под ред. Д. Ю. Панова, В. П. Зинченко. М.: Прогресс, 1964. С. 192–255.
 8. Герасименко Н. А. Грамматика на службе развития речи и речевой культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 28–34. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34.
 9. Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 77–93.

REFERENCES

1. Saussure, F. (1999). *Course in General Linguistics*. Yekaterinburg: Ural University publ. (in Russ.).
2. Katsnelson, S. D. (1972). *Typology of Language and Speech Thinking*. Leningrad: Nauka publ. (in Russ.).
3. Lekant, P. A. (2007). *Grammatical Categories of Words and Sentences*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
4. Papusha, I. S. (2012). The External Form of a Complex Syntactic Units in the Aspect of the Lingvo-Rhetorical Paradigm. In: *Lingvo-Rhetorical Paradigm: Theoretical and Applied Aspects: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Issue 17*. Sochi: Sochi State University publ., pp. 140–147 (in Russ.).
5. Sergievskaya, L. A. (2004). Language Model: Development Prospects. In: *Bulgarian Journal of Russian Studies*, 2, 3–6 (in Russ.).
6. Papusha, I. S. (2011). *Complex Syntactic Units: Structure, Semantics, Functioning*. Moscow: Moscow Region State University (in Russ.).
7. Miller, D. A. (1964). The Magical Number Seven, Plus or Minus Two: Some Limits on Our Capacity for Processing Information. In: *Engineering Psychology: Collection of Articles*. Moscow: Progress publ., pp. 192–255.
8. Gerasimenko, N. A. (2019). Grammar in the Service of Speech and Speech Culture Development. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2, 28–34. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-2-28-34 (in Russ.).
9. Shvedova, N. Yu. (1964). The Determining Object and the Determining Circumstance as Independent Distributors of a Sentence. In: *Topics in the Study of a Language*, 6, 77–93 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Папуша Ирина Сергеевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения, академик Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: is.papusha@outlook.com

Халикова Наталья Владимировна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;
e-mail: nathalik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina S. Papusha (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics, and Communication Culture, Federal State University of Education; Academician of the International Academy of Pedagogical Education Sciences;
e-mail: is.papusha@outlook.com

Natalia V. Khalikova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;
e-mail: nathalik@mail.ru

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-48-59

НАРЕЧИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ СТЕПЕНИ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Сандакова М. В.

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород,
Российская Федерация

e-mail: sandamarina@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.08.2025

Принята к публикации 22.08.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть семантику адverbialных интенсификаторов и их лексикографическое представление в современных словарях.

Процедуры и методы. Проведён семантический анализ наречий, выражающих значение высокой степени, с использованием материалов Национального корпуса русского языка. Описаны словарные статьи интенсификаторов в современных словарях («Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени»; «Большой толковый словарь русского языка»; «Толковый словарь русской разговорной речи», вып. 1–5).

Результаты. Проанализированы различия между адъективными и адverbialными интенсификаторами в грамматическом и семантическом аспектах; выявлены синтагматические условия формирования значения высокой степени наречия на базе качественного значения; установлены особенности лексикографического представления интенсификаторов – наречий в словарях разных типов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования дополняют представления о семантике степенных слов и могут быть использованы в лексикографической практике.

Ключевые слова: адverbialные интенсификаторы, лексикография, многозначность, семантика, словарная статья, сочетаемость, толкование лексического значения

Для цитирования:

Сандакова М. В. Наречия со значением степени: семантический и лексикографический аспекты // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 48–59. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-48-59>.

Original research article

DEGREE ADVERBS: SEMANTIC AND LEXICOGRAPHICAL ASPECTS

M. Sandakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

e-mail: sandamarina@yandex.ru

Received by the editorial office 09.08.2025

Accepted for publication 22.08.2025

Abstract

Aim. To explore the semantics of the intensifying adverbs and their lexicographical representation in modern dictionaries.

Methodology. The semantic analysis of the adverbs with the high-degree meaning is carried out. The materials of the Russian National Corpus are employed. The intensifiers' entries in the modern dic-

tionaries are described. The following dictionaries are used: Dictionary of the Russian Idioms. Word Combinations with High-Degree Meanings; Large Explanatory Dictionary of the Russian Language; Explanatory Dictionary of the Russian Colloquial Speech (Iss. 1–5).

Results. The differences between adjective and intensifying adverbs in the grammatical and semantic aspects are analyzed; the syntagmatic factors of the high-degree meaning formation are revealed; the peculiarities of the intensifiers-adverbs lexicographical representation in various dictionaries are identified.

Research implications. The research results expand the notion of the degree words' semantics and can be utilized in lexicographical practice.

Keywords: intensifying adverbs, semantics, polysemy, collocation, lexicography, dictionary entry, dictionary meaning explanation

For citation:

Sandakova, M. V. (2025). Degree Adverbs: Semantic and Lexicographical Aspects. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 48–59. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-48-59>.

Введение

Круг единиц, предназначенных в языке для выражения степени свойства или явления, разнообразен и включает наречия, прилагательные, а также устойчивые сочетания, служащие лексическими репрезентантами семантической категории интенсивности (см. [1]).

Значение степени, по своей природе количественное, сопряжено с качественной характеристикой определяемого явления. На эту связь обратил внимание ещё В. В. Виноградов, считая показательным образование наречий с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*немножко, немножечко*), а также «эмоциональные определения степени», такие как *замечательно, необыкновенно, поразительно* [2, с. 348].

В ряде современных работ интенсивность определяется как «качественно-количественная категория» [1, с. 155], имеющая прагматический характер [3], связанная с эмоциональностью, экспрессивностью и оценочностью [4], выполняющая, помимо градационной, также модальную и эмфатическую (выделительную) функции [5].

Обозначение степени интенсивности какого-либо явления – это не только и не столько объективно точная фиксация его местоположения на градационной шкале, сколько характеристика посредством субъективного эмоционального отношения говорящего к этому явлению. Поэтому в

словосочетаниях *чрезвычайно (потрясающе, страшно, безумно, космически, фантастически) талантливый; абсолютно (не-сказанно, совершенно, безмерно, бесконечно, ослепительно) счастлив* вряд ли можно расположить интенсификаторы в порядке возрастания (убывания) признака.

Само употребление интенсификаторов в речи также обусловлено субъективным фактором: потребностью для автора выделить данный предмет среди других, подчеркнуть его значимость. Высказывание с интенсификатором, в том числе нейтральным, может отличаться от высказывания без интенсификатора выражением как градации, так и эмоции, ср.: *Природа там красивая – Природа там очень красивая*.

Наречия со значением степени в лингвистических исследованиях получили разные терминологические обозначения: наречия степени [6; 7]; наречия меры и степени [5]; количественные наречия [8]; интенсификаторы [9–12].

Адъективные и адverbиальные интенсификаторы в сопоставительном аспекте

Слов с исходным значением степени (*очень, весьма, большой, чуть-чуть* и др.) в языке немного. Основной корпус интенсификаторов – это прилагательные и наречия, у которых степенное значение вторично, является результатом семантической деривации. Причём, как было отмечено

лингвистами, возникновение такого значения завершает процесс семантического развития слова, представляет собой его финальную ступень. Г. И. Кустова пишет: «...у многих качественных слов конечным пунктом, последней стадией семантического развития оказывается степенное значение» [11, с. 264].

Вторичные интенсификаторы образуют пары: прилагательное – наречие на -о, -е, -ски (*абсолютный – абсолютно, крайний – крайне, катастрофический – катастрофически*).

Остановимся на различиях между парными адъективными и адвербиальными интенсификаторами.

1. Грамматические различия находят проявление в сочетаемостных возможностях. Прилагательные образуют словосочетания только с именами существительными, наречия – с глаголами, прилагательными и наречиями, охватывая явления и свойства в широком диапазоне.

2. Прилагательные и наречия как их синтаксические дериваты близки по значению, однако всё же имеют существенные семантические различия.

Наречия свободнее приспособляются к выполнению функции выражения степени, освобождаясь от качественных семантических компонентов. Ярким примером могут послужить единицы *ужасный – ужасно, страшный – страшно, дикий – дико, жуткий – жутко, безумный – безумно*, о которых неоднократно писали лингвисты (см. [11; 13] и др.). При употреблении в функции интенсификаторов у них наблюдается полная редукция качественного значения и нейтрализация отрицательной оценки. Их значение ограничивается ничем не осложнённой идеей высокой степени, они становятся синонимичными универсальному интенсификатору *очень* и способны характеризовать любые явления – оцениваемые не только негативно, но также нейтрально и позитивно. Ср.: *дикая (жара, дороговизна) – дикий восторг (интерес); ужасно грязный (мерзкий, безнравственно) – ужасно интересоваться (увлечься, далеко) – ужасно*

умный (добрый, вкусно). При этом характерно, что у адвербиальных членов пар способность быть интенсификаторами выше. Именно наречия наиболее частотны в этой функции, тогда как словосочетания с прилагательными возможны не всегда. Например, вполне обычны употребления *ужасно добрый, страшно умная*, но не вполне корректно выглядят **ужасный добрык, *страшная умница*.

При этом, как отметила О. П. Ермакова, словосочетания с соотнесёнными прилагательным и наречием не всегда эквивалентны по смыслу. Адъективное определение может выражать разные характеристики: *страшная высота* может означать и ‘такая, которая вызывает страх’ (т. е. быть качественно-оценочной характеристикой), и ‘очень большая’ (т. е. выражать высокую степень свойства). Адвербиальный атрибут способен обозначать только высокую степень, ср.: *ужасно (страшно, невероятно) высокий* означает ‘очень высокий’ [13, с. 273–274].

Некоторые наречия во вторичном значении ориентированы в языке на выполнение функции интенсификации. Это, например, ряд слов на -ски: *астрономически, зверски, катастрофически, космически, панически, фантастически* и др. Их адъективные мотиваторы могут иметь разную семантику: исходное значение относительного прилагательного (*космический корабль, астрономические объекты*), метафорическое качественное значение (*зверское выражение лица, фантастическая африканская природа*), значение высокой степени (*астрономические цены, фантастическая работоспособность*). Мотивированные ими наречия функционируют прежде всего как показатели высокой степени, ср. характерные контексты: *адски тяжёлая работа, астрономически громадные расходы, зверски проголодаться, катастрофически не хватать, космически талантливый, панически бояться, фантастически высоко, чертовски привлекателен*.

Материалы Национального корпуса русского языка подтверждают это наблюдение. Так, слово *космически* (57 текстов,

69 примеров) встречается преимущественно как интенсификатор. Ср. примеры словосочетаний с глаголами: *космически повезло, страдать*; с прилагательными и причастиями: *космически большой, грандиозное, завышенный, занят, значимый, недостижимый, необъятный, одинок, отдалённый, пьян, редкий, сильный, толстый*; с наречиями: *космически дорого, неверно*.¹

Приведённые факты позволяют сделать вывод, что для наречий, по сравнению с парными прилагательными, функция интенсификации более ограничена.

Семантические особенности вторичных адвербиальных интенсификаторов

Остановимся на семантических особенностях степенных наречий.

Интенсификатор – это внешний показатель степени, образующий словосочетание с определяемым словом – названием того явления или свойства, степень которого характеризуется.

Очевидно, что слово, с которым сочетается интенсификатор, должно обозначать свойство или явление, поддающееся градуированию. С наименованием сущностей, находящихся вне градационной шкалы, интенсификаторы употребляться не могут, ср.: **очень летом, *абсолютно читать, *чрезвычайно вечный*. В значении самого интенсификатора должна содержаться «сема степени величины некоторого признака» [5, с. 15].

В семантике исходных интенсификаторов сема степени является основной или единственной, ср. *очень, совсем, чуть-чуть*. Значения вторичных интенсификаторов формируется на базе прямого или метафорического качественного значения. Условием «пробуждения» интенсификационного значения служит контекст. Одно и то же наречие может выражать как качественное, так и интенсификационное значение, в зависимости от сущности определяемого явления (свойства).

Например, в контексте *версия звучит неправдоподобно* наречие выражает качественное значение: ‘невероятно; так, что это противоречит истине, действительно’. В контексте *добиться неправдоподобно высоких результатов* значение наречия осложняется степенным компонентом: ‘настолько высоких, что это выглядит неправдоподобно’.

Сравним следующие контексты:

- (1) *Восхитительно петь*
- (2) *Восхитительно гармоничный*
- (1) *Замечательно выступать*
- (2) *Замечательно добрый*
- (1) *Необычайно наряжаться*
- (2) *Необычайно высокий*
- (1) *Непревзойдённо сыграть*
- (2) *Непревзойдённо многогранный*
- (1) *Несравненно танцевать*
- (2) *Несравненно грациозна*
- (1) *Поразительно выглядеть*
- (2) *Поразительно смешон*
- (1) *Удивительно спроектированный*
- (2) *Удивительно скромный*

Очевидно, что в контекстах (1) наречие сочетается с глаголами, называющими явление, которые по своей природе не могут иметь градации. Наречие имеет качественное (качественно-оценочное) значение. В контекстах (2) наречие сочетается с глаголами, прилагательными и наречиями, обозначающими градуируемые явления и свойства. В его значении актуализируется компонент ‘высокая степень’, что приводит к формированию интенсификационного (интенсификационно-качественного) значения.

Пронаблюдаем также употребление в более широких контекстах наречий *поразительно, феноменально, чудовищно*.

Поразительно:

(1) *Поразительно* устроен российский алкаш. Имея деньги – предпочитает отраву за рубль сорок. (С. Довлатов. Заповедник); *Поразительно* пересекаются человеческие пути и судьбы. Вот ГИТИС, несчастный обруганный первокурсник, девочка со второго курса в белой блузочке и чёрном свитерочке подходит к нему, чтобы утешить, а потом проходят годы и они

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

вновь встречаются, чтобы десятилетиями быть вместе... (Л. Хейфец. Всполохи);

(2) Время двигалось **поразительно** медленно. До отхода поезда всё ещё оказывалось около полутора часов. (В. Катаев. Алмазный мой венец); Евдокимов – тридцатипятилетний, бездетный, **поразительно** обстоятельный мужик... не ругался с начальником. (М. Тарковский. Стройка бани).¹

Феноменально:

(1) Назавтра он привозит три инструмента, каждый из которых звучит превосходно, но один – **феноменально**. (С. Спивакова. Не всё); Кстати, потратила она их [деньги] просто **феноменально** – купила себе пальто коротенькое с накладным цигейковым воротником. (М. Милованов. Естественный отбор);

(2) **Феноменально** возросли требования к точности не только со стороны науки, но и технологии (И. Рувинский. Всё течёт, всё... измеряется); Сам Канделаки был **феноменально** музыкален – музыка была его стихией, поэтому-то он, как никто, умел «ставить музыку» (Т. Шмыга. Счастье мне улыбалось); Всё началось с маленькой, **феноменально** уродливой лошадки, которая родилась на опытной конюшне сельскохозяйственной академии имени Тимирязева. (Ю. Никулин. Как я стал клоуном).²

Чудовищно:

(1) Я, наверное, выглядел **чудовищно**, потому что тиран Щекотуров послушно встал, прижался к какой-то тумбочке и в знак примирения протянул мне недавно выломанный из игрушечного автомобиля выключатель (В. Панюшкин. За Виню); Главная цифра – приговор кандидатам, которые провели бесцветную, бездарную кампанию, считает политолог Александр Кынев: «Героев среди них не было, кампании были организованы **чудовищно**» (Ведомости);

(2) И ещё среди множества танцующей обуви привлекли моё внимание огромные жёлтые полуботинки на **чудовищно** толстой рифлёной подошве (И. Грекова.

Дамский мастер); В жару дом нестерпимо нагревался, а осенью, в первые ночные заморозки, в нём было **чудовищно** холодно (В. Харченко. Домик-пряник).³

Приведённые примеры показывают, что контекст выступает фактором развития значения степени у качественных наречий. Употребление в функции интенсификатора связано с актуализацией семы 'высокая степень' при сохранении качественных компонентов значения и оценочности. Таким образом, значение вторичного интенсификатора можно определить как интенсификационно-качественное.

Редукция качественной семантики, сопровождающаяся нейтрализацией оценки, – довольно редкое явление, наблюдаемое у ограниченной группы слов (ужасно, страшно, дико, безумно и др.), о чём говорилось в начале статьи.

Лексикографическое представление наречий со значением степени

В словарях разных типов проблема лексикографической фиксации интенсификаторов решается неодинаково.

Корпус лексических интенсификаторов содержит электронный «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» Г. И. Кустовой.⁴ В нём, в силу специфики, отсутствуют толкования и иллюстрируется сочетаемость интенсификаторов (прилагательных, наречий, устойчивых сочетаний).

Словарь отражает симметричность адъективно-адвербиальных соответствий (беззаветный – беззаветно, неслыханный – неслыханно, рекордный – рекордно), за исключением ряда единиц. Например, представлено прилагательное астрономический (астрономический долг, расходы, цена), но наречие астрономически (ср. астрономически возрасти) отсутствует; зафиксировано прилагательное головокружительный (головокружительная высота,

³ Там же.

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.03.2025).

² Там же.

⁴ Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» (СПИ). 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 22.02.2025).

скорость, возможности) и нет наречия головокружительно (ср. головокружительно быстро); есть прилагательное блестящий (блестящие знания, способности) при отсутствии соответствующего наречия (ср. блестяще образованный) и под. В целом, в «Словаре русской идиоматики» наречия количественно уступают прилагательным.

Опишем кратко представление адвербиальных интенсификаторов в современных толковых словарях на примере материалов «Большого толкового словаря русского языка» (БТС) под редакцией С. А. Кузнецова¹ и «Толкового словаря русской разговорной речи» (ТСРРР) под редакцией Л. П. Крысина (выпуски 1–5).²

В БТС, как и в других толковых словарях, специальные словарные статьи имеют наречия с исходным значением степени (очень, весьма, совсем, слишком, едва, чуть-чуть и др.). Вторичные степенные значения отображаются по-разному.

Ряд качественных наречий, у которых есть вторичное значение степени, имеют отдельные словарные статьи. Среди них: бесспорно, высоко, глубоко, горячо, дико, жутко, кошмарно, неизмеримо, непостижимо, несравненно, поразительно, серьёзно, сильно, страшно, ужасно, чудовищно, шибко и др.

В формулировках их толкований эксплицированы смыслы: 'очень', 'чрезвычайно', 'значительно', 'чрезмерно', 'крайне', 'до крайности', 'сильно', 'много', 'высшая степень проявления' и др.

Например, словарная статья наречия кошмарно: «Нареч. Разг. 1. Очень плохо, ужасно, отвратительно. Кошмарно провести ночь. Ты ведёшь себя кошмарно. 2. Очень, крайне, чрезвычайно. Он кошмарно навязчив. Книга кошмарно скучна». ³ Интенсификационное значение 'очень, крайне, чрезвычайно' ограничивается от качественного и проиллюстрировано речениями.

¹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1534 с.

² Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Выпуск 1–5 / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014–2022.

³ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. С. 465.

Ср. также наречие мучительно: «Нареч. 1. Тяжело, больно. Мучительно жалось сердце. Мучительно искать ответ. 2. Очень, сильно (о степени проявления чего-либо). Мучительно хотелось пить. Сборы продолжались мучительно долго». ⁴ Качественное и степенное значение 'очень, сильно' также дифференцированы.

Однако таких примеров немного. Обычно наречие с вторичным значением степени помещается в словарную статью прилагательного. Например, так толкуются наречия адски, баснословно, бешено, головокружительно, диаметрально, идеально, исчерпывающе, неистово, крайне, ошеломляюще, ощутимо, повально, сногшибательно, чертовски, яростно и многие другие. Среди них заметную группу составляют наречия с приставками без- (безбрежно, безгранично, бездонно, безоглядно, безудержно, безукоризненно, безумно, бесконечно, бескрайне, беспощадно, беспредельно, бессовестно и др.) и не- (недопустимо, немилосердно, необозримо, неодолимо, непревзойдённо, непримиримо, нерасторжимо, несоизмеримо, неудержимо, неукротимо, нешуточно, нещадно и др.).

Наречие, включённое в словарную статью прилагательного, толкуется не всегда, но содержит отсылку к соответствующему адъективному значению (значениям). Приведём пример. Баснословный: «1. Книжн. Легендарный, мифический. В те баснословные времена (очень древние, давние). 2. Необычайно большой. Б-ый урожай. Б-ые цены. Б-ая сумма денег. Б-ое количество комаров. < Баснословно, нареч. (2 зн.). Баснословно богат кто-либо». ⁵ Степенное значение прилагательного ('необычайно большой') в словарной статье распространяется и на адвербиальную грамматическую форму, хотя формулировки значения наречия ('сильно', 'значительно', 'в высокой степени') словарь не даёт.

Характерно, что в целом ряде случаев иллюстративные примеры, относящиеся к разным значениям, даются подряд без разграничений. Покажем это на фрагментах

⁴ Там же. С. 565.

⁵ Там же. С. 61.

словарных статей интенсификаторов *необыкновенный* (необыкновенно); *неправдоподобный* (неправдоподобно); *бесконечный* (бесконечно); *безобразный* (безобразно).

Необыкновенный: «1. Не такой, как многие, как у многих, выделяющийся среди других. *Н-ая форма колонн*. // Исключительный, чрезвычайный, очень сильный по своему проявлению. *Женщина необыкновенной красоты*. *Щука необыкновенной величины*. 2. Станный, невероятный. *Н-ое происшествие*. < *Необыкновенно*, нареч. *Необыкновенно высокий дуб*. *Необыкновенно страшный рассказ*. *Вокруг было необыкновенно тихо*. *Необыкновенно грациозно танцует*. *Причесаться необыкновенно*».¹ Очевидно, что у прилагательного семантика качества выражается в значениях 1 и 2; высокая степень интенсивности свойства выражается оттенком первого значения: 'исключительный, чрезвычайный, очень сильный по своему проявлению'. Эти значения в иллюстрациях к наречию должны распределяться следующим образом: *причесаться необыкновенно* (качество); *необыкновенно высокий дуб*, *необыкновенно страшный рассказ*, *вокруг было необыкновенно тихо*, *необыкновенно грациозно танцует* (интенсификация).

Неправдоподобный: «1. Лишённый правдоподобия. Не соответствующий истине, действительности. *Н. слух, случай*. *Н-ая история*. *Н-ое описание случившегося*. *Показания потерпевшего неправдоподобны*. 2. Необычный, чрезвычайный. *Тащить кого-л. с неправдоподобной силой*. *Обставить помещение с неправдоподобной роскошью*. < *Неправдоподобно*, нареч. *Рассказ очевидца звучал неправдоподобно*. *Неправдоподобно ловкий человек*. *Неправдоподобно красивая женщина*».² В этой словарной статье семантика степени выражается в формулировке значения 2 прилагательного: 'необычный, чрезвычайный'. Для наречия контекст *Рассказ очевидца звучал неправдоподобно* иллюстрирует

качественное значение; контексты *неправдоподобно ловкий человек*, *неправдоподобно красивая женщина* соответствуют значению высокой степени.

Бесконечный: «1. Книжн. Не имеющий начала и конца, пределов, границ (противоп.: конечный). *Время и пространство бесконечны*. *Б-ая десятичная дробь* (матем.; с неограниченным числом десятичных знаков) // Безграничный, бескрайний (о пространствах). *Бесконечная степь*. *Бесконечное небо*. 2. Разг. Очень длинный или долгий, продолжительный. *Б-ый спор*. *Б-ая песня*. *Б-ая дорога*. 3. Обычно мн. Разг. Постоянный, непрекращающийся. *Бесконечные жалобы, измены*. 4. Разг. Достигший высшей степени проявления; очень сильный. *Бесконечная нежность, усталость*. *Доставить бесконечное удовольствие кому-л.* < *Бесконечно*, нареч. *Бесконечно виноват*. *Бесконечно большая (малая) величина* (матем.).³ Здесь семантический компонент, указывающий на высокую степень, очевидно присутствует во всех значениях. В чистом виде интенсификационное значение выражено в формулировке значения 4: 'достигший высшей степени проявления; очень сильный'. Иллюстрации к наречию соотносимы с разными значениями прилагательного: *бесконечно большая (малая) величина* (значение 1); *бесконечно виноват* (значение 4, высокая степень проявления свойства).

Безобразный: «1. Отталкивающе некрасивый; уродливый. *Б-ый вид*. *Б-ое платье*. 2. Непристойный, возмутительный. *Б. поступок*. *Б-ое поведение*. 3. Разг. Очень плохой, отвратительный, скверный. *Дороги просто безобразны!* < *Безобразно*, нареч. *Расходы безобразно велики* (очень, чрезвычайно)».⁴ У наречия сформулировано и проиллюстрировано только интенсификационное значение (*Расходы безобразно велики*); примеров качественного значения нет.

Целый ряд наречий, имеющих значение высокой степени, в БТС отсутствует (при наличии мотивирующих прилагательных),

¹ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. С. 629.

² Там же. С. 634.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 67.

например: *разгромно, сокрушительно, титанически* и др. Среди них малочастотные слова, а также семантические неологизмы, ещё не получившие фиксации, например: *беспрецедентно, запредельно, калейдоскопически, космически* и др.

Непредставленность некоторых адвербиальных единиц, недостаточная унификация структуры словарных статей, а также толкований, нарушение последовательности подачи иллюстраций и другие особенности вполне объяснимы требованиями, задаваемыми форматом словаря (ограниченностью словарика и объёма словарной статьи).

В «Толковом словаре русской разговорной речи» (ТСРРР) под редакцией Л. П. Крысина (выпуски 1–5. 2014–2022) интенсификационные значения обычно имеют следующие толкования: ‘проявляющийся в очень сильной степени’, ‘в высокой степени’, ‘в высшей степени’, ‘в значительной мере’, ‘без меры’, ‘очень’, ‘чрезвычайно’, ‘сильно’, ‘с большой силой’, ‘много’, ‘значительно по количеству’, ‘слишком’, ‘мало’, ‘несколько’, ‘ни в какой мере’ и др.

Помимо мотивированных прилагательными слов на -о, -е, -ски, в словарь вошли наречия разных способов образования: *вволю, взахлёб, невпроворот, полным-полно, порядком, по-чёрному, чуть-чуть* и др.

Отбор интенсификаторов в ТСРРР вполне закономерен: это наречия, употребительные в современной живой разговорной речи, в своей массе обладающие эмоционально-экспрессивной окрашенностью и выражающие ту или иную оценку. Наречия с книжной стилистической окраской (*весьма, диаметрально, существенно, чрезвычайно, чрезмерно, чудовищно* и под.) в словарь не включены.

Интенсификаторы со сниженной стилистической окраской имеют соответствующие пометы в зоне стилистических помет (STYL). Ср., например, наречие *скотски*, выражающее в одном из значений признак степени: «2. *Перен.* DEF: очень, в большой

степени. *Я тоже устал. Просто скотски устал.* STYL: *сниж., неодобр.*».¹

Поскольку словарь не является нормативным, авторы включили в словник не только единицы литературного языка, но и просторечия, жаргонизмы и сленгизмы, также снабжённые пометами в зоне STYL. Например, *неслабо*: «3. DEF: довольно много, сильно, впечатляюще. *Парочка неслабо заработала на последнем хите «Когда ты рядом».* STYL: *сленг.*».² Зафиксированы также сленговые единицы, например: *немерено* (помета *молод.*), *нехило* (помета *сленг.*), *потрясно* (помета *молод.*), *суперски* (помета *школьн., молод.*) и др.

ТСРРР, по сравнению с предшественниками, более последователен в грамматической дифференциации интенсификаторов: особенность словаря составляет автономность словарных статей прилагательных и наречий.

Круг степенных наречий, толкуемых отдельно, довольно широк, и в ТСРРР находим соотносительные словарные статьи: *адский* – *адски*, *безбожный* – *безбожно*, *безумный* – *безумно*, *бесподобный* – *бесподобно*, *беспробудный* – *беспробудно*, *беспросветный* – *беспросветно*, *дикий* – *дико*, *запойный* – *запойно*, *зверский* – *зверски*, *мощный* – *мощно*, *непробудный* – *непробудно*, *несусветный* – *несусветно*, *порядочный* – *порядочно*, *потрясающий* – *потрясающе*, *сногшибательный* – *сногшибательно*, *скотский* – *скотски*, *чертовский* – *чертовски* и др.

Проиллюстрируем преимущества такого способа на примере пар *сногшибательный* – *сногшибательно*, *потрясающий* – *потрясающе*.

У прилагательного *сногшибательный* словарная статья различает пять значений, три из которых являются интенсифицирующими: «1. DEF: такой сильный, что спо-

¹ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 4: С–Т / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 141.

² Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 2: К–О / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 545–546.

собен свалить с ног. *Сногшибательный удар Поветкина уже претендует на звание нокаута года...* 2. *Перен.* DEF: необычайно сильный по воздействию (обычно о чём-л. хорошем). ... *Чем медленнее ты будешь выполнять эти движения, тем более сногшибательным будет эффект!* 5. *Перен.* DEF: очень сильный, значительный по степени проявления. ... *А у Эдика Назарова... необыкновенное, сногшибательное чувство юмора...*¹ У наречия *сногшибательно* словарь различает три значения, из которых одно имеет формулировку, позволяющую считать его интенсификатором: «3. DEF: очень, в высокой степени, чрезвычайно. ... Он ожидал, насыщенный об их сногшибательно талантливых работах, увидеть мэтров: солидных, респектабельных людей».²

У прилагательного *потрясающий* отмечено четыре значения, два из них выражают интенсификационное значение: «1. DEF: необычайно сильный по воздействию (обычно о чём-л. хорошем). *А спустя полвека И. Шмелёв с потрясающей болью... воссоздал поистине апокалиптические картины...* ... 4. DEF: значительный по мере, силе. *И тут я сморозил... потрясающую глупость!*»³ У наречия *потрясающе* идею чистой степени выражает значение: «2. DEF: очень. *У меня здесь был потрясающе весёлый вечер с друзьями! Сюжет просто потрясающе примитивный...*»⁴

Как видим, автономное представление прилагательных и наречий позволяет проиллюстрировать взаимосвязь грамматического облика и семантики степенного слова, показать нетождественность семантических структур интенсификаторов разной частеречной принадлежности, а также, что представляется особенно важным, – зафиксировать тонкие семантические различия между значениями многозначного

слова. Значения чётко дифференцированы и сопровождаются богатым иллюстративным материалом, что помогает создать развёрнутое лексикографическое описание интенсификатора-полисеманта.

Но пары *прилагательное – наречие* есть не всегда. Например, словарь фиксирует интенсификатор *запредельный*: «DEF: невероятный, чрезмерный, находящийся за пределами обычных представлений о чём-либо. *У нас тут на фирменные вещи / цены вообще запредельные*».⁵ Наречие *запредельно* в словаре отсутствует, хотя в разговорной речи оно употребительно, ср. высказывание: *Задания были запредельно сложные*.

Аналогично: в словаре есть слова *кошмарный, непроходимый, неуёмный, нештучный, отпадный, сумасшедший, убийственный*, но нет соответствующих наречий.

Не зафиксировано слово ни той, ни другой части речи у парных интенсификаторов: *безудержный – безудержно, беспросытный – беспросытно, бешеный – бешено, дьявольский – дьявольски, неопиcуемый – неопиcуемо, нереальный – нереально, умопомрачительный – умопомрачительно* и др.

Однако отметим, что для целого ряда интенсификаторов в ТСРРР предусмотрен иной способ представления. Их бытование в языке может быть зафиксировано в зонах синонимов (SYN) и аналогов (ANALOG) других наречий. Например, для наречия *беспросытно* нет специальной статьи, но оно фиксируется в зоне SYN интенсификаторов *беспробудно* и *беспросветно*. Ср. фрагмент словарной статьи *беспробудно*: «2. DEF: в высокой степени. *Современность в этом плане... бедна и беспробудно упрощена!* ... SYN: *беспросветно, беспросынно*».⁶

Наречие *дьявольски* присутствует в зонах SYN и ANALOG ряда интенсификаторов. Например, фрагмент словарной статьи наречия *серьёзно*: «2. DEF: много, сильно. *Мы делали ставку на офлайновую*

¹ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 4: С–Т / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 219–220.

² Там же. С. 219.

³ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 3: П–Р / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2020. С. 333–334.

⁴ Там же. С. 333.

⁵ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 1: А–И / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2014. С. 669.

⁶ Там же. С. 112.

рекламу. Причём серьёзно потратились на щиты... ... ANALOG: адски, вовсю, дико, дьявольски...»¹

Аналогично упоминаются некоторые наречия, принадлежащие некодифицированным подсистемам русского языка. Например, просторечный интенсификатор *больно* назван в словарной статье слова *шибко*: «DEF: очень. Чего ему надо, так и не понял, послал его не шибко грубо... ... SYN: *больно*».²

Таким же способом представлен ряд сленговых единиц: *некисло*, *отпадно*, *офигенно* и др. Например, в зоне SYN словарной статьи наречия *неслабо* дан синонимический ряд: *круто*, *не по-детски*, *некисло*, *нехило*, *со страшной силой* и др.³; в зоне SYN наречия *обалденно* перечислены: *нехило*, *отпадно*, *офигенно*, *офигительно*, *потрясно* и др.⁴; в зоне SYN наречия *потрясающе* названы: *нереально*, *офигенно*, *офигенно*, *офигительно*⁵; в зоне SYN наречия *сногшибательно* даны: *обалденно*, *офигенно*, *офигительно*.⁶

Заключение

Предпринятое исследование показывает особенности наречий со значением степени, отличающие их от парных прилагательных, синтаксическими дериватами которых они являются.

Основной корпус адвербиальных интенсификаторов современного русского языка составляют наречия, выражающие вторичное значение высокой степени, ко-

торое возникает в результате семантического развития слова.

Интенсификаторы могут сочетаться только со словами, которые называют *поддающиеся градуированию сущности* (именами свойств и явлений, проявляющихся в большей или меньшей степени). Одно и то же слово способно выражать как качественное, так и количественное (степенное) значение, в зависимости от сущности определяемого явления. Наблюдения над контекстами показывают, что при сочетании с глаголами, называющими неградулируемые процессы, наречие выступает в качественном значении: *феноменально вести себя (выглядеть, выступать)*. При определении глаголов, прилагательных или наречий, называющих градулируемые явления и свойства, в значении наречия актуализируется сема 'высокая степень'. Обычно появление количественной семы не приводит к вытеснению качественных компонентов, поэтому вторичное значение можно определить как интенсификационно-качественное. Например, в словосочетаниях *феноменально повысить уровень*, *феноменально музыкален (талантливо, уродлив)*, *феноменально изящный (гармонично, далеко)* наречие означает: 'значительно (сильно) в такой степени, что это выглядит феноменально'. Лишь у небольшой группы слов (*страшно*, *ужасно*, *жутко*, *дико*) значение степени связано с полной редукцией качественного значения, сопровождающейся снятием отрицательной оценки. Эти слова употребляются как универсальные интенсификаторы, синонимичные слову *очень*, и могут сочетаться с наименованиями самых разнообразных свойств и явлений, оцениваемых как отрицательно, так нейтрально или положительно. Ср.: *ужасно грязный (мерзкий, безнравственно)* – *ужасно интересоваться (увлечься)* – *ужасно умный (добрый, вкусно)*.

Изучение ряда лексикографических источников («Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» Г. И. Кустовой, 2008; «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией

¹ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 4: С–Т / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 88–89.

² Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 5: У–Я / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: СПб.: Нестор-История, 2022. С. 630–631.

³ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 2: К–О / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2017. С. 545–546.

⁴ Там же. С. 617–618.

⁵ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 3: П–Р / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2020. С. 333.

⁶ Толковый словарь русской разговорной речи (ТСРРР). Вып. 4: С–Т / отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 219.

С. А. Кузнецова, 2001; «Толковый словарь русской разговорной речи» под редакцией Л. П. Крысина, выпуски 1–5, 2014–2022) позволяет выявить специфику представления адъективных и адвербиальных интенсификаторов в словарях разных типов.

Результаты наблюдений не могут претендовать на полноту, но позволяют обозначить некоторые проблемы лексикографирования интенсификаторов. Среди них:

унификация толкований, в частности единообразии формулировок для обозначения семантического компонента степени; распределение иллюстраций в соответствии с дифференциацией значений полисеманта; представление наречий, имеющих существенные семантические различия с мотивирующими прилагательными, в отдельных словарных статьях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Родионова С. Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры / отв. ред. А. В. Бондарко, С. А. Шубик. СПб.: Наука, 2005. С. 150–168.
2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
3. Князев Ю. П. Степени сравнения и точка отсчёта // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 129–145.
4. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1996. 231 с.
5. Колесникова С. М. Синтагматические особенности наречий меры и степени и их градуальная функция в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 3. С. 14–19.
6. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1982. 783 с.
7. Глазунова О. И. Наречия со значением высокой, очень высокой и предельной степени интенсификации признака // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2024. № 2. С. 73–93.
8. Шигуров В. В. Словоформа *достаточно* в синкретичном контексте предикативации и прономинализации: степень соответствия ядерным количественным наречиям и предикативам // Фундаментальные и прикладные исследования: Проблемы и результаты. 2013. № 4. С. 238–242.
9. Ерёмин А. Н., Потапова В. В. К вопросу об интенсификации и интенсификаторах в современной русской речи // Казанская наука. 2023. № 9. С. 266–268.
10. Ермакова О. П. Гипербола и смежные с ней явления: монография. М.: Флинта, 2021. 72 с.
11. Кустова Г. И. Слова со значением высокой степени: семантические модели и семантические механизмы (Мажы-прилагательные) // Слово и язык: сборник статей к 80-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 256–268.
12. Шарапова Е. В. Интенсивность и другие значения: проблема определения интенсификатора в контексте (на материалах писем Ф. М. Достоевского) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2023. № 2. С. 185–192. DOI: 10.31912/pvrl-2023.2.18.
13. Ермакова О. П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантификативный аспект языка. М.: Индрик, 2005. С. 272–279.

REFERENCES

1. Rodionova, S. E. (1947). Semantics of Intensity and Its Expression in Modern Russian. In: *Problems of Functional Grammar. Field Structures*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 150–168 (in Russ.).
2. Vinogradov, V. V. (1947). *Russian Language. Grammatical Theory of the Word*. Moscow: Uchpedgiz publ. (in Russ.).
3. Knyazev, Yu. P. (1996). Degrees of Comparison and Reference Point. In: *Theory of Functional Grammar. Qualitativeness. Quantitativeness*. St. Petersburg: Nauka publ., pp. 129–145 (in Russ.).
4. Lukyanova, N. A. (1996). *Expressive Vocabulary Used Colloquially (Problems of Semantics)*. Novosibirsk: Nauka publ. (in Russ.).
5. Kolesnikova, S. M. (2012). Measure Adverbs' Syntagmatic Features, Degree, and Gradual Function in Modern Russian. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 3, 14–19 (in Russ.).
6. Shvedova, N. Yu. (1982). *Russian Grammar. Vol. I*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).

7. Glazunova, O. I. (2024). Adverbs Meaning High, Very High, and Extreme Degrees of Feature Intensification. In: *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2, 73–93 (in Russ.).
8. Shigurov, V. V. (2013). The Word Form ‘Sufficiently’ in the Syncretic Context of Predicativization and Pronominalization: The Degree of Correspondence with Nuclear Quantity Adverbs and Predicates. In: *Fundamental and Applied Research: Problems and Results*, 4, 238–242 (in Russ.).
9. Eremin, A. N. & Potapova, V. V. (2023). On Intensification and Intensifiers in Modern Russian Speech. In: *Kazan Science*, 9, 266–268 (in Russ.).
10. Ermakova, O. P. (2021). *Hyperbole and Related Phenomena*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
11. Kustova, G. I. (2011). Words with a Meaning of High Degree: Semantic Models and Semantic Mechanisms (Magn’s Adjectives). In: *Word and Language: Collection of Articles for Yu. D. Apresyan’s 80th Anniversary*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 256–268 (in Russ.).
12. Sharapova, E. V. (2023). Intensity and Other Meanings: Problem of Defining an Intensifier in Context (Based on F. M. Dostoevsky’s Letters. In: *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 2, 185–192. DOI: 10.31912/pvrli-2023.2.18 (in Russ.).
13. Ermakova, O. P. (2005). Transition from Quality to Quantity (On the Intensifiers’ Essence). In: *Logical Analysis of Language. Quantitative Aspect of Language*. Moscow: Indrik publ., pp. 272–279 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сандакова Марина Всеволодовна (г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского;
e-mail: sandamarina@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Sandakova (Nizhny Novgorod) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Prof., Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
e-mail: sandamarina@yandex.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-60-68

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ВРЕМЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И. А. БУНИНА В РАССКАЗАХ ПИСАТЕЛЯ

Соколова Е. Д.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: eka.sokolova2017@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.09.2025

Принята к публикации 09.09.2025

Аннотация

Цель состоит в выявлении роли бессоюзных сложных предложений с временными отношениями в презентации языковой личности И. А. Бунина.

Процедура и методы. Автором статьи проведён структурно-семантический анализ сложных предложений с временными отношениями, извлечённых методом сплошной выборки из рассказов И. А. Бунина, с использованием методов наблюдения, обобщения и интерпретации.

Результаты. В статье раскрываются структурно-семантические особенности функционирующих в рассказах И. А. Бунина бессоюзных сложных предложений с временными отношениями. Показано, как посредством этих конструкций с темпоральной семантикой раскрывается образно-ассоциативное мышление автора, формируется пространственно-временной континуум и событийная перспектива высказывания.

Теоретическая и/или практическая значимость статьи заключается в расширении знаний о языковой личности И. А. Бунина в контексте антропоцентрической парадигмы. Материалы статьи и полученные результаты могут быть использованы при изучении идиостиля и идиолекта И. А. Бунина, в преподавании лингвистических дисциплин «Синтаксис русского языка», «Стилистика русского языка», «Язык художественной литературы».

Ключевые слова: бессоюзное сложное предложение, временные отношения, темпоральная семантика, художественный текст, языковая личность

Для цитирования:

Соколова Е. Д. Бессоюзные сложные предложения с временными отношениями как средство репрезентации языковой личности И. А. Бунина в рассказах писателя // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 60–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-60-68>.

Original research article

ASYNDETIC COMPLEX SENTENCES WITH TEMPORAL RELATIONS AS A MEANS OF I. A. BUNIN'S LINGUISTIC PERSONALITY REPRESENTATION IN HIS SHORT STORIES

E. Sokolova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: eka.sokolova2017@yandex.ru

Received by the editorial office 01.09.2025

Accepted for publication 09.09.2025

Abstract

Aim. To identify the role of complex sentences with temporal relations in composing I. A. Bunin's linguistic personality.

Methodology. The structural and semantic analysis of complex sentences with temporal relations, extracted by continuous sampling from the short stories of I. A. Bunin, using the methods of observation, generalization, and interpretation, has been carried out.

Results. The article reveals the structural and semantic features of asyndetic complex sentences with temporal relations functioning in the short stories of I. A. Bunin. It is demonstrated how complex sentences with temporal relations reflect the writer's figurative and associative thinking and help to compose an both spacetime continuum and narrative line of sentences.

Research implications. The article expands knowledge about the linguistic personality of I. A. Bunin in the context of the anthropocentric paradigm. The materials and findings of the study can be used in the analysis of I. A. Bunin's idiosyncrasy and idiolect, as well as in teaching linguistic disciplines such as Syntax of the Russian Language, Stylistics of the Russian Language, and Language of Fiction.

Keywords: asyndetic complex sentence, temporal relations, temporal semantics, literary text, linguistic personality

For citation:

Sokolova, E. D. (2025). Asyndetic Complex Sentences with Temporal Relations as a Means of I. A. Bunin's Linguistic Personality Representation in His Short Stories. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 60–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-60-68>.

Введение

Интерес к языковой личности писателя обуславливается антропоцентризмом современной лингвистической науки, проявляющимся в акцентированном внимании исследователей к рассмотрению любого явления языка с точки зрения активного субъекта. Языковую личность как совокупность свойств и характеристик говорящего, которые определяются его речевым поведением, отражающим уровень владения языком, структурированность лексического запаса, систему ценностей, прагматические и коммуникативные цели, по мнению Ю. Н. Караулова [1, с. 20–21], необходимо принимать за национально-культурно обусловленный феномен, который стоит анализировать с учётом исторического, этнического, социального и психолингвистического контекста.

Творчество И. А. Бунина всегда было в центре внимания литературоведов и лингвистов. Учёные-языковеды рассматривали особенности когнитивных признаков концептов [2], темпоральные синтаксемы [3], синтаксис поэтических текстов [4] и

дневниковых записей [5], особенности структуры, функций, лексической и грамматической семантики номинативных предложений [6], синтаксические средства выражения авторской модальности [7] и др.

О. С. Конькова, Л. Г. Панова, З. Ю. Петрова, Е. Н. Широкова и другие учёные исследовали темпоральность бунинских текстов. Е. Н. Широкова обусловила введение такого метаязыкового компонента, как *темпоральный код*, занималась исследованием проблемы «описания языкового времени, связанной с вариативностью языковых средств, эксплицирующих конкретное концептуальное содержание» [8]. По мнению Е. Н. Широковой, языковое время можно классифицировать, используя понятия онтологического, хронометрического, субъективного (эмотивного) и метаязыкового субкодов. Онтологический субкод показывает объективное течение времени, передаёт движение сюжета без субъективной оценки. Хронометрический субкод выявляет точные параметры времени. Эмотивный субкод передаёт личное восприятие времени героем или автором.

Метаязыковой субкод представляет философское восприятие времени, связывает сюжет с общечеловеческими категориями. Именно темпоральный код репрезентирует художественное время [8, с. 70–103].

Изучение языковой личности И. А. Бунина в этой статье основывается на рассмотрении семантических и структурных особенностей бессоюзных и многокомпонентных сложных предложений с временными отношениями и выявлении их роли в рассказах писателя. Данный анализ позволит реконструировать многогранный образ писателя, выявить систему ценностей, социальные установки, личный жизненный опыт.

Понятие пространственно-временного континуума

Филологи, исследуя репрезентацию категорий пространства и времени в художественном тексте, прибегают к использованию терминов *хронотоп* либо *пространственно-временной континуум*.

По словам М. М. Бахтина, хронотоп представляет собой «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [9, с. 121]. Он выступает в качестве одной из «ключевых формально-содержательных категорий», которые определяют жанр и жанровые разновидности произведений. Время является ведущим элементом в хронотопе, ведь именно оно задаёт последовательность и динамику повествования. Кроме того, хронотоп как формально-содержательная категория проявляется и в характеристике героя, поэтому его действия, переживания и внутренний мир обусловлены конкретными пространственно-временными условиями, в которых он находится. Таким образом, хронотоп является сюжетообразующим центром, который формирует определённый тип повествования и используется в литературоведении [9].

При рассмотрении бессоюзных сложных предложений с временными отно-

шениями как языкового средства репрезентации в рассказах языковой личности И. А. Бунина следует использовать термин *пространственно-временной континуум*: он раскрывает сложную структуру художественного мира И. А. Бунина, где временные отношения не просто отражают хронологию повествования, а передают семантические и субъективные аспекты восприятия времени и пространства на всех языковых уровнях текста – лексическом, грамматическом и стилистическом. Пространственно-временной континуум следует рассматривать «как категорию внутреннюю, семантическую, размытую в тексте, создаваемую всеми уровнями языка». И. Р. Гальперин определяет континуум как «нерасчленимый поток движения во времени и в пространстве» [10, с. 87], что отражает единство и непрерывность разворачивающихся процессов.

Из этого следует, что термин *пространственно-временной континуум* помогает методологически направить анализ художественного текста на выявление языковых механизмов, которые обеспечивают целостность и динамичность художественного пространства в рассказах И. А. Бунина.

«Пространство и время, как и материя, являются физической сущностью, обладающей конкретными свойствами и структурой. Главными свойствами пространственно-временного континуума является движение, которое характеризуется направленностью в одну сторону, необратимостью и непрерывностью этого движения» [11, с. 185]. Данное положение напрямую соотносится с ключевыми свойствами пространственно-временного континуума, а именно с движением, направленностью, необратимостью и непрерывностью. Оно указывает на то, что семантические оттенки времени, выявленные в бессоюзных сложных предложениях, помогают создать художественный образ времени как единый и непрерывный процесс.

Временные оттенки, выявленные в бессоюзном сложном предложении

На основании анализа научных трудов В. А. Белошапковой¹, В. П. Казакова и Д. В. Руднева², Н. С. Поспелова³, Д. Э. Розенталя⁴ представляется обоснованным рассматривать бессоюзное сложное предложение как самостоятельный тип сложного предложения наряду со сложносочинённым и сложноподчинённым. Данный тип имеет собственную систему выражения смысловых отношений, которая реализуется посредством особой интонации при отсутствии союзной связи между предикативными единицами, порядком следования предикативных частей, лексико-грамматическими средствами.

Анализ собранного методом нацеленной выборки речевого материала показал, что в таких предложениях представлены следующие семантические оттенки времени.

Оттенок одновременности: *Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов – разгоралась вечерняя, освобождающая от дневных дел московская жизнь...*⁵, который находит реализацию в бессоюзном сложном предложении сложного состава. Все описываемые действия связаны с вечерним временем суток; они происходят одновременно, передают единый городской ритм. Эффект синхронного развёртывания событий создаётся синтаксическим параллелизмом конструкций и глаголами несовершенного вида в форме прошедшего времени, выражающими

длительные действия. Такие конструкции иллюстрируют свойство пространственно-временного континуума, которое, по В. И. Вернадскому, характеризуется «непрерывностью движения» и невозможностью выделить абсолютно дискретные временные отрезки внутри процесса [11, с. 180].

Оттенок следования в основном представлен в предложениях, выражающих аористивное значение прошедшего синтаксического времени [12] в бессоюзном сложном предложении однородного состава открытой структуры: *Он притянул её к себе, – она не вырывалась, только дико и удивленно откинула голову назад.*⁶ *Крепко грянул среди этого гама выстрел – всё «заварилося» и покатилося куда-то вдаль.*⁷

Однако нередко оттенок следования передают формы настоящего времени глаголов несовершенного вида: *Они поют всё страстней, всё звонче, – через минуту переполняется душа Чанга совсем иной тоской, совсем иной печалью.*⁸ Форма настоящего времени глаголов *поют, переполняется* используется И. А. Буниним для выражения неоднократно повторяющихся незаконченных прошедших событий, поэтому в предложении находит выражение синтаксическое настоящее перфективное время первой разновидности [17]. Детерминирующее обстоятельство времени *через минуту* усиливает перфективный результирующий оттенок действия.

Таким образом, здесь наблюдается направленность времени, о которой пишет В. И. Вернадский: «Время идёт в одну сторону, в какую направлены жизненный порыв и творческая эволюция, назад процесс идти не может, так как это и есть основное условие существования мира» [11, с. 235].

Оттенок повторяемости: *Обветренное лицо горит, а закроешь глаза – вся земля*

¹ Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.

² Синтаксис современного русского языка: учебник / Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 347 с.

³ Развитие синтаксиса русского языка: сборник статей / под ред. Н. С. Поспелова, Е. А. Иванчиковой. М.: Наука, 1966. 224 с.

⁴ Современный русский язык: учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина; под ред. Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002. 528 с.

⁵ Бунин И. А. Чистый понедельник // Бунин И. А. Тёмные аллеи: рассказы. М.: АСТ, 2024. С. 221.

⁶ Бунин И. А. Стёпа // Бунин И. А. Тёмные аллеи: рассказы. М.: АСТ, 2024. С. 22.

⁷ Бунин И. А. Антоновские яблоки // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 222.

⁸ Бунин И. А. Сны Чанга // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. С. 296.

так и поплывёт под ногами.¹ Сложное предложение усложнённого состава, в котором выражаются присоединительные отношения и временная семантика. Соединение в одном предложении глаголов несовершенного вида настоящего времени со значением постоянного ощущения и совершенного вида простого будущего времени с семантикой целостного действия, ограниченного в своём протекании пределом, указывает на повторяющуюся ситуацию восприятия. Темпоральный оттенок возникает за счёт условно-временной последовательности, которая связана с переходом от одного состояния к другому. Такие структуры отражают неразрывную связь пространства и времени как частей единого континуума.

Особенности бессоюзных сложных предложений в рассказах И. А. Бунина

Двукомпонентные бессоюзные сложные предложения – это предложения, состоящие из двух предикативных частей. Данные предложения, как правило, выражают один тип смысловых отношений и обладают линейной структурой.

Многокомпонентные бессоюзные сложные предложения – это предложения, которые включают три и более предикативных части, объединённые интонацией и другими синтаксическими средствами связи предикативных единиц, передающими смысловые отношения между ними. В таких предложениях возможны сгруппированная и несгруппированная структуры.² В конструкциях сгруппированной структуры части образуют структурно-семантические блоки и уровни членения, а в конструкциях несгруппированной структуры предикативные части равноправны. Основным средством связи частей является интонация. Такие предложения могут включать разнотипные смысловые связи

между частями и создавать развёрнутую картину описываемого.

*Но вдруг точно солнечный свет прорезывает этот туман: вдруг раздаётся стук палочки по пюпитру на эстраде ресторана – запекает скрипка, за ней другая, третья...*³ Бессоюзное сложное предложение сложного состава, в котором выражаются отношения следования явлений друг за другом, причём форма настоящего времени глагола используется для выражения неоднократно повторяющихся прошедших событий. В результате эксплицируется настоящее перфективное синтаксическое время первой разновидности [6], в терминологии Е. В. Падучевой – настоящее нарративное [14, с. 162–163]. И. А. Бунин использует стилистический приём, при котором события прошлого описываются глаголами, указывающими на продолжающийся процесс, обозначающими незаконченное действие, в форме настоящего времени, тем самым создавая ощущение непосредственного восприятия окружающей действительности. Повтор детерминирующего обстоятельства времени *вдруг* указывает на внезапность действия, обозначает резкую смену состояний, оформляя переход от сна к чёткому восприятию реальности.

Синкретизм в бессоюзном сложном предложении – это структурно-семантическое явление, представляющее собой совмещение дифференциальных признаков различных типов смысловых отношений между предикативными частями в одной интонационно и пунктуационно оформленной конструкции.

Так, в бессоюзном сложном предложении неоднородного состава закрытой структуры: *Ставят самовар в сенцах – бальзамический запах дыма стелется по всей усадьбе*⁴ – выражаются результативные отношения, осложнённые оттенком одновременности явлений; форма насто-

¹ Бунин И. А. Антоновские яблоки // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 222.

² Современный русский язык: учебник / под ред. П. А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2007. С. 155.

³ Бунин И. А. Сны Чанга // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. С. 296.

⁴ Бунин И. А. Первая любовь // Бунин И. А. Антоновские яблоки. Жизнь Арсеньева. М.: Азбука-Аттикус, 2024. С. 153.

ящего времени глагола передаёт настоящее перфективное синтаксическое время первой разновидности [6]. Следует обратить внимание на лексический состав конструкции. Лексемы *самовар*, *сенцы*, *усадьба* обладают высокой культурной маркированностью. В толковом словаре Д. Н. Ушакова приведены следующие словарные дефиниции: «САМОВАР, самовара, м. 1. Металлический прибор для кипячения воды с топкой внутри, наполняемой угольями. Тульский самовар, поставить самовар (начать кипятить воду в самоваре). Самовар кипит (кипит вода в самоваре). Подать самовар (поставить вскипевший самовар на стол). Самовар ушёл (см. уйти в 10 знач.). – Варька, ставь самовар, – кричит хозяйка. Чехов. 2. перен., только ед. Чаепитие. Зовут соседа к самовару, а Дуня разливает чай. Пушкин. Сидеть за самоваром (чай пить). Поскорей бы к самовару! Некрасов»¹; «СЕНЦЫ, сенцев, ед. нет. Уменьш.-ласкат. к сени. И были в нём всевозможные сенцы и горенки, и светлицы, и хороминки. Тургенев. || Небольшие сени»²; «УСАДЬБА, усадьбы, р. мн. усадьб и усадеб, усадьбам, ж. 1. Отдельное поселение, дом на селе со всеми примыкающими к нему строениями, службами и угодьями (садом, огородом и т. п.), в старину преимущ. господский, помещичий. Когда Николай Петрович размежевался с своими крестьянами, ему пришлось ответить под новую усадьбу десятины четыре совершенно ровного и голого поля. Тургенев. Крестьянская у. 2. Земля под усадьбой (см. 1 знал.), в отличие от земли под полями, лугами, лесом. Усадьба машинно-тракторной станции»³. Эти лексемы репрезентуют элементы русского быта, что формирует национально-культурный контекст.

В структуре бессоюзного сложного предложение однородного состава закрытой структуры временная семантика может совмещаться с сопоставительными

отношениями: *Я догнал её под первым фонарём на булыжной набережной, взял под руку, – она не подняла головы, не освободила руку*⁴ – сопоставительные отношения осложнены оттенком следования явлений друг за другом.

В сложном предложении усложнённого состава, в котором противительные отношения доминируют, а временная семантика их дополняет: *Мужик, насыпающий яблоки, ест их сочным треском одно за одним, но уж таково заведение – никогда мещанин не оборвёт его*⁵, глаголы несовершенного вида в форме настоящего времени создают план настоящего перфективного первой разновидности, глагол совершенного вида в синтетической форме будущего времени – настоящего перфективного второй разновидности [6]. В контексте повествования появляется эффект настоящего нарративного [14, с. 162–163]. Обстоятельство *одно за одним* характеризует монотонное и повторяющееся действие, что усиливает образ передаваемых обыденных событий. Использование частицы *уж* приближает авторскую речь к устному повествованию. Обстоятельство времени *никогда* указывает на неизменность социального порядка, границу возможного. Эти компоненты миметически создают иллюзию реальности.

Надежда на будущее эксплицируется в бессоюзном сложном предложении сложного состава, в котором выражаются отношения обусловленности и следования событий друг за другом: *Приедешь тогда, – жеребчика верхового тебе подарю, будем верхом вместе ездить*...⁶ – формой будущего времени глагола.

В бессоюзном сложном предложении неоднородного состава закрытой структуры с формальными показателями несамостоятельности частей, в котором несамостоятельность первой части выражена в её

¹ Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова: [сайт]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 08.08.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Бунин И. А. Речной трактир // Бунин И. А. Тёмные аллеи: рассказы. М.: АСТ, 2024. С. 171.

⁵ Бунин И. А. Антоновские яблоки // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 217.

⁶ Бунин И. А. Антоновские яблоки // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 217.

неполноте, представлены объяснительные отношения, осложнённые оттенком полной одновременности: *Друг мой, я видел весь земной шар – жизнь везде такова!*¹ Оттенок полной одновременности возникает за счёт того, что автор прибегает к использованию категории перфекта [14, с. 162–165] – прошлое сохраняется в настоящем: глагол несовершенного вида *видел* в форме прошедшего времени, обозначающий факт восприятия действительности, имеет ограничение объекта действия – *весь земной шар*, которое указывает на пространственно-временную замкнутость, а отсутствие обстоятельство времени – на универсальность момента. Вторая предикативная единица *жизнь такова* выполняет функцию логического вывода, который получен одновременно с процессом восприятия – видения. Таким образом, возникает оттенок полной одновременности, где восприятие мира и осознание увиденного совпадают во времени. По словам М. В. Пименовой, «бессоюзные сложные предложения неоднородного состава характеризуются невозможностью общего компонента».²

Бессоюзные сложные предложения имеют «гибкую структуру», которая может оформлять «как отдельные виды отношений, так и различные их комбинации, при этом интонация включает разные элементы, разные фрагменты, соответствующие передаваемым отношениям».³ Сложные предложения усложнённого состава – это сложные предложения, состоящие из нескольких предикативных частей, реализующие разные виды отношений. Так, многокомпонентное бессоюзное сложное предложение однородного состава открытой структуры является структурно-смысловой частью сложного

предложения усложнённой структуры с сочинительными отношениями сопоставления и соединения: *Навстречу неслю дождём, мглою, сверкали по водной равнине барашки, качалась, бежала, всплескивалась серо-зелёная зыбь, острая и бестолковая, а плоские побережья расходились, терялись в тумане – и всё больше, больше становилось воды вокруг.*⁴ Его компоненты являются аналогами простых предложений: *Несло дождём, мглою* – односоставного безличного спрягаемого-глагольной разновидности; *сверкали по водной равнине барашки* – двусоставного; *качалась бежала, всплескивалась серо-зелёная зыбь, острая и бестолковая* – двусоставного, усложнённого однородными сказуемыми и обособленным определением. Сказуемые двусоставных предложений и главный член односоставного, представленные глаголами несовершенного вида, указывают на длительность и непрерывность описываемых процессов и смены состояний. Синтаксическая инверсия однородных сказуемых, расположенных перед подлежащим *зыбь*, подчёркивает важность протекания действий, акцентируют их, а полупредикативные атрибутивные члены усиливают выразительность создаваемого образа субъекта. Бессоюзие (асиндетон) помогает ускорить восприятие читателем представленных событий, когда «стираются» временные промежутки между ними. М. В. Пименова утверждает, что «бессоюзные сложные предложения однородного состава характеризуются соотносительностью видо-временных форм сказуемых, однотипностью строения предикативных единиц, перечислительной интонацией, наличием общего компонента».⁵

Я шёл – большой месяц тоже шёл, катаясь и сквозя в черноте ветвей зеркальным кругом; широкие улицы лежали в

¹ Бунин И. А. Сны Чанга // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. С. 296.

² Варюшенкова Е. Н. Виды лингвистического анализа: учебное пособие: в 3 ч. Ч. 2 / под ред. М. В. Пименовой. Владимир: Владимирский государственный университет, 2016. С. 88.

³ Современный русский язык: учебник / под ред. П. А. Леканта. 4-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2007. С. 528.

⁴ Бунин И. А. Сны Чанга // Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Правда, 1988. С. 293.

⁵ Варюшенкова Е. Н. Виды лингвистического анализа: учебное пособие: в 3 ч. Ч. 2 / под ред. М. В. Пименовой. Владимир: Владимирский государственный университет, 2016. С. 88.

тени – только в домах направо, до которых тень не достигала, **освещены были** белые стены и траурным гляncем **переливались** чёрные стёкла; я **шёл** в тени, **ступал** по пятнистому тротуару, – он сквозисто **устлан был** чёрными шёлковыми кружевами.¹ Бессоюзное сложное предложение сложного состава, в котором выражаются отношения одновременности, с неоднородными компонентами. Это сложный синтаксический период с бессоюзной и подчинительной связью между неоднородными предикативными частями, имеющими открытую структуру. Е. Н. Ширяев утверждает, что дифференцированные и недифференцированные отношения характерны только для бессоюзных сложных предложений неоднородного состава. «Бессоюзные сложные предложения с дифференцированными отношениями, как правило, имеют только один синтаксический синоним, в котором эти же отношения выражаются посредством сочинительного или подчинительного союза» [15, с. 170]. Таким образом, можно классифицировать данное предложение как бессоюзное сложное предложение сложного состава с дифференцированными отношениями.

Заключение

В ходе анализа сложных предложений были выявлены устойчивые синтаксические модели, а именно бессоюзные сложные предложения однородного состава открытой и закрытой структуры, предложения усложнённого состава, многокомпонентные периоды. Такие структуры отражают последовательность и результативность событий, одновременность, переходность состояний. Автор использует настоящее перфективное время для выражения повторяющихся событий, что помогает создать кинематографическую динамику. Прошлое тесно переплетается с настоящим, что помогает создать двуплановость восприятия действительности. В сложных предложениях прослеживается поэтизация мгновения и текучесть времени, эстетизация повседневности. Используя сложные предложения, писатель помогает читателю оказаться внутри момента и ощутить течение жизни.

Таким образом, сложные предложения с временными отношениями в рассказах И. А. Бунина отражают вербальную точность языка, когнитивную глубину восприятия мира и времени, эстетическую направленность, национально-культурный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
2. Мещерякова А. О. Когнитивный признак в аспекте языковой личности И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 1. С. 19–23.
3. Малинская Т. В. Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* в произведениях И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 26–34. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-26-34.
4. Селеменова О. А. Экзистенциальные предложения как характерная черта синтаксиса поэтических текстов И. А. Бунина // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 256–272.
5. Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 7–14. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-7-14.
6. Шаповалова Т. Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 60–67. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-60-67.
7. Чумакова Т. В. Синтаксические средства выражения авторской модальности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. 1. С. 199–201.
8. Широкова Е. Н. Темпоральный код языка и его эмотивный субкод. Нижний Новгород:

¹ Бунин И. А. Речной трактир // Бунин И. А. Тёмные аллеи: рассказы. М.: АСТ, 2024. С. 32.

Нижегородский государственный педагогический университет, 2010. 189 с.

9. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121–291.
10. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. 5-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
11. Вернадский В. И. Труды по философии естествознания. М.: Наука, 2000. 504 с.
12. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в структуре сложноподчинённого предложения с отношениями следствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2015. № 3. С. 119–127.
13. Шаповалова Т. Е. Перфективное значение настоящего синтаксического времени // Шаповалова Т. Е. Этюды о времени. Избранные статьи: сборник научных трудов. М.: Московский государственный областной университет, 2022. С. 19–20.
14. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 2011. 480 с.
15. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. 223 с.

REFERENCES

1. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russian Language and Linguistic Personality*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
2. Meshcheryakova, A. O. (2010). Cognitive Feature in the Aspect of I. A. Bunin's Linguistic Personality. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 1, 19–23 (in Russ.).
3. Malinskaya, T. V. (2020). Temporal Syntaxemes Containing Lexeme “Evening” in I. A. Bunin's Works. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 26–34. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-26-34.
4. Selemenewa, O. A. (2020). Existential Sentences as a Characteristic Syntax of I. A. Bunin's Poetic Texts. In: *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 22 (4), 256–272 (in Russ.).
5. Gerasimenko, N. A. (2020). Syntax of I. A. Bunin's Diary Entries. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 7–14. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-7-14 (in Russ.).
6. Shapovalova, T. E. (2020). Nominal Sentences with Determining Word Forms in I. A. Bunin's Poetic Texts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 4, 60–67. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-60-67 (in Russ.).
7. Chumakova, T. V. (2014). Syntactic Means of Expressing Author's Modality in I. A. Bunin's Novel “The Life of Arsenyev.” In: *Philology. Theory & Practice*, 12 (42), pt. 1, 199–201 (in Russ.).
8. Shirokova, E. N. (2010). *Language Temporal Code and Its Emotive Subcode*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University publ. (in Russ.).
9. Bakhtin, M. M. (1986). Forms of Time and Chronotope in the Novel. In: Bakhtin M. M. *Literary Critical Articles*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura publ., pp. 121–291 (in Russ.).
10. Galperin, I. R. (2007). Text as an Object of Linguistic Research. Moscow: KomKniga publ. (in Russ.).
11. Vernadsky, V. I. (2000). *Works on the Philosophy of Natural Science*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
12. Shapovalova, T. E. (2015). Syntactic Tense Category in the Structure of a Complex Sentence with Consequential Relations. In: *Vestnik Of Kostroma State University*, 3, 119–127 (in Russ.).
13. Shapovalova, T. E. (2022). The Perfective Meaning of the Present Syntactic Tense. In: Shapovalova, T. E. (2022). *Etudes in Time. Selected Articles*. Moscow: Moscow Region State University, pp. 19–20 (in Russ.).
14. Paducheva, E. V. (2011). *Semantic Studies*. Moscow: Languages of Russian Culture publ. (in Russ.).
15. Shiryayev, E. N. (1986). *Non-Union Complex Sentence in Modern Russian*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Екатерина Дмитриевна (г. Москва) – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Государственного университета просвещения;
e-mail: eka.sokolova2017@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina D. Sokolova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Modern Russian Language named after Prof. P. A. Lekant, Federal State University of Education;
e-mail: eka.sokolova2017@yandex.ru

Научная статья

УДК 81.367

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-69-78

ПРЕПОЗИТИВНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ РЯДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЙ-ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ИЛИ УТОЧНЯЮЩИМИ ОТТЕНКАМИ ЗНАЧЕНИЯ

Соколова О. И.

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация
e-mail: sok.ol@list.ru

Поступила в редакцию 28.02.2025

Принята к публикации 11.03.2025

Аннотация

Цель. Анализ особенностей семантико-синтаксических отношений членов препозитивных синтаксических рядов определений-прилагательных, где вторые члены имеют пояснительный или уточняющий оттенок значения, а также их пунктуационного оформления.

Процедура и методы. Приведены взгляды исследователей на особенности отношений членов в подобных рядах, сопоставлены рекомендации относительно способов их пунктуационного оформления, уточнены семантико-синтаксические отношения членов рядов, на основании выявленных особенностей установлена их специфика; применены методы наблюдения, анализа, классификации, обобщения.

Результаты. Семантическая и синтаксическая зависимость вторых членов ряда от первых позволяет видеть в них разновидность определений с осложнённой семантикой, что предполагает их обособление в целях унификации пунктуационных правил.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты позволяют углубить представление об отношениях элементов в синтаксических конструкциях. Материал, наблюдения и выводы могут быть использованы при преподавании курсов синтаксиса простого предложения.

Ключевые слова: обособленные члены, однородные члены, пояснительные определения, сочинённые ряды, уточняющие определения

Для цитирования:

Соколова О. И. Препозитивные синтаксические ряды определений-прилагательных с пояснительными или уточняющими оттенками значения // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 69–78. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-69-78>.

Original research article

PREPOSING SYNTACTIC SERIES OF ATTRIBUTIVE ADJECTIVES WITH EXPLANATORY OR CLARIFYING CONNOTATION

O. Sokolova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation
e-mail: sok.ol@list.ru

Received by the editorial office 28.02.2025

Accepted for publication 11.03.2025

Abstract

Aim. To analyze the features of the semantic and syntactic relations of the members of preposing syntactic series of adjective attributes, where second terms have an explanatory or clarifying connotation, as well as their punctuation.

Methodology. The researchers' views on the relation peculiarities of members in such series are presented, recommendations on the methods of their punctuation are compared, the semantic and syntactic relations of the members of the series are clarified, their specificity is established based on the identified features; methods of observation, analysis, classification, generalization are applied.

Results. The semantic and syntactic dependence of the second element of the series on the first one makes it possible to see them as a kind of definition with complicated semantics, which implies their separation to unify punctuation rules.

Research implications. The results obtained make it possible to improve the understanding of the inter-relationships of elements in syntactic constructions. The material, observations, and conclusions can be used in training courses on the syntax of a simple sentence.

Keywords: isolated members, homogeneous members, explanatory definitions, composed series, clarifying definitions

For citation:

Sokolova, O. I. (2025). Preposing Syntactic Series of Attributive Adjectives with Explanatory or Clarifying Connotation. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 69–78. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-69-78>.

Введение

Понятие осложнённого предложения, прочно вошедшее в школьную и вузовскую практику, до сих пор является спорным. Простое перечисление структур, «осложняющих» монопредикативную единицу, нельзя признать удовлетворительным. Чаще всего в качестве основы системы осложняющих компонентов рассматривается синтагматическая связанность, и тогда возникает дихотомия: *члены* – однородные и обособленные – и *не-члены* – вводные и вставные конструкции, обращения, междометия, некоторые модальные частицы.

При этом не все конструкции легко вписываются в существующую систему. Так, не вполне конкретен синтаксический статус членов препозитивного синтаксического ряда, состоящего из последовательно расположенных определений-прилагательных, где второй член выражает пояснительный, уточняющий или чётко не дифференцируемый оттенок значения.

Рекомендации учебников и справочников по пунктуации, а также привлекаемый в них иллюстративный материал не

снимают всех вопросов, хотя и дают указания относительно постановки знаков препинания: определение с уточняющим оттенком значения следует обособить, с пояснительным оттенком – лишь отделить запятой от предшествующего определения (при этом различение оттенков значения в ряде случаев бывает затруднено) [1, с. 164–165].¹ Второй способ оформления членов сближает такой ряд с сочинённым однородным рядом.

Ряды с уточняющими и пояснительными определениями, являясь частными случаями реализации уточняющих и пояснительных членов, которые всегда обособляются, оказываются пунктуационно оформленными не единообразно. Таким

¹ См. также: Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис: учебник М.: Логос, 2003. С. 242–243; Синтаксис современного русского языка / Г. Н. Акимов, С. В. Вяткина, В. П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: СПбГУ, 2009. С. 153; Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики: морфология и синтаксис. Воронеж: Воронежский университет, 1984. С. 264; Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1994. С. 199; Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. С. 224, 226.

образом, установление статуса таких определений оказывается важным не только в теоретическом, но и в практическом аспекте.

Однородный синтаксический ряд

Далеко не каждый ряд, включающий синтаксически подобные члены, разделённые запятой, может быть назван однородным. Замечено, что не последнюю роль в установлении статуса ряда играет позиция: «постпозитивные определения однородны всегда»¹, отношения между членами ряда в препозиции квалифицируются не столь однозначно.

Понятие однородности подразумевает смысловую сопоставимость, синтаксическое равноправие членов ряда (сочинение или бессоюзие), отсутствие зависимых отношений между членами ряда, отнесённость к определяемому слову (субстантиву) непосредственно, а не через посредство ближайшего к нему определения.

Грамматика русского языка называет однородными члены, «находящиеся в одинаковых отношениях к одному и тому же определяемому слову и непосредственно с ним связанные» [2, с. 622]. В Русской грамматике однородным называется ряд словоформ, «синтаксически не подчинённых друг другу» [3, с. 165], этот же признак лежит в основе многих определений.²

Таким образом, синтаксическая однородность – это явление функционального тождества единиц, образующих ряд, в котором ни один из членов не является ни главным, ни зависимым.

Ряды с уточняющими и пояснительными определениями

Лингвисты по-разному осмысляют отношения членов синтаксического ряда. При общем указании на синтаксическое равноправие членов ряда в литературе отмечается их возможность выражать разные отношения. Анализируя определения, А. А. Шахматов выделял два их типа: либо каждый из членов «относится самостоятельно к определяемому слову» (в этом случае определения «равноценны» в синтаксическом отношении), либо «некоторые из определений относятся к следующему за ними сочетанию определений с определяемым словом» [4, с. 300], приводимые им примеры свидетельствуют о том, что таким образом он последовательно различал однородные и неоднородные определения.

В Грамматике русского языка наряду с однородными определениями [2, с. 600] представлены уже два вида неоднородных согласованных определений: 1) одно из них «непосредственно связано с определяемым словом», а другое относится «ко всему словосочетанию»; 2) второе определение поясняет первое, производится с «предупредительной» интонацией; связь между определениями является пояснительной [2, с. 623].

В Русской грамматике внутри сочинительных обозначены *собственно сочинительные* и *пояснительные* отношения. Собственно сочинительные представлены отношениями синтаксически недифференцированных членов и отношениями синтаксически дифференцированных членов, когда один из членов семантически зависит от другого, подчёркивание и выделение создаётся лексическими и синтаксическими средствами [3, с. 167]. Пояснительные представлены отношениями *собственно пояснения, включения и уточнения* [3, с. 167].

А. Ф. Прияткина различает однородные члены предложения; неоднородные, но сочинённые члены; пояснение; уточнение; включение.³

³ Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложнённого предложения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. С. 44.

¹ Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис: учебник М.: Логос, 2003. С. 219; Скобликова Е. С. Современный русский язык: синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 248 и др.

² См.: Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис: учебник М.: Логос, 2003. С. 217; Касаткин Л. Л. Краткий справочник по современному русскому языку. М.: Высшая школа, 2006. С. 334 и др.

Отличия между рядами обнаруживаются и на лексическом, и на собственном синтаксическом уровне – в интонации, порядке слов, используемых союзах.

Наличие сочинительной связи между членами обычно обнаруживается возможностью вставки сочинительного союза, прежде всего *и* [4, с. 300; 5, с. 445; 2, с. 622; 6, с. 32; 7, с. 167; 8, с. 173].¹ При этом, уподобляя союз *и* в такой конструкции частице, В. Н. Перетрухин полагал более надёжной подстановку сопоставительных союзов *не только – но и*, *как – так и* там, где нужно определить, «действительно ли *и* выступает как соединительный союз» [6, с. 33].

Обозначенным признакам однородности также отвечают ряды, соединяющие разнофункциональные члены: *Она совершенно не помнила, где и когда его видела* (В. Пелевин).² На существование таких рядов указал ещё А. М. Пешковский, отметив их «вещественную» близость («на каникулы, и к родным и в деревню», «многие и часто») [5, с. 442]. Подобные ряды описаны в литературе [3, с. 165–166; 6, с. 30 и др.].³

При характеристике ряда важно не только наличие (или возможность вставки) сочинительных союзов, но и их семантика, что отражает возникающие семантико-функциональные отношения.

По Н. С. Валгиной, «собственно сочинительным» является лишь союз *и* и его «семантико-синтаксические эквиваленты», подчёркивающие смысловую и синтаксическую отнесённость определений непосредственно к определяемому слову; все другие союзы сообщают дополнительные смысловые оттенки, подчёркивая отнесённость второго члена не только к определяемому слову, но и к первому члену ряда.⁴

Сказанное ещё более очевидно при соединении членов градационными (сопоставительными), а также пояснительными или присоединительными союзами.⁵

По мнению Н. Ю. Шведовой, градационные отношения демонстрируют «неравную значимость членов» [3, с. 171]. Е. С. Скобликова указывает, что у рядов, где члены соединены градационными союзами, «сходство отношений лишь приблизительное, а грамматическая семантика с двойными союзами имеет отчётливо выраженную специфику», «члены ряда подчеркнута сопоставляются» (выделено автором. – О. С.).⁶ Г. И. Кустова также считает, что градационный союз всегда дифференцирует отношения между членами ряда.⁷ Сказанное хорошо видно на примерах: *В области коллапса всякий раз осуществляется не только количественный, но и качественный скачок* (В. Комаров); ... *смерть ребёнка – явления хотя и горькое, но далеко не редкое* (В. Крапивин). По мнению В. В. Бабайцевой и Л. Ю. Максимова, «отношения градации делают нечёткой границу между однородными и уточняющими членами предложения».⁸

Включение в сферу сочинения отношений пояснения [см. 2, с. 608; 3, с. 167–175 и др.]⁹ и присоединения¹⁰ с соответствующими союзами [3, с. 171]¹¹ усложняет

¹ Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М.: Айрис-пресс, 2010. С. 343.

² Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 29.01.2025).

³ См. Современный русский язык: учебник / П. А. Лекант, Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин и др.; под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2007. С. 481; Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложнённого предложения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. С. 58–61.

⁴ Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис: учебник М.: Логос, 2003. С. 222.

⁵ Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 2004. С. 196; Скобликова Е. С. Современный русский язык: синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 246–247; Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. учебник: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1987. С. 144.

⁶ Скобликова Е. С. Современный русский язык: синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 246.

⁷ Синтаксис современного русского языка: учебное пособие / Г. И. Кустова, К. И. Мишина, В. А. Федосеева. М.: Академия, 2005. С. 108.

⁸ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. учебник: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1987. С. 144.

⁹ Современный русский язык: учебное пособие / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Азбуковник, 1997. С. 599.

¹⁰ Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. учебник: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1987. С. 142.

¹¹ Там же. С. 144.

создание системы способов осложнения простого предложения, поскольку создаёт перекрещивающиеся группы.

Г. И. Кустова, считая присоединительные отношения «особым типом отношений между членами ряда», полагает, что такие отношения не могут быть названы однородными, поскольку отсутствует «семантическое и структурное равноправие» элементов.¹

Ряд определений может обнаруживать семантическую неоднозначность, когда один из членов ряда зависит от другого, вследствие чего обнаруживается их различие по степени значимости. Значимость может быть не только грамматической, но также «семантической и коммуникативной», и однородные ряды оказываются противопоставленными рядам с отношениями «пояснения-уточнения».²

А. Ф. Прияткина, отмечая, что все «конструкции с параллельными членами (собственно сочинительные, пояснительные, конструкции со значением сущности – функции, собственно сравнительные, несобственно сравнительные) обнаруживают синтаксическое единство, независимо от наличия в их составе сочинительных или подчинительных союзов»³, при этом подчёркивает, что члены пояснительного и сочинительного рядов несходны: «здесь различаются если не главный и зависимый, то по крайней мере первый и второй» компоненты, основной признак пояснительной конструкции – «синтаксическое неравенство» [9, с. 15]. На это указывают и другие лингвисты.⁴

Одной из особенностей однородного ряда является позиционная незакреплённость членов относительно друг друга, возможностьмены их местами – «обратимость отношений», по А. М. Пешковскому

[5, с. 58]. Характерно, что при уточнении «обратимость отношений» невозможна, члены имеют фиксированное положение, «члены ряда не дублируют друг друга по синтаксической позиции, не являются взаимозаменяемыми» [1, с. 166; 3, с. 175]. Это связано с тем, что второй член содержательно обусловлен первым: «уточнение всегда несёт дополнительную информацию» [3, с. 175]. При пояснении возможностьмены компонентов зависит от коммуникативной задачи автора.

Важна и семантика первого определения. Так прилагательные *новый, старый, обычный*, порядковые числительные *первый, второй*, местоимения *этот, тот, иной, другой* и подобные, выражая признак самого общего свойства, требуют разъяснения: *С этими, пьяными одиночками, она иногда разговаривала...* (Л. Улицкая⁵); *И оттого эта, утренняя, мысль – неповоротливая, ленивой рыбой шевелящаяся в черепахе – кажется такой важной и нужной: надо вставать и идти на охоту* (Г. Яхина). Обращает на себя внимание различие в пунктуационном оформлении. Сложнее обстоит дело с широкой группой прилагательных, где появление второго определения факультативно, продиктовано авторским заданием, желанием автора дать дополнительное объяснение, уточнить признак.

Значение пояснения и уточнения могут подчёркивать конкретизаторы (частицы, модальные слова, наречия) [3, с. 172]: *...мудрость мира превосходит любые, даже самые выдающиеся человеческие открытия* (Л. Улицкая); *Ни с кем не испытывал я такого подробного, напряжённого и вместе с тем по-детски безоглядного наслаждения от речи, как с ней* (С. Соловьёв). При этом конкретизаторы не всегда помогают дифференцировать значение. Так, слова *именно, собственно, вернее, точнее*, сужающие значение определяемого, рассмотрены в Русской грамматике как передающие значения «пояснения, близкие к включению», в чём убеждают и приводимые примеры [3, с. 174].

¹ Кустова Г. И. Синтаксис современного русского языка: курс лекций. М.: Флинта, 2013. С. 109.

² Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложнённого предложения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. С. 53–55.

³ Там же. С. 103.

⁴ Синтаксис современного русского языка: учебное пособие / Г. И. Кустова, К. И. Мишина, В. А. Федосеева. М.: Академия, 2005. С. 130.

⁵ Автор признан иноагентом на территории Российской Федерации.

Дифференцировать отношения, возникающие между членами ряда, при отсутствии союзов и других конкретизаторов гораздо сложнее.

Смысловой принцип постановки знаков, безусловно, значим: одни и те же словоформы в зависимости от передаваемого смысла могут обнаруживать разные отношения; но во многих случаях семантико-синтаксические отношения помогают прояснить интонация. А. М. Пешковский, приводя в качестве примера отношений *определяющего к определяемому и частного к общему* (выделено автором. – О. С.): *И царственно спокойно раздавались эти голоса в ихнем, чуждом для нас, ночном мире* (Л. Толстой), называет такое произношение «объяснительным» [6, с. 419–420]. Он отмечал, что при отсутствии союзов «мы принуждены ориентироваться на вспомогательные интонационные признаки» [6, с. 472], а предупредительная интонация тождественна по значению пояснительным союзам [6, с. 470].

На важность интонационного принципа постановки знаков препинания при пунктуационном оформлении сочинённого ряда также указывали Н. С. Валгина, П. А. Лекант, А. Ф. Прияткина¹ [9, с. 15] и др.

По мысли А. Ф. Прияткиной, именно интонация выступает решающим грамматическим показателем образования ряда: однородные члены произносятся с перечислительной интонацией, а пояснительные – с «обособляющей»; происходит «интонационное выделение второго члена, показывающее его зависимое положение от первого»². Но говорящие могут пренебречь интонационным выделением какого-либо члена, и тогда при применении правил пунктуации возникают «колеба-

ния и трудности»³, что хорошо видно при анализе предложений.

М. Я. Дымарский, проводя в одной из статей «ревизию» формулировок правил пунктуации на примере знаков между подлежащим и сказуемым, высказал мысль о крайней желательности снабжать их «звучащими образцами чтения предложений-примеров» [10, с. 32]. Думается, такая практика была бы очень своевременна, она могла бы быть масштабирована и применена в справочниках относительно многих пунктограмм.

Е. С. Скобликова, перечисляя возможные однородные ряды, выделяет те, где члены дополняют друг друга – стилистически и семантически, образуется ряд – перечень, «постепенно подбираемых для наиболее полного обозначения данного признака». По её мнению, возможен ряд с «семантически близкими к сочетаниям с уточняющими обособленными определениями: *Молча протянул для пожатья левую, здоровую руку* (К. Симонов)»⁴. Уточняющие определения с закрывающей запятой, которые, «конкретизируя предшествующее определение», «по отношению к этому определению выполняют функцию дополнительной характеристики», даны при этом автором отдельно: *В новой, ей незнакомой, пустой квартире* (А. Н. Толстой) и другие примеры.⁵ Значение второго определения представлено не в чистом виде, на атрибутивное значение наслаивается добавочная смысловая нагрузка – раскрыть, интерпретировать, пояснить, уточнить содержание предыдущего члена.

Н. С. Валгина полагает, что отношения пояснения исключают функциональную однозначность, поэтому однородность в этом случае усматривать нельзя: к определяемому слову относится в таком случае только первое определение, а второе всту-

¹ Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации. М.: Высшая школа, 2004. С. 145; Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 2004. С. 197.

² Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложнённого предложения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. С. 67.

³ Там же. С. 61.

⁴ Скобликова Е. С. Современный русский язык: синтаксис простого предложения (теоретический курс): учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 251.

⁵ Там же. С. 262.

пает в пояснительные отношения с первым определением».¹

Стоит указать на ещё одну сложность. Дифференциация уточняющего или пояснительного оттенка значения как будто чётко обозначена в научной литературе: при уточнении отнесённость к одному и тому же денотату не полная, а частичная, второй член точнее определяет содержание первого: логическую основу пояснения составляет мысль о тождестве, при пояснении денотативное содержание поясняемого и поясняющего полностью совпадает [1, с. 160–162; 9, с. 17].²

Согласимся с мнением И. П. Распопова о том, что разграничение уточнения и пояснения «не имеет под собой достаточных структурных оснований», возможность вставки пояснительных союзов предопределяется «не столько характером выражаемых отношений, сколько лексической семантикой соотносимых словоформ».³ Частотны случаи, когда союзы отсутствуют, но могут быть вставлены не только при «пояснительных определениях», но и при уточняющих определениях «их употребление вполне возможно».⁴

В. В. Бабайцева подчёркивает: в лексических значениях уточняющих и пояснительных членов «нельзя не признать наличие общих сем» [1, с. 167].

Пояснительная конструкция, по мнению В. И. Чуглова, может реализовываться к трём значениям – *собственно пояснения, конкретизации и уточнения*; учёный, анализируя структуры на диктумном и модусном уровнях, приходит к выводу, что уточняющие члены являются «разновид-

ностью поясняющих, как и поясняющие со значениями собственно отождествления и отождествления путём конкретизации» [7, с. 62].

Необходимость дифференциации значений оказывается особенно важной, когда речь идёт о пунктуационном оформлении подобных рядов.

Например, в Русской грамматике адъективные обороты представлены в двух разделах – в составе полупредикативных и в составе поясняющих оборотов. При этом обороты без второй запятой рассматриваются в § 2121 общего раздела «Обособление распространяющих членов предложения»: «Обособленный поясняющий адъективный оборот синтаксически зависит от существительного, а по смыслу поясняет, уточняет предшествующее ему прилагательное» [3, с. 186]. Стоит обратить внимание на пример: *Светлые, почти белые волосы прилипли к потному лбу...* (С. Залыгин), где отсутствует закрывающая «обособленную» конструкцию запятая.

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 г. пунктуационное оформление таких рядов определений особым образом не представлено. Есть лишь указание в § 143, что два прилагательных, относящихся к одному существительному, являются однородными, если каждое из них «непосредственно относится к этому существительному», но среди примеров встречаются определения, относящиеся по смыслу и к предшествующему прилагательному: *С бодрым чувством надежды на новую, лучшую жизнь он в девятом часу ночи подъехал к своему дому* (Л. Толстой)⁵.

В справочнике Д. Э. Розенталя уточняющие определения рассмотрены в разделе «Уточняющие члены предложения» (§ 22), как и пояснительные определения – в разделе «Пояснительные члены предложения» (§ 23); первые обособляются (хотя среди примеров встречаются ряды, где опреде-

¹ Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис: учебник М.: Логос, 2003. С. 220.

² Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис: учебник М.: Логос, 2003. С. 242–244; Прияткина А. Ф. Русский язык: синтаксис осложнённого предложения: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1990. С. 64, 75; Современный русский язык: в 3 т. Т. 3: Синтаксис: учебник и практикум для вузов / под ред. С. М. Колесниковой. М.: Юрайт, 2022. С. 105.

³ Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики: морфология и синтаксис. Воронеж: Воронежский университет, 1984. С. 264.

⁴ Там же. С. 265.

⁵ Правила русской орфографии и пунктуации (утв. АН СССР, Минвузом СССР, Минпросом РСФСР 1956) [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/rules-russian-language/index.htm> (дата обращения 27.02.2025).

ления лишь разделены запятой), вторые «отделяются запятой от поясняемого слова, но после них запятая не ставится» (хотя и здесь даны примеры с двумя способами постановки знаков).¹

В «Правилах русской орфографии и пунктуации» под ред. В. В. Лопатина такие ряды представлены несколько иначе. Они рассмотрены в общем разделе «Однородные определения», где в § 41 отмечено, что, если «второе определение поясняет первое, раскрывая его содержание (возможна вставка *то есть, а именно*), они разделяются запятой»: «*Это был скучный, утомительный день* (В. Каверин)». В § 50 при указании на постановку знаков при определениях, стоящих после отрицательных, неопределённых, указательных или определительных местоимений, их предписывается *обособлять*, если они имеют уточняющий оттенок значения; в § 79 также рекомендовано *обособлять* определения, имеющие уточняющий оттенок, но приведены примеры лишь несогласованных определений и одно приложение; в § 83 находим, что определение с пояснительным оттенком необходимо отделить от предшествующего запятой.²

Аналогичны указания Н. С. Валгиной: уточняющие определения обособляются, а поясняющие «отделяются от впереди стоящего определения запятой».³

В статье, посвящённой осмыслению скрепы «в смысле», в числе прочих приведён пример, где поясняющее определение с союзом «в смысле» при интересующих нас определениях дано в скобках – как вставная конструкция: *Именно у нас, на самой большой территории, возникла жилищная (в смысле – мало места) проблема* (Г. Щербакова) [11, с. 260].

Анализ языкового материала показывает, что дифференциация оттенков значения бывает затруднена [12, с. 52]. В предложениях: *Многоголосица требовала достойного, то бишь мастерского, запечатления в музыке* (Б. Евсеев); *Я недавно видел ваш город в телепередаче какого-то молодого нашего, в смысле русского, журналиста, вполне достойное у вас место* (М. Зайчик); *Но обращаю твоё внимание, что в современных российских условиях консервативный, то есть традиционный, способ мышления не представляет такой опасности, как революционный* (Л. Улицкая) и др. – представлены пояснительные конструкции с материально выраженными маркерами – союзами «то есть», «то бишь», «в смысле», поставлены знаки обособления – парные запятые. Но так они оформляются не всегда: *А задумал Башицкий рассказать кое-что о высшей, то есть тайной полиции* (А. Давыдов) – при наличии союза поставлена только разделяющая запятая.

При «нулевом» маркёре, который В. И. Чуглов предлагает квалифицировать как «нулевое средство» [7, с. 59], вставка союза «то есть» (или его аналога) допустима и возможна: *Дверь подъезда с обратной, фасадной, стороны выходила на улицу* (В. Вещунов); *К окончанию школы, помимо основных, научных, знаний, Борис Глебович также имел гастрит, гипертонию и близорукость* (Н. Крупин); *В 1975-м, когда стройка переживала своё очередное, последнее, возрождение, все ээковские захоронения, как и остатки лагерей – бараки, вышки, промзоны, всё было пущено под нож бульдозеров* (А. Купер) – вставка союза «то есть» или его аналогов возможна, второе определение носит пояснительный характер и при этом конкретизирует, уточняет признак, названный в первом определении, поставлены знаки обособления.

При аналогичном значении, когда возможность вставки пояснительного союза сохраняется, второе определение также конкретизирует, уточняет названный ранее признак, согласно пунктуационным предписаниям справочников в ряде случа-

¹ Розенталь Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1994. С. 181–182, 186.

² Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. С. 226.

³ Валгина Н. С. Современный русский язык: синтаксис: учебник М.: Логос, 2003. С. 243.

ев поставлены лишь разделяющие запяты: *Симеонов бережно снимал замолкшую Веру Васильевну, покачивая диск, распрямлёнными, уважительными ладонями* (Т. Толстая); *Ощущался багровый, слегка удивлённый взор урагана Быка, его душное, тяжёлое дыхание* (А. Дорофеев); *Великий курфюрст, однако, ничего не приказывал, с невозмутимым, каменным выражением лица продолжал сидеть на белом коне* (В. Быков); *А вокруг было много прекрасных женщин. Взрослых женщин. Ну, понимаете, больших, взрослых женщин. Я же не мог различать их по возрастам* (Е. Гришковец).

Заключение

Анализ рядов определений с уточняющими и пояснительными оттенками

значений показывает, что их пунктуационное оформление может различаться, не всегда соответствуя рекомендациям справочников по пунктуации. При этом такие ряды не вписываются в систему обособленных членов: невозможно говорить об обособлении там, где оно отсутствует. Пунктуационная практика оформления анализируемых синтаксических конструкций опирается на недостаточно разработанную теорию в области осложнённого простого предложения.

Выявленные семантико-синтаксические особенности членов ряда указывают на необходимость унифицировать постановку знаков препинания и рассматривать подобные ряды в рамках обособленных пояснительных (уточняющих) – в широком смысле – членов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Поясняющие и уточняющие члены предложения // Бабайцева В. В. Избранное. 2005–2010: сборник научных и научно-методических статей / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Ставропольский государственный университет, 2010. С. 160–167.
2. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. 2. Ч. 1 / под ред. В. В. Виноградова, Е. С. Истриной, С. Г. Бархударова. М.: Академия наук СССР, 1952. 704 с.
3. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 710 с.
4. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Вып. 1. Учение о предложении и о словосочетаниях. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1956. 512 с.
6. Перетрухин В. Н. Некоторые вопросы теории синтаксической однородности // Учёные записки Курского педагогического института. Т. 2. Краткие очерки по русскому языку. 1970. № 3. С. 27–35.
7. Чуглов В. И. Обособленные поясняющие члены предложения // Русский язык в школе. 2013. № 4. С. 57–62.
8. Сомов А. Е. Соединительные отношения внутри однородного ряда сказуемых с членом – фразеологизмом // Современная наука, актуальные проблемы теории и практики. 2023. № 8. С. 172–175. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.8.34.
9. Прияткина А. Ф. Пояснение как синтаксическая категория // Исследования по русскому языку: от конструкций к функционированию: сборник статей в 90-летию Аллы Фёдоровны Прияткиной / отв. ред. Е. А. Стародумова, А. А. Анисова, И. Н. Токарчук. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. С. 11–17.
10. Дымарский М. Я. Интонационный принцип русской пунктуации и его применение в формулировках правил // Язык и метод. Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. VII. Русская пунктуация в коммуникативном аспекте / ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Ягеллонский университет, 2021. С. 23–33.
11. Кузнецова Н. В., Почтарёва О. В. Пунктуационное оформление пояснительных конструкций с метапоказателями (на примере метапоказателя «в смысле» // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 254–265. DOI: 10.17223/18137083/71/21.
12. Соколова О. И. Применение принципов русской пунктуации при обучении грамотности в школе // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2024. № 2 (76). С. 46–55.

REFERENCES

1. Babaytseva, V. V. (2010). Explanatory and Clarifying Members of a Sentence. In: Babaytseva, V. V. *Selected Articles. 2005–2010*. Stavropol: Stavropol State University publ., pp. 160–167 (in Russ.).
2. Vinogradova, V. V., Istrina, E. S., Barkhudarov, S. G., eds. *Grammar of the Russian Language. Vol. 2. Pt. 1*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1952 (in Russ.).
3. Shvedova, N. Yu. (1980), ed. *Russian Grammar. Vol. 2. Pt. 1. Syntax*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
4. Shakhmatov, A. A. (2001). *Syntax of the Russian Language. Pt. 1. The Theory of Sentences and Phrases*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
5. Peshkovsky, A. M. (1956). *Scientific Interpretation of Russian Syntax*. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR publ. (in Russ.).
6. Peretrukhin, V. N. (1970). Some Issues in the Theory of Syntactic Homogeneity. In: *Scientific Notes of the Kursk Pedagogical Institute. Vol. 2. Brief Essays on the Russian Language*, 1970, 3, 27–35 (in Russ.).
7. Chuglov, V. I. (2013). Isolated Explanatory Members of a Sentence. In: *Russian Language at School*, 2013, 4, 57–62.
8. Somov, A. E. (2023). Conjunctive Relations within Homogeneous Predicative Series with a Phraseological Unit Member. In: *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*, 2023, 8, 172–175. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.8.34 (in Russ.).
9. Priyatkina, A. F. (2016). Explanation as a Syntactic Category. In: *Research in the Russian Language: From Constructions to Functioning*. Vladivostok: Far Eastern Federal University publ., 11–17 (in Russ.).
10. Dymarsky, M. Ya. (2021). The Intonation Principle of Russian Punctuation and Its Application in the Formulation of Rules. In: *Language and Method. Linguistic Studies of the Russian Language in 21st century. VII. Russian Punctuation in the Communicative Aspect*. Krakow: Jagiellonian University publ., pp. 23–33 (in Russ.).
11. Kuznetsova, N. V. & Pochtareva, O. V. (2020). Punctuation Design of Explanatory Structures with Metatextual Indicators: On the Example of Metatextual Indicator *v smysle* (in the sense). In: *Siberian Journal of Philology*, 2020, 2, 254–265. DOI: 10.17223/18137083/71/21 (in Russ.).
12. Sokolova, O. I. (2024). Application of Russian Punctuation Principles in Teaching Literacy at School. In: *Bulletin of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs. Series: Pedagogical and Psychological Sciences*, 2 (76), 46–55 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Ольга Ивановна (г. Владимир) – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
ORCID: 0000-0002-0400-3175; e-mail: sok.ol@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Sokolova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof, Department of Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs;
ORCID: 0000-0002-0400-3175; e-mail: sok.ol@list.ru

Научная статья

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-79-85

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ «ЗДРАВСТВУЙ, РУССКИЙ МИР!»

Фадеева Т. М.^{*}, Шаталова О. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

^{*}Корреспондирующий автор, e-mail: tatjanaf@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.08.2025

Принята к публикации 28.08.2025

Аннотация

Цель. Представить результаты проделанной работы по отбору материала и написанию лингвострановедческой энциклопедии для детей дошкольного и младшего школьного возраста с миграционной историей.

Процедура и методы. Использовалась комплексная методика, применяемая в лингвокультурологии и лингвострановедении, включающая два основных направления: лингвистическое, целью которого является анализ языковых единиц и выявление их национально-культурного содержания, а также методическое, при котором обучение языку непосредственно связано с изучением культурных традиций и истории страны.

Результаты. Представлена структура энциклопедии «Здравствуй, Русский мир!», предназначенная для ознакомления детей инокультурной среды дошкольного и младшего школьного возраста с ключевыми аспектами российской государственной символики, истории и культуры.

Теоретическая и/или практическая значимость. Практическая значимость определяется возможностью применения материалов энциклопедии при обучении детей-инофонов русскому языку, русской литературе, знакомству с традиционными ценностями русской культуры и формированию к ним уважительного отношения.

Ключевые слова: безэквивалентная и фоновая лексика, константы культуры, культурное пространство, лингвострановедение, прецедентные имена, энциклопедия

Для цитирования:

Фадеева Т. М., Шаталова О. В. Опыт создания энциклопедии для детей инокультурной среды «Здравствуй, русский мир!» // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 79–85. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-79-85>.

Original research article

EXPERIENCE IN CREATING THE ENCYCLOPEDIA CALLED “HELLO, RUSSIAN WORLD!” FOR CHILDREN FROM FOREIGN CULTURE

T. Fadeeva^{*}, O. Shatalova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

^{*}Corresponding author, e-mail: tatjanaf@yandex.ru

Received by the editorial office 22.08.2025

Accepted for publication 28.08.2025

Abstract

Aim. To present the results of the work done in selecting material and writing a linguistic and cultural encyclopedia for preschool and primary school children with a migration history.

Methodology. In the process of writing, a comprehensive methodology was used, which is applicable in linguoculturology and linguistic and regional studies, and includes two main areas: linguistic, which aims to analyze linguistic units and identify their national and cultural content, and methodological, where language learning is directly linked to the study of cultural traditions and the history of a country.

Results. The structure of the encyclopedia "Hello, Russian World!" is presented, which is intended to familiarize children of a foreign cultural environment of preschool and primary school age with key aspects of Russian state symbols, history, and culture.

Research implications. The practical significance of the encyclopedia is determined by the possibility of using its materials in teaching Russian to non-Russian-speaking children, Russian literature, and traditional values of Russian culture, as well as fostering a respectful attitude towards them.

Keywords: equivalent and background vocabulary, cultural constants, cultural space, linguistic and cultural studies, precedent names, and encyclopedia

For citation:

Fadeeva T. M., Shatalova, O. V. (2025). Experience in Creating the Encyclopedia Called "Hello, Russian World!" for Children from Foreign Culture. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 79–85. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-79-85>.

Введение

В условиях активного развития миграционной политики в Российской Федерации в 2010-х гг. начал формироваться социальный запрос на создание учебно-методических пособий для обучения русскому языку и культурной адаптации детей-инофонов. В этой связи в 2014 г. нами был успешно осуществлён проект по написанию энциклопедии для детей дошкольного и младшего школьного возраста под названием «Здравствуй, Русский мир!»¹, целью которой стало формирование у детей с миграционной историей компетенций, необходимых для успешного взаимодействия в межкультурной коммуникации и адаптации в современной российской культурной среде. В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», а также с учё-

том методических рекомендаций, изложенных в Письме Минпросвещения России от 31.07.2024 № 07-3637 «О методических рекомендациях» в 2025 г. нами было подготовлено второе издание энциклопедии русской культуры и традиций «Здравствуй, Русский мир!».

Второе издание данной книги в современных геополитических условиях, на наш взгляд, является важным шагом по реализации гуманитарно значимой задачи в оказании помощи в адаптации к инокультурным условиям детям младшего возраста, которые прибыли в Россию из других государств, билингвам и инофонам, усваивающим русский язык и богатое наследие народа, который является его творцом: фразеологию, пословицы, поговорки, фольклорные произведения более крупных жанров (песни, сказки с их популярными героями), меткие и выразительные слова, называющие устойчивые образы-ценности и многое другое. «Лингвострановедческие словари и страноведчески ориентированные исследования описывают понятия и факты общественной, экономической, культурной жизни страны, культурные реалии, свя-

¹ Фадеева Т. М., Шаталова О. В. Здравствуй, Русский мир!: энциклопедия русской культуры и традиций для детей. М.: Диона, 2014. 156 с.

занные с её историей, бытом, традициями, литературой, искусством, образованием и т. п. Лексические и фразеологические единицы, имеющие реальный прототип в пространстве или во времени, несут фоновые знания, с помощью которых единицы языка соотносятся с фактами культуры» [1, с. 69].

В основу работы над энциклопедией «Здравствуй, Русский мир!» была положена идея познакомить ребёнка с миграционной историей с ключевыми аспектами российской государственной символики, истории и культуры, посредством вовлечения в адаптированные тексты, в которых через фоновые знания раскрывается место в русской национальной картине мира той или иной значимой реалии.

Структура и принципы отбора лингвострановедческого материала для энциклопедии «Здравствуй, Русский мир!»

Изучение языка не может происходить в изоляции от погружения в культуру его народа. Как никогда ранее, сейчас актуально звучит мысль, высказанная известным отечественным учёным, академиком, филологом, Д. С. Лихачёвым: «... культура – это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определённое пространство, из просто населения – народом, нацией. В понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства» [2, с. 3]; «самая характерная черта русской культуры, проходящая через всю её тысячелетнюю историю, ... – её вселенскость, универсализм» [3, с. 392].

Россия – это страна с уникальной природой, историей, богатой и многообразной культурой. Подготовленная энциклопедия предоставляет возможность знакомиться с ключевыми фактами русской истории, значимыми традициями, языком и обычаями русского народа, систематизируя понятные и доступные сведения. Мы надеемся, что энциклопедия будет способствовать

успешной интеграции детей-инофонов в русскую культуру. Формат издания будет интересен не только ребёнку: творческий подход в работе с энциклопедией позволит соединить школьника, учителя и родителей.

Логика композиции издания подчинена основным задачам – объяснить важность соблюдения государственных и нравственных законов, познакомить ребёнка с традиционными ценностями русской культуры и сформировать к ним уважительное отношение.

Модель построения статей с некоторыми коррекциями, обусловленными спецификой номинированной реалии, включает имя реалии, описание её характерных материально выраженных свойств, место в аксиологической системе координат, включение в речевую и культурную реализацию русской картины мира.

Рассмотрим структуру подробнее.

Второе издание переформатировало четыре главы первого издания книги, вследствие чего в отдельную главу была выведена информация о государственных символах России, а также добавлен материал о героях русских литературных сказок. Претерпело изменение и Приложение, в которое были включены тексты детских песен и список рекомендованных мультипликационных и детских художественных фильмов.

Особенно актуальной в настоящее время, на наш взгляд, является первая глава энциклопедии, которая осуществляет введение адресата нашего издания в мир государственных символов и патриотических ценностей россиян (ср.: [4]). Здесь предполагается знакомство с флагом, гербом и гимном Российской Федерации. Отбор единиц для включения в энциклопедию осуществлялся на основе федерального конституционного закона. Иллюстрация и подробное описание внешнего вида, знакомство с объяснением семиотических смыслов государственных символов позволяют представителю инокультурного пространства осознать их незыблемую ценность для граждан Российской Федерации.

Корректно, но в то же время чётко озвучены юридические последствия недостойного отношения к государственным символам. Как показывают новостные ленты, актуальным остаётся и воспитание уважения к знакам воинской славы: Знамени Победы, Георгиевской ленты, Вечному огню. Тексты статей доступно раскрывают фоновую информацию, транслирующую аксиологическую составляющую рассмотренных знаков русской культуры, а также знакомят с нормами поведения, принятыми в российском обществе, при взаимодействии с государственными символами и патриотическими ценностями.

Вторая глава знакомит читателя с вехами героической истории русского народа и государственным деятелями различных эпох. В условиях переписывания учебников истории на многих территориях постсоветского пространства у детей-инофонов, как свидетельствуют срезы, проведённые в образовательных учреждениях, знания о русской истории незначительны и/или искажены (см., например: [5]). Формирование уважительного отношения к стране, на территории которого проживают дети с миграционной историей, невозможно без глубокого и системного изучения её истории, а также тех деятелей, которые внесли огромный вклад в её развитие. Безусловно, весь массив отечественной истории и имена всех выдающихся деятелей русской культуры невозможно было включить в формат энциклопедии для детей младшего возраста, поэтому за основу были взяты те, что получили широкое отражение в культурном наследии.

Прецедентный характер имён и их реализация в художественных текстах, знакомство с которыми предстоит детям в рамках школьной программы, во многом определил перечень событий и исторических деятелей. Нами учитывался и тот факт, что имена собственные (*Пётр I*, *Кутузов* и другие) как языковые единицы наделяются сильным национально-культурным компонентом семантики, а потому их нельзя оставлять «за скобками» рассматриваемых исторических событий.

Краткие тексты справочного характера сопровождаются иллюстрациями, в качестве которых выступают произведения искусства выдающихся представителей отечественной живописи, скульптуры, архитектуры. Таким образом, в рамках энциклопедической статьи происходит не только реализация методического принципа наглядности, но и расширение знакомства с русской художественной культурой. В некоторые пояснительные тексты включены отрывки из знаковых для рассматриваемой темы стихотворений русских поэтов. Подобранный визуализированный культурный код позволяет расширить и сформировать более системные знания представителя инокультурной среды о достопримечательностях Российской Федерации и их исторической ценности.

В третьей главе представлена информация о праздниках. В данную главу включены как государственные, так и религиозные, народные праздники, имеющие многовековую историю и свои символические традиции. В этой главе значительное число безэквивалентной и частично эквивалентной лексики, вынесенной в заголовки статей или зафиксированные в описаниях, например: *Масленица*, *Радунница* и другие. Описание обрядовых традиций позволяет увидеть сходство и различия в праздновании значимых для этноса событий духовной и социальной жизни, а также знакомит с номинациями реалий: *колядование*, *подблюдные песни*, *Снегурочка* и др. Понимание сути праздника позволяет представителю инокультурной среды приобщиться не только к культуре изучаемого языка, но и к мировой цивилизации, проникнуться общечеловеческими ценностями. В процессе знакомства с данными материалами происходит аккультурация, когда инофон усваивает основные факты, нормы и ценности присваиваемой культуры.

Многие праздники связаны с приметами и закреплены в русском паремическом фонде, в качестве текстовой реализации языковых единиц нами были использованы пословицы и поговорки, а в некоторых случаях приведены и приметы, связанные

с народной традицией. Например, почему во многих семьях на Масленицу пекут блины, легко объясняет примета: *Сколько блинов напечёшь, столько солнечных дней привлечёшь*.

Почувствовать русскую культуру и понять русский характер невозможно без знакомства с неповторимыми картинами природы. И лингвострановедческий, и лингвокультурологический подходы учитывают географический фактор. Именно поэтому четвёртая глава представлена образцовыми литературными текстами о красоте России. Стихотворения и отрывки из прозы известных русских поэтов и писателей (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, С. А. Есенин, М. М. Пришвин и мн. др.) не только позволяют познакомиться с красочными пейзажными описаниями, но и обогатят лексический запас юного читателя, через знакомство с такими разными ликами природы помогут понять неразрывную многовековую связь с ней чуткой души русского человека. Обилие и разнообразие тропических средств в произведениях русских классиков послужат образцом для развития речи и собственного использования выразительных оборотов. Значительная часть текстов подобрана с ориентацией на Федеральную образовательную программу начального общего образования.

В пятой главе собраны имена героев народных сказок. В раздел были включены языковые единицы, которые транслируют страноведческие фоновые знания, без овладения которыми успешное вовлечение в культурное пространство представителями других культур и традиций затруднено. Безэквивалентные единицы, неразрывно связанные с мифологическими представлениями и реализованные в фольклорных текстах, маркируют и наполняют коннотативными значениями любое культурное пространство, где оказываются реализованы. Многие фольклорные персонажи выходят за рамки фольклора и становятся образами различных произведений русской культуры, поэтому знакомство с ними –

это важный этап на пути в многогранный красочный мир русской литературы, живописи, музыки. В данной части энциклопедии предлагается краткая характеристика персонажа и указание, в каких сказках он встречается, например: «Снегурочка – добрая, отзывчивая, красивая сказочная героиня из снега. Появляется в семье, где долгое время не было детей. Любое тепло для неё становится губительным. Сказки: “Снегурочка”, “Снегурушка и лиса”».¹ Отбор прецедентных имён осуществлялся с учётом значимости их национально-культурного компонента в аксиологической системе русской картины мира. Статьи фиксируют положительную или отрицательную характеристику персонажа в народном сознании. Внимание к коннотативным значениям, раскрывающимся через знакомство с фоновыми культурными знаниями, позволяет инофону понять реализацию данных прецедентных имён в живой речи.

Предложенная в конце главы ссылка по QR-коду позволят читателю самостоятельно познакомиться со сказочными текстами.

Ознакомительный процесс с прецедентными именами продолжается и в шестой главе, где представлен лингвострановедческий материал о сказочных героях, но уже литературных. В связи с тем, что их истории часто получали воплощение в мультипликации или отечественном кинематографе, а также в связи с тем, что эти произведения составляют «золотой фильмофонд» для детей и подростков, мы посчитали необходимым сделать на них ссылки в виде QR-кодов. Видеоряд вместе с аудиосопровождением позволят детям-инофонам быстрее запомнить персонажей, их роль и социальную оценку в сказочном тексте, а значит, и включить новые языковые единицы с национально-культурным компонентом в собственную картину мира.

В разделе «Приложения» мы внесли тематическую подборку пословиц и пого-

¹ Фадеева Т. М., Шаталова О. В. Здравствуй, Русский мир!: энциклопедия русской культуры и традиций для детей. М.: Диона, 2014. С. 18.

ворок. Для языковой практики, считаем, небезынской будет подборка детских песен, сопровождаемая также ссылками на музыкальные или мультипликационные произведения.

Заключение

Расширение культурологического кругозора и нравственно-патриотическое воспитание детей с миграционной историей происходит при работе с различными национально-культурными единицами, которые, активно включаясь в образовательный процесс, постепенно способствуют языковой адаптации личности и формированию её гражданской ответственности. «Наиболее предпочтительной стратегией адаптации является интеграция этнических меньшинств в российское общество, которая заключается в сохранении своей культуры при параллельном принятии инокультурных атрибутов (российских культурных традиций). Интеграция предполагает межкультурный диалог между мигрантами и этническим большинством. Мигранты со своей стороны усваивают базовые ценности, модели и нормы поведе-

ния, перенимают социокультурные образцы и принимают общественные условия жизни нашей страны, а этническое большинство адаптирует свои социальные институты к запросам всех групп общества» [6, с. 89]. Написанная и опубликованная нами в 2014 г. энциклопедия для детей младшего возраста не только не потеряла своей востребованности, но и приобрела особую актуальность в современных реалиях, вследствие чего и выходит в свет её второе издание.

Осознанию учащимися-инофонами культурных кодов русского общества, в котором они живут, и формированию уважительного отношения к русскому культурному пространству должны способствовать учебные тексты на русском языке, составленные с учётом определённых лексических, грамматических, стилистических средств и транслирующие духовные ценности, сформированные богатейшей многовековой русской культурой. Надеемся, что наша энциклопедия поможет в культурной и коммуникационной адаптации детям, знакомящимся с русским языком и культурой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка. 6-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. 288 с.
2. Лихачёв Д. С. Культура как целостная среда // Новый мир. 1994. № 8. С. 3–8.
3. Лихачёв Д. С. Русская культура в современном мире // Лихачёв Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. С. 387–401.
4. Бобылев В. Ю. Жизнеутверждающее историческое прошлое – фундамент суверенитета и национальной безопасности России // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2025. № 1. С. 86–94.
5. Чураков Д. О. Учебник истории и «Войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. Т. 1. № 3. 21–27.
6. Боброва С. В., Князев В. Н. Проблемы образовательной и социокультурной интеграции детей из семей мигрантов // Наука и школа. 2019. № 2. С. 89–95.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2020). *Lingvoculturology: Value-semantic Space of Language*. Moscow: FLINTA publ. (in Russ.).
2. Likhachev, D. S. (1994). Culture as a Holistic Environment. In: *New World*, 8, 3–8 (in Russ.).
3. Likhachev, D. S. (2000). Russian Culture in the Modern World. In: Likhachev, D. S. *Russian Culture*. Moscow: Iskustvo publ., pp. 387–401 (in Russ.).
4. Bobylev, V. Yu. (2025). Life-Asserting Historical Past: Foundation of Russian Sovereignty and National Security. In: *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*, 1, 86–94 (in Russ.).
5. Churakov, D. O. (2013). History Textbook and the “Memorial Wars” in the Post-Soviet Space. In:

- Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 1 (3), 21–27 (in Russ.).
6. Bobrova, S. V. & Knyazev, V. N. (2019). Problems of Educational and Sociocultural Integration of Children from Migrant Families. In: *Science and School*, 2, 89–95 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: tatjanaf@yandex.ru

Шаталова Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana M. Fadeeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education;
e-mail: tatjanaf@yandex.ru

Olga V. Shatalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prof., Department of Slavic Studies, General Linguistics and Culture of Communication, Federal State University of Education;
e-mail: olshatalova@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-86-93

ЖАНР БАЛЛАДЫ КАК ПОЛЕ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТА У И. В. ГЁТЕ

Козин А. А.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: kozzin@mail.ru

Поступила в редакцию 16.04.2025

После доработки 30.06.2025

Принята к публикации 03.07.2025

Аннотация

Цель. В статье исследуется поэтика баллад «Рыбак» и «Лесной царь», выявляется, почему, сохраняя видимую внешнюю жанровую основу, они заметно отличаются от подобного рода произведений других поэтов.

Процедура и методы. При анализе учитываются принципы описательного, культурно-исторического, историко-типологического, сравнительно-сопоставительного методов.

Результаты. Приведены аргументы относительно того, что лирический элемент баллады Гёте особого свойства, он подвигает читателя на индуктивно-дедуктивное восприятие стихотворения, в котором энергия сюжета то центростремительна (баллада), то центробежна (притча); конкретика сменяется обобщённостью. Таким образом, баллада Гёте получает черты других жанров, не всегда с нею смежных.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в раскрытии особенностей лирического элемента Гётевской баллады и попытке прояснить техническую сторону этого явления. Полученные результаты могут быть использованы как в научных целях, так и в области преподавания.

Ключевые слова: баллада, лирический элемент, образ, строфа, сюжет, эпитет

Для цитирования:

Козин А. А. Жанр баллады как поле для эксперимента у И. В. Гёте // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 86–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-86-93>.

Original research article

BALLAD GENRE AS J. W. GOETHE'S EXPERIMENTAL FIELD

A. Kozin

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: kozzin@mail.ru

Received by the editorial office 16.04.2025

Revised by the author 30.06.2025

Accepted for publication 03.07.2025

© CC BY Козин А. А., 2025.

Abstract

Aim. To explore the poetics of the ballads “The Fisherman” and “Erlkönig” and reveal why they differ markedly from similar works by other poets while maintaining a visible external genre basis.

Methodology. The analysis considers the principles of descriptive, cultural-historical, historical-typological, comparative methods.

Results. Arguments are given regarding the fact that the lyrical element of Goethe’s ballad has a special property, it motivates the reader to an inductive-deductive perception of the poem, in which the energy of the plot is either centripetal (ballad) or centrifugal (parable); specificity is replaced by generalization. Thus, Goethe’s ballads take on the features of other genres, which are not always related to it.

Research implications lie in revealing the features of the lyrical element of the Goethe’s ballad and clarification of the technical side of this phenomenon. The results obtained can be used both for scientific purposes and in the field of teaching.

Keywords: ballad, hero, lyrical element, image, stanza, plot, epithet.

For citation:

Kozin, A. A. (2025). Ballad Genre as J. W. Goethe’s Experimental Field. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 86–93. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-86-93>.

Введение

В прошлом, 2024 году, значительная часть мирового учёного сообщества отмечала юбилей Гёте. И хотя “Goethezeit” отстоит от нашего времени более чем на двести лет, наследие немецкого классика продолжает приоткрывать новые грани этой поистине титанической натуры. Физики, химики, нейрохирурги, патологоанатомы, политики, юристы, геологи, метеорологи, антропологи, врачи, ботаники, зоологи, литературоведы, специалисты прочих областей знания отыскивают в художественном и естественно-научном наследии Гёте идеи новые даже для нашей современности! Литературное творчество Гёте – особая страница его биографии, т. к. в основном он известен как литератор. Баллады Гёте исследовались практически сразу после выхода в свет, но и по сей день они являются достойным предметом изучения и дискуссий.

Если собрать все научные труды, посвящённые гётевским балладам, получится внушительный список, который займёт десятки страниц. Авторы проводили изыскания в области особенностей героев баллад Гёте (Р. Хиршенauer, У. И. Ареше), связи с фольклором (Х. Бергман), композиции (Е. Хок), идейной направленности (М. Коммерель). О

переводах и интерпретациях баллад Гёте писали С. И. Соболевский, А. З. Раскин, Е. И. Волгина, А. А. Гутнин и др.

Лирические свойства баллады как одной из форм выражения натурфилософских концепций И. В. Гёте

Немецкая литературная баллада имела непростой путь формирования. Истоки авторской формы этого жанра – фольклор, причём не только немецкий. На определённом этапе значительную роль сыграли сборники Дж. Макферсона, Т. Перси, Э. Мале. «Тематические и эмоциональные особенности англо-шотландской баллады послужили причиной её широкого проникновения в литературу почти всех европейских народов со второй половины XVIII века, когда выходят “Песни Оссиана” (*The Poems of Ossian*) Дж. Макферсона (1760–1765) и “Памятники старинной английской поэзии...” (*Reliques of Ancient English Poetry, edited by Thomas Percy, was the first of the great ballad collections, though he may have written some of it himself based on ballad fragments*) епископа Т. Перси (1765–1794). В своё время на них обратил пристальное внимание И. Г. Гердер, после чего решил издать подобное собрание немецкого фольклора. Эта идея была воплощена в сборнике «Голоса народов в песнях»

(*Stimmen der Völker in Liedern*) (1778–1779)» [1, с. 7–8]. Не менее важную роль в формировании немецкой литературной баллады сыграл бенкельзанг и его литературные варианты, в частности, «романсы» Л. Глейма. Нельзя упускать из внимания опыты с сюжетным стихотворением Л. Г. К. Хельги, М. Г. Лихтвера, Г. В. Герстенберга. Их «балладоиды» (термин В. Н. Топорова) сыграли значительную роль в формировании жанра. Оригинальный вариант баллады представил И. Лёвен [2]. Завершающей стадией в этом отношении явился И. Г. Бюргер, создавший в 1773 г. «Ленору» (*Lenore*), которая была признана образцом литературной баллады: «Обширная переписка Бюргера, связанная с этой балладой, свидетельствует о том, что поэт ставил перед собой вполне определённую цель – создать достойный образец жанра немецкой литературной баллады. Последующий резонанс этой баллады во всей Европе, многочисленные переводы её и подражания ей доказывают, что Бюргеру удалось сотворить поэтический шедевр, своеобразный канон литературной баллады»¹. Наконец, И. В. Гёте экспериментировал с балладой на протяжении всего своего творчества, и ему удалось создать особый, оригинальный вариант жанра, о чём и пойдёт далее речь.

Уже на раннем этапе, в 1770-е гг., Гёте начал свои эксперименты в области баллады. За основу был взят «живой» фольклор. «Известно, что Гердер знакомился с немецкими народными песнями по книгам и старинным рукописям, тогда как Гёте, напротив, записывал их (преимущественно баллады) со слуха, воспроизводя и мелодии, на которые они пелись; тем самым Гёте предвосхитил новейшие методы фольклористов XIX и XX вв. Ряд его записей Гердер включил в свой сборник “Голоса народов в песнях”, среди них также и оригинальные стихотворения Гёте, написанные в подражание народным песням (“Фульский король” (*Der König von Thule*),

“Дикая розочка” (*Heidenröslein*) и др.), приняв их за подлинные».²

В этих ранних балладах («Цыганская песнь» (*Zigunerlied*), «Фиалка» (*Veilchen*), «Фульский король» и др.) можно увидеть обращение к распространённому в фольклоре мотиву срывания цветка («Дикая розочка»), а также инверсионную интерпретацию этого мотива («Фиалка»), вариант сюжета о суициде из-за несчастной любви («Спасение» (*Rettung*)). В этот период имеет место опыт работы с композицией («Перед судом» (*Vor Gericht*), лексикой («В конце некоторых слов присутствует знак ’ (*Kreis*, *Wort*)»). Такой лексический приём характерен для немецкого фольклора» [3, с. 525]). Эта фольклорная сторона баллад Гёте не всегда будет выдержана даже маститыми переводчиками: «В. А. Жуковский, несмотря на то, что достаточно верно передаёт содержание гётевской баллады (речь идёт о «Лесном царе». – А. К.), практически полностью отказывается от фольклорной стилистики оригинала и традиционно организует свой текст по принципам литературной баллады, к тому времени уже разработанным в его творчестве» [4, с. 30].

Гёте пока ещё осторожно экспериментирует. Создаётся впечатление, что он пробовал почву для дальнейшего построения чего-то более масштабного. В Первое Веймарское десятилетие (1775–1786) создаются «Рыбак» (*Der Fischer*, 1778), «Лесной царь» (*Erlkönig*, 1782), «Певец» (*Der Sänger*, 1783), последний из которых находится как бы в тени двух предыдущих стихотворений, содержащих больше типичных для баллады жанровых элементов. В «Певце» отсутствует один из главных для баллады признаков – элемент ужасного, фантастического (одна из особенностей жанра баллады – сочетание реального и фантастического) [5, с. 74]. Но дело не только в этом. «Рыбак» и «Лесной царь» заключают в себе глубокие философские (натурфилософские) идеи. В этих стихотворениях автор концентрирует своё и читательское

¹ Гугнин А. А. Комментарии // Эолова арфа: антология баллады. М.: Высшая школа, 1989. С. 631.

² Вильмонт Н. Комментарии // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1978. С. 692.

внимание не на фабуле, как это сделано у некоторых вышеперечисленных поэтов, которые тоже активно экспериментировали в этой области, а на идее как таковой. Так это сделано у И. Лёвена в «Юнкере Гансе из Швабии» (1760-е гг.), где основной является национальная идея, а не трагическая героика, как в фольклоре. Здесь идейное движение центробежно, а не центростремительно, как у того же Бюргера. В «Леноре» автор эмоциональную энергию направляет к сюжету, к действию. Даже уместное упоминание о сути Семилетней войны деликатно нивелируется концентрацией внимания на образе героини, выискивающей в колоннах солдат любимого Вильгельма. Гёте, подобно Лёвену, избирает центробежное движение от сюжета в область идейного простора.

«Рыбак» и «Лесной царь» знаменуют появление оригинальной Гётевской баллады. Об этих стихотворениях написано немало научных работ, в которых авторы предлагали глубокий, многосторонний анализ. И всё же есть, что ещё сказать об этих балладах. Для сравнения возьмём «Форель» (*Die Forelle*) Х. Ф. Д. Шубарта, возможно созданную по мотивам Гётевского «Рыбака». «Форель» написана в 1782 г. Шубарт мог ознакомиться с балладой Гёте или из собственно гётевских публикаций, или прочитать её в сборнике И. Г. Гердера «Голоса народа в песнях», где она также представлена [6, с. 88].

В балладе Шубарта мы видим схожую с «Рыбаком» ситуацию, хотя повествование ведётся от имени нарратора, а не лирического героя:

*В светлом ручейке в радостной спешке пролетела, как стрела, капризная форель. Я стоял у пристани и в сладком умиротворении наблюдал за бодрым купанием рыб в ясном ручейке. Рыбак с удилищем в прекрасном настроении стоял на берегу и безразлично (с холодной кровью – Und sah's mit kaltem Blute) смотрел, как ходят рыбки. В светлой воде, думал я, он не поймает форели на свою удочку. Наконец **вору** (выделено нами. – А. К.) надоело ждать, и он замутил ручейк; едва я об этом по-*

думал, как дёрнулось его удилище, рыбёшка забила, и я с обливающимся кровью сердцем наблюдал его обман (Und ich, mit regem Blute, sah die Betrogne an). Вы ещё у истоков безопасной юности. Подумайте о форели! Увидите опасность, так спешите прочь! В большинстве случаев вам мешает недостаток сообразительности; Девочки, смотрите: совратитель с удочкой. Иначе поздно (будет горевать), когда закровете (Sonst blutet ihr zu spät) (перевод и курсив наши. – А. К.).

Для сравнения приводим подстрочный перевод баллады И. В. Гёте «Рыбак»:

Вода шумела, вода прибывала, у волн сидел рыбак, смотрел равнодушно, с холодным сердцем (Kühl bis ans Herz hinan) на удочку. И так он сидит, и так он прислушивается (lauscht), поток раскрывается; из подвижной воды поднимается некая женская сущность, водяной дух. Она пела ему, она говорила ему: что ты человеческими хитростями и уловками заманиваешь мой выводок навверх, в смертельное пекло? Ах, знал бы ты, как рыбке привольно на дне; ты сойдёшь вниз таким, как ты есть, и станешь первозданно здоров! Разве милое солнце, луна не тешатся в море? Подвижно волнодышащее (wellenatmend) твоё лицо не вдвойне красивее? Тебя не манит синее небо, влажная сырая (feuchtverklärte) синева? Вода шумела, вода прибывала, обняла его босую ногу. Его сердце переполнилось томительным чувством, как при приветствии любящих. Она говорила с ним, она пела ему; и тут с ним произошло следующее: отчасти она его тянула, отчасти он сам ступил с берега, и не стал больше виден (перевод наш. – А. К.).

На первый взгляд, «Форель» Шубарта и «Рыбак» Гёте имеют мало общего. «Форель» сделана в стиле «романсов» Л. Глейма, восходящих к бенкельзангу. Но в бенкельзангах трагедия происходит с человеком, а Шубарт в рокайльном ключе представляет гибель форели как прозрачную аллегорию любовного соблазнения опытными «рыбаками» доверчивых девушек. Шубарт, подобно своим современникам, И. В. Л. Глейму и Л. Х. Г. Хельти, в

финале баллады представляет мораль, скорее, не драматического, а рокайльно-шутливого характера:

Meist fehlt ihr nur aus Mangel
Der Klugheit; Mädchen, seht
Verführer mit der Angel –
Sonst blutet ihr zu spat.¹

(В большинстве таких случаев недостаёт сообразительности; девочки, смотрите: совратитель с удочкой – иначе поздно (будет горевать), когда закроете) (перевод наш – А. К.).

У Глейма:

Beim Hörer dieser Mordgeschichte
Sieht jeder Mann
Mit liebeich freundlichem Gesichte
Sein Weibchen an,
Und denkt: Wenn ich es einst so fände,
So dacht ich dis:
Sie geben sich ja nur die Hände,
Das ist gewiß!²

(Каждый мужчина, услышавши эту «криминальную историю», смотрит на любящее дружеское личико своей жёнушки и думает: если я когда-либо так оставлю её, то, думаю, она даст <ему> только руки. Я в этом уверен! («Грустные и печальные последствия постыдной ревности» (*Traurige und betrübne Folgen der schändlichen Eifersucht*)).

У Хельти:

Läßt euch dies Beyspiel, Mädchen, rühren
Das Warnung spricht
Und flieht, so lang euch Reize zieren
Den Jungling nicht.³

(Вот вам пример, девушки, предупреждение жалобно гласит: спасайтесь, недолго прелести красть вашу юность («Апполон и Дафна» (*Appollo und Daphne*)).

¹ Schubart Ch. F. D. Die Forelle [Электронный ресурс]. URL: <https://www.DeutschePoesie.com> (дата обращения: 12.03.2025).

² Gleim L. Traurige und betrübne Folgen der schändlichen Eifersucht. [Электронный ресурс]. URL: <https://balladen.net/gleim/traurige-und-betruebte-folgen-der-schaendlichen-eifersucht> (дата обращения: 10.03.2025).

³ Hölty L.H.Ch. Apoll und Dafne [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poemist.com/ludwig-heinrich-ch-holty/apoll-und-dafne> (дата обращения: 11.03.2025).

С «Рыбаком» Гёте стихотворение Шубарта сближает ряд, на первый взгляд, косвенных деталей (табл. 1).

На этом внешнее сходство кончается. Даже если допустить автономность поэтов при написании этих стихотворений, нельзя не отметить схожего авторского отношения к рыбной ловле как метафоре. Поэтому вполне допустима мысль о связи баллад. Но в итоге у Шубарта налицо центростремительное движение образной энергии к сюжету и, как следствие, морали. У Гёте – центробежное стремление к широкому идейному полю.

Система образов в стихотворении Шубарта представляет собой конфликт природы и человека в бытовом плане. Рыбная ловля никогда не считалась делом постыдным и жестоким, даже если смотреть на этот вопрос с позиций религиозного милосердия. Но у Шубарта рыбалка не представлена занятием идилически безобидным. Конфликт обозначен как нарушение гармонии природы и человека (рассказчик воодушевлённо любовался рыбками), выражающееся в осквернении человеком первозданной чистоты (рыбак замутил ручеёк), покушении на свободу резвящихся рыбок. Автор посредством рассказчика сужает обозначенную философскую мысль до конкретных нравственных критериев, ведёт к предупреждению, призывает к осторожности, дабы не стать жертвой любовного соблазна.

У Гёте ситуация иного рода. Человек (рыбак) представлен как дерзновенно бросающий вызов природе. Изначально ситуация не совсем обычная: рыбак удит рыбу в беспокойной воде (*Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll...*). Вряд ли Гёте не имел представления о рыбалке, о том, что удить надо в спокойной воде, ибо в противном случае рыба перестаёт «гулять». Далее: вода беспокойная, а рыбак безучастно глядит на удочку. Этой антитезой Гёте с первой строфы создаёт атмосферу абсурдности, тревоги – человек действует вопреки элементарной логике, подобно тому, как герой ведёт себя в ситуации, свойственной «классической» народной балладе: «Герои немецких

Таблица 1 / Table 1

Схожие детали произведений / Similar details of the works

| «Фореель» К. Ф. Д. Шубарта | «Рыбак» И. Гёте |
|---|---|
| Лирический герой пребывает «в сладком спокойствии» (<i>in süsser Ruh</i>); Рыбак смотрел на ручеек «с холодной кровью» (<i>Und sah's mit kaltem Blute</i>); | Рыбак смотрел на удочку спокойно, с холодным сердцем (<i>Sah nach dem Angel ruhevoll, Kühl bis ans Herz hinan</i>); |
| Шубарт называет рыбака вором (<i>Diebe</i>); Действия рыбака называет обманом (<i>Sah die Betrogne an</i>); | Гёте словами героини похожим образом оценивает действия рыбака (<i>Mit Menschenwitz und Menschenlist</i>); |
| Герой Шубарта любит свободу рыбок (<i>Des munteren Fisches Bade</i>); | Героиня также говорит о том, что в воде рыбкам привольно (<i>Ach wüßtest du, wie's Fischlein ist / So wohligh auf dem Grund</i>) |
| Наблюдается антитеза: состояние рыбака-вора – состояние рассказчика: «Рыбак смотрел на ручеек “с холодной кровью”» (<i>Und sah's mit kaltem Blute</i>) – «И я с обливающимся кровью сердцем наблюдал его обман» (<i>Und ich, mit regem Blute, sah die Betrogne an</i>). | Антитеза: состояние рыбака до и во время встречи с водным духом: сначала он представлен равнодушным, «с холодным сердцем» (<i>Kühl bis ans Herz hinan</i>), затем «его сердце переполнилось томительным чувством, как при приветствии любящих» (<i>Sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvoll, wie bei der Liebsten Gruß</i>). |

баллад – личности большей частью невыдающиеся, зачастую обобщённые, которые волею рока втянуты в круговорот событий, заставляющего их действовать спонтанно, не сообразуясь с обыденно-утилитарными требованиями.¹ И вот, вместо рыбы появляется *feuchtes Weib*, некое мифическое существо, отчасти соотносимое с русалкой, наядой или ундиной, но таковым не являющееся. Но и это не всё. Посредством героини Гёте вводит в балладу мощный лирический элемент, отличный от того, что можно увидеть в фольклоре и литературных балладных опытах других авторов, того же Шубарта. Гёте как бы ретардирует художественное время, чтобы сконцентрировать внимание читателя на ситуации, весьма далёкой от бытовой. Он использует сложные эпитеты, зачастую сконструированные им самим: *Menschenwitz, Menschenlist, Todesglut, wellenatmend, feuchtverklärte Blau*. Наконец, состояние рыбака передаётся отчасти согласно народным традициям (*Sein Herz wuchs ihm so sehnsuchtsvol...*), отчасти исключительно в авторском видении:

(...*Wie bei der Liebsten Gruß*). Гёте подводит ситуацию к любовному томлению. Но что это за томление? Это не похотливое желание, а истинное преобразование-исцеление (*und würdest erst gesund*). В результате, изначально полуидиллическая картина превращается в широкую метафору, семантически близкую обрядовой мене «жизнь – смерть». Гёте намеренно замедляет действие, создаёт широкое смысловое поле, и баллада из так любимой народом «страшилки» становится мифолого-фантастической иллюстрацией концепта Природы.

В «Лесном царе» также наблюдается особая рода герой, «*Erlenkönig mit Kron' und Schweif*», относительно статуса которого в научной среде не раз открывались дискуссии. «В обыденном сознании баллада часто воспринимается как гётевская интерпретация фольклорного источника, однако, как показывают исследования, её сюжет является поэтическим вымыслом. И даже слово “*Erlknig*” было неологизмом, появившимся в немецком языке за три года до публикации текста благодаря случайности, и поэтому не несло на себе семантического груза прошлых веков» [7, с. 219]. У В. А. Жуковского он «Он в тёмной короне, с густой бородой», у Ап. Григорьева – «в венке, с бородой», у

¹ Курсанов Г. А. О мировоззрении гениального поэта и великого мыслителя [предисловие] // Гёте И. В. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1964. С. 13–14.

В. Зотова и А. А. Фета он «в короне, с хвостом», у Ф. Миллера – «в короне и с длинным хвостом», у А. А. Бондалетова – «в ризе, в короне», у А. Н. Скворцова «Лесной царь в короне, как хвост, борода», у Н. Теллера это «Леший – в венце, с хвостом», у З. Быковой и В. П. Коломийцова Лесной царь «с короной на челе», у С. Заяицкого – «в короне и длинном плаще». «Иногда подобную рольность переводчика исследователи связывают с трудностью или даже невозможностью точной передачи образного строя Гёте» [4, с. 217]. Каждый из переводчиков прав. Schweif можно перевести и как «хвост», и как «шлейф», и как «плащ»: «Проблема адекватности перевода этого словосочетания возникает потому, что в современном немецком языке одно из значений слова “Schweif”, актуальное для XVIII века, – подол длинной юбки, шлейф, длинная мантия ... – постепенно выходит из употребления, сохранился только “хвост”. Гёте же в своих произведениях использует оба значения, причём “хвост” для него – это хвост демонический, а не львиный, как его охарактеризовала Цветаева» [7, с. 218].

В «Леном царе» основа коллизии построена на принципе «верю – не верю», текстуально выраженном как «вижу – не вижу». В результате конфликт разрешается в пользу «верю, вижу, есть, существует». В этой балладе нет авторских неологизмов, подчёркивающих исключительность ситуации, как в «Рыбаке», но все исследователи отмечают, что Гёте в ней сконцентрировал результаты своих натурфилософских раздумий: «В современных немецких работах *Erlknig* совершенно справедливо интерпретируется как образ-символ самой царствующей природы, отражение гётевских ранних (доклассических) воззрений на природу, с отсылкой к анонимному фрагменту “Природа” (“Die Natur”), инспирированному Гёте в эпоху создания баллады, записанному Г. Х. Тоблером после разговора с ним и опубликованному в тифуртском журнале в 1783 году ... Действительно, баллада будто иллюстрирует некоторые положения этого большого афоризма о

природе, в отдельных местах буквально совпадая с ним» [7, с. 218].

Заключение

По итогам наших наблюдений следует заключить, что, конечно, Гёте экспериментировал, но так в большей или меньшей степени делали все: кто относительно сюжета и образа, кто в плане композиции или других областей общей и частной поэтики. Гёте выделяется тем, что экспериментальность его баллад имеет мощную концептуальную основу – подход к исследованию природы как некоему единому образованию, где часть характеризует целое и является его неотъемлемым элементом, о чём он сам не раз упоминал.

В силу перечисленных выше признаков «Рыбак» и «Лесной царь» резко выделяются на фоне прочих баллад Гёте и других авторов. Бюргер, создав эталон жанра, использовал эту константную модель, снабжая её другим строфическим построением, сюжетом и т. д. («Дикий охотник», «Дочь пастора из Таубенгейма» и др.). Гёте такой подход свойственен не был. Практически каждая его баллада – новшество в области жанра, большое или маленькое. Это могло касаться композиции, образов героев, сюжетов, художественных средств и пр. Поэт создавал особое лирическое пространство посредством различных стилистических приёмов, тропов, деривации и тому подобное, что обеспечивало центроостремительное движение фантазии читателя от сюжета к широкому идейному полю. Гёте зачастую использовал балладу как «рамку» или иллюстрацию своих философских наблюдений. Таким образом, из «страшилок» они превращались в определённый тезис, развёрнутую метафору философской (натурфилософской) гипотезы.

Обращаясь к балладе, Гёте по возможности использовал её жанровые возможности в контексте личностного видения глобальной картины мира, микро- или макрокосма. Балладные эксперименты – лишь частный случай в контексте его наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козин А. А. «Ленора» Г. А. Бюргера: истоки и рецепция. М.: Звезда и Крест, 2016. 172 с.
2. Козин А. А. Реалистические тенденции в немецкой литературной балладе XVIII в. (И. Ф. Лёвен) // Поиски нового художественного языка в зарубежной литературе: сборник научных трудов / отв. ред. А. А. Стрельникова. Вып. 2. М.: Государственный университет просвещения, 2023. С. 4–14.
3. Чернякова О. Языковые средства художественной выразительности в балладах И. В. Гёте // Сопоставительное изучение германских и романских языков и литератур: материалы XXI Международной студенческой научной конференции, Донецк, 22–23 марта 2023 г. Донецк: Донецкий национальный университет, 2023. С. 523–526.
DOI: 10.17223/24099554/16/2.
4. Павлова М. В. Три «Лесных царя» // Имагология и компаративистика. 2021. № 16. С. 29–38.
DOI: 10.17223/24099554/16/2.
5. Леонтьева О. А. Сравнительно-сопоставительный анализ переводов баллады И. В. Гёте “Erlkönig” // Молодёжь и кооперация – 2024: тезисы докладов XLVIII Межрегиональной студенческой научной конференции, Чебоксары, 5 апреля 2024 г. Чебоксары: Российский университет кооперации, 2024. С. 72–75.
6. Козин А. А. Баллада “Röschen auf der Heide” из сборника И. Г. Гердера «Голоса народов в песнях»: фольклорный прототип баллады И. В. Гёте “Heidenröslein” или мистификация? // Идеино-художественное многообразие зарубежных литератур нового и новейшего времени: межвузовский сборник научных трудов. Ч. 4. М.: Народный учитель, 2001. С. 84–89.
7. Лагутина И. Н. Два Лесных царя? Литературные источники перевода А. Жуковского баллады “Erlkönig” // Вопросы литературы. 2020. № 4. С. 217–238.

REFERENCES

1. Kozin, A. A. (2016). *G. A. Burger' "Lenora": Origins and Reception*. Moscow: Zvezda i Krest publ. (in Russ.).
2. Kozin, A. A. (2023). Realistic Tendencies in the German Literary Ballad of the 18th Century (I. F. Löwen). In: *Search for a New Artistic Language in Foreign Literature: Collection of Scientific Papers. Iss. 2*. Moscow: Federal State University of Education publ., pp. 4–14 (in Russ.).
3. Chernyakova, O. (2023). Linguistic Means of Artistic Expression in the Ballads of J. W. Goethe. In: *Comparative Study of Germanic and Romance Languages and Literatures: Proceedings of the XXI International Student Scientific Conference, Donetsk, March 22–23, 2023*. Donetsk: Donetsk National University publ., pp. 523–526 (in Russ.).
4. Pavlova, M. V. (2021). Three “Forest Kings.” In: *Imagology and Comparative Studies*, 16, 29–38. DOI: 10.17223/24099554/16/2 (in Russ.).
5. Leontyeva, O. A. (2024). Comparative and Contrastive Analysis of Translations of J. W. Goethe's Ballad “Erlkönig.” In: *Youth and Cooperation – 2024: Abstracts of the XLVIII Interregional Student Scientific Conference, Cheboksary, April 5, 2024*. Cheboksary: Russian University of Cooperation publ., pp. 72–75.
6. Kozin, A. A. (2001). The Ballad “Röschen auf der Heide” from J. G. Herder's Collection “Voices of the Peoples in Songs”: Folklore Prototype of J. W. Goethe's Ballad “Heidenröslein” or a Hoax? In: *Ideological and Artistic Diversity of Foreign Literatures of Modern and Contemporary Times: Interuniversity Collection of Scientific Papers. Pt. 4*. Moscow: Narodny Uchitel publ., pp. 84–89.
7. Lagutina, I. N. (2020). Two Forest Kings? Literary Sources for A. Zhukovsky's Translation of the Ballad “Erlkönig.” In: *Voprosy literatury*, 4, 217–238 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козин Александр Александрович (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;
e-mail: kozzin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander A. Kozin (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;
e-mail: kozzin@mail.ru

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-94-104

ЛУБОЧНЫЙ РОМАН О ЦАРЕВНЕ СОФЬЕ

Пуряева Н. Н.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: nadia_np@mail.ru

Поступила в редакцию 04.07.2025

После доработки 10.07.2025

Принята к публикации 14.07.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть, как образ царевны Софьи трактовался на самой периферии литературного поля – в так называемой лубочной литературе. Материалом для анализа служит малоизученный лубочный роман М. Е. Евстигнеева «Раскольников гнездо сообщников царевны Софии».

Процедура и методы. Методология исследования связана с использованием описательного, культурно-исторического методов и интертекстуального анализа.

Результаты. В результате проведённого исследования уточнена датировка романа (не 1884, как считалось ранее, а 1874), прослежена история создания текста, рассмотрены его источники, обосновывается гипотеза о компилятивном характере произведения. Лубочный роман Евстигнеева – это одна из первых развёрнутых попыток художественного осмысления исторической личности царевны Софьи, примечательная тем, что, в силу принадлежности к периферийному пласту литературы, она отражает не столько авторское, сколько коллективное народное восприятие образа царевны.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты исследования восполняют представление об историко-литературном процессе XIX в., а также могут быть использованы при подготовке издания романа М. Е. Евстигнеева.

Ключевые слова: историческая беллетристика, коллективное восприятие, лубочная литература, массовая литература, царевна Софья

Для цитирования:

Пуряева Н. Н. Лубочный роман о царевне Софье // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 94–104. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-94-104>.

Original research article

LUBOK NOVEL ABOUT PRINCESS SOPHIA

N. Puriaeva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

e-mail: nadia_np@mail.ru

Received by the editorial office 04.07.2025

Revised by the author 10.07.2025

Accepted for publication 14.07.2025

Abstract

Aim. To analyze how the figure of Princess Sophia was perceived on the very periphery of the literary field – in the so-called popular print (lubok) literature. The material for the analysis is the little-studied popular print novel by Mikhail Yevstigneyev about Princess Sophia.

Methodology. The main research methods are analytical and comparative.

Results. One of the results of the research is clarification of the novel's dating. Also, the history of the creation of the text was traced, its sources were examined, and the hypothesis about the compilation nature of the work was substantiated.

Research implications. Evstigneev's popular novel is one of the first detailed attempts of artistic interpretation of the historical figure of Princess Sophia, notable for the fact that, due to its belonging to a peripheral layer of literature, it reflects not so much the author's but the collective popular perception of the image of the princess.

Keywords: historical fiction, collective perception, popular literature, lubok literature, Princess Sophia

For citation:

Puriaeva, N. N. (2025). Lubok Novel About Princess Sophia. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 94–104. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-94-104>.

Введение

Лубочной литературой принято называть «издательскую продукцию, обращённую к читателям из социальных низов» [1, с. 7], созданную в период с последней четверти XVIII в. до 1918 г. Эта область литературы по-прежнему остаётся мало изученной, что во многом объясняется незначительной художественной и эстетической ценностью относимых к ней произведений. Между тем, будучи сегментом массовой литературы, ориентированным на определённую целевую аудиторию – городское и деревенское население, составлявшее большинство жителей России, – лубочная литература даёт определённое представление о её мировоззрении и вкусах, а потому заслуживает всё же большего внимания.

По мнению А. И. Рейтблата, лубочную литературу от «литературы “образованных” читателей» отличала «не столько тематика и поэтика, сколько характер издания и распространения, а также некоторые связанные с этим внешние характеристики книги» [1, с. 7]. Исследователь опирается на описание лубочных изданий, сделанное И. П. Сахаровым: «Серая бумага, блестящая раскраска картин, дурные оттиски, неправильный рисунок – составляют главные отличия лубочных изданий» [1, с. 7].

Соглашаясь с тезисом о небрежном оформлении лубочных книг, сделаем несколько уточнений: как правило, это издания небольшого размера; при относитель-

но небольшом объёме текст часто разделён на части – отдельные книги; обязательна яркая обложка, на которой может быть изображён ключевой эпизод произведения. Возможно также включение вклеек с иллюстрациями основных эпизодов, которые составляют своего рода краткую визуализированную версию сюжета. В этом смысле, прибегая к современной классификации текстов, лубочное произведение можно отнести к смешанному или креолизованному типу. Специфическое издательское оформление сочетается с особенностями поэтики. Одна из наиболее характерных черт лубочных произведений – вторичность и компилятивность. Лубочные сюжеты часто не оригинальны, а являются адаптацией произведений «более высокого слоя литературы» [2, с. 128], или же переработкой какого-либо популярного сюжета, или компиляцией нескольких. Что касается вопроса об идейной программе лубочной литературы, он, безусловно, требует отдельного изучения, однако едва ли можно предположить реализацию на данном уровне литературы каких-либо последовательных авторских идеологических установок. Речь идёт, скорее, о противоположном: лубочный автор воспроизводит идейные и эстетические взгляды своей целевой аудитории.

Цель статьи – рассмотреть, как образ царевны Софьи трактовался в лубочной литературе. Материалом для анализа служит малоизученный лубочный

роман М. Е. Евстигнеева «Раскольниковы гнездо сообщников царевны Софии». Методология исследования связана с использованием описательного, культурно-исторического методов и интертекстуального анализа.

Датировка и источники текста

Единственное специальное исследование, посвящённое лубочному роману М. Е. Евстигнеева¹, – статья Л. П. Сидоровой [4], в которой исследователь сосредоточился на изображении Петра I, уделив образу царевны незначительное внимание.

Сидорова датировала первую публикацию романа 1884 г., когда он вышел в издательстве И. Д. Сытина в Москве. Между тем десятью годами раньше тот же текст романа был издан под другим названием в другой московской типографии – Яковлева.² Видимо, издательская судьба произведения складывалась следующим образом: роман М. Е. Евстигнеева «Раскольниковы гнездо сообщников царевны Софии» впервые был опубликован в издательстве Е. Я. Яковлева в 1874 г. и без изменений переиздан под названием «Царевна-преступница» в издательстве Сытина в 1884 г. В 1888 г., уже после смерти Евстигнеева, роман был незначительно переработан М. К. Йогелем³ и вышел в том же издательстве под названием «Царевна Софья», а затем был переиздан в 1895 г. Таким образом, роман в общей сложности публиковался четыре раза, что свидетельствует об определённой его популярности.

¹ Евстигнеев М. Е. (1832–1885) – один из наиболее плодотворных московских лубочных авторов середины XIX в. См. о нём [3, с. 401–402]; Рейтблат А. И. Евстигнеев М. Е. // Русские писатели 1800–1917 гг.: биографический словарь. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. С. 215–217.

² Пометка на титульном листе «Издание Яковлева», видимо, указывает на Е. Я. Яковлева, владельца московской литографии, занимавшийся преимущественно изданием лубочных картинок.

³ Йогель М. К. (1848–1909) – беллетрист и публицист дворянского происхождения, к лубочным авторам не принадлежавший.

Обратимся к истории создания романа. В 1873 г. в издательстве А. И. Манухина были опубликованы «Анекдоты и предания о Петре Великом, первом императоре земли русской и его любви к государству», составленные Евстигнеевым на основе «Подлинных анекдотов о Петре Великом» Я. Штелина. Появление книги было, видимо, вызвано стремлением предложить невзыскательной публике занимательное чтение о Петре и явилось своего рода «маркетинговым» ответом на потенциальный рост интереса к фигуре первого императора на фоне его 200-летнего юбилея (1872).

Обращение Евстигнеева именно к тексту Штелина, скорее всего, было обусловлено развлекательно-публицистическим характером первоисточника, который подходил для целевой аудитории Евстигнеева в большей степени, нежели академические исторические сочинения, потребовавшие бы существенной переработки⁴ и, самое главное, едва ли входившие в обозримый для лубочного автора круг источников. Евстигнеев значительно сократил количество анекдотов (у Штелина их 142, у Евстигнеева – 64), пересказав их своими словами. Кроме того, он поместил в конце третьей части «Прибавление», включавшее в себя фрагменты из источников, описывающих в основном события конца царствования Петра, в частности, «Манифест о восшествии на трон Екатерины I», рассказ Ф. Прокоповича о восшествии на престол Екатерины I и др. Открывалось же «Прибавление» отрывком, озаглавленным «Покушение на жизнь Петра I (Выдержки из романа)» и напечатанным без ссылки на автора.

Этот отрывок из романа, который описывает подготовку, а также покушение на

⁴ К 1870-м гг. был опубликован ряд обстоятельных исторических трудов, посвящённых петровскому времени: в 1858 г. вышла «История царствования Петра Великого» академика Н. Г. Устрялова; в 1863–1864 гг. вышли 13 и 14 тома «Истории России с древнейших времён» С. М. Соловьёва, подробно описывающие правление царевны Софьи; в 1865–1866 гг. – 15 и 16 тома, посвящённые Петру I. Об оценках личности царевны Софьи историками XIX в. см. [5], [6].

Петра и гибель одного из заговорщиков от отравления, близок к тексту 5 и 6 глав третьей части романа Евстигнеева, однако имеет ряд отличий. Сопоставим два текста:

«Анекдоты и предания о Петре Великом...»

– Здравствуйте, камергер! Вы, кажется, что-то веселы; поделитесь радостью.

– Поздравьте меня с сыном, которым подарила меня жена моя. Говорят, будто он очень похож на своего батюшку, – говорил пришедший.

– Поздравляю от души вас, и тем более радуюсь, что предположения наши скоро могут исполниться припомните наше прошлое совещание. Крестины кончат начатое! – говорил Репнев.¹

«Раскольничье гнездо сообщников царевны Софии»

– Здравствуйте, камергер! – сказал хозяин, подойдя к гостю. Ну что, как дела? По весёлой улыбке вижу, что у тебя какая-то радость.

– Поздравь меня, боярин, с сыном, которым подарила меня жена; люди уверяют даже, что он много похож на меня. – Это был боярин, которого Пётр Первый недавно пожаловал камергером.

– От души поздравляю тебя и тем более радуюсь, что предположения наши скоро могут исполниться. Крестины кончат начатое, – сказал Репнев.²

Приведённые примеры показывают, что при очевидной близости фрагментов текста романа Евстигнеева, с одной стороны, стилистически снижен (замена обращения «вы» на «ты», большая разговорность стиля), с другой – более «беллетризован», т. е. литературно развернут.

Существенные расхождения проявляются также на уровне сюжета. В отрыв-

ке, включённом в «Анекдоты», важную сюжетную роль играют крестьяне Иван (Ванюша) и Марья. Иван сообщает Петру о подстрекательстве раскольников к мятежу против него, передаёт список заговорщиков, который он украл в доме боярина Репнева, а также предупреждает о готовящемся покушении. Появляющаяся в следующем за тем эпизоде Марья также сообщает о подстрекательстве раскольников. Эта пара героев, насколько можно судить по отрывку, образует любовную линию сюжета. В романе Евстигнеева эти герои отсутствуют, а любовную линию, которая выступает как средство связывания разных сюжетных пластов, образуют боярский сын Матвей (Матюша) Скоба и дочь купца Тарасова – Настя. Радикально отличается сюжетная функция боярина Репнева. В отрывке он один из заговорщиков и в случае удачного исхода покушения рассчитывает стать регентом при царевне Софье. В романе Евстигнеева боярин Репнев, мучимый угрызениями совести, доносит Петру на своих сообщников и тем самым помогает предотвратить покушение.

Таким образом, наиболее явные отличия романа Евстигнеева от отрывка заключаются в большей повествовательной развёрнутости, установке на разговорность стиля, повышении социального статуса героев любовной линии (не крестьяне, а купеческая дочь и боярский сын), а также изменению сюжетной роли боярина Репнева.

Публикацию «Анекдотов» (1873) и романа «Раскольничье гнездо...» (цензурное разрешение от 10 октября 1873 г.) разделяет несколько месяцев, и в этой связи возникает вопрос, как объяснить расхождение текста отрывка и романа Евстигнеева. Сопоставительный текстологический анализ не даёт однозначного ответа на вопрос об авторстве отрывка.³ Рассмотрим две версии.

¹ Евстигнеев М. Е. Анекдоты и предания о Петре Великом, первом императоре земли русской, и о его любви к государству: в 3 ч. Ч. 1–3. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1900. С. 197.

² Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 236–237.

³ Анализ текстов отрывка и романа Евстигнеева был любезно выполнен профессором, д-ром филол. наук О. В. Кукушкиной в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета МГУ осенью 2024 г.

Предположим, что оба текста написаны Евстигнеевым, т. е. отрывок, опубликованный в «Анекдотах», является первоначальной версией романа, который существенно изменился в результате эволюции творческого замысла. Самой уязвимой стороной этой гипотезы является, пожалуй, тезис об эволюции замысла, т. е. некоем продолжительном процессе, что применительно к творческой манере Евстигнеева кажется довольно сомнительным. По свидетельству современников, он работал в очень сжатые сроки, что характерно и для других писателей-лубочников и являлось одной из особенностей лубочной литературы в целом [3, с. 401–402]. Возвращение к завершённому замыслу также было Евстигнееву не свойственно. Таким образом, допущение, что причиной значительной переделки текста стали творческие искания автора, кажется маловероятным. Можно предположить, что Евстигнеев изменил замысел, следуя замечаниям цензуры, однако у нас нет фактов, это подтверждающих.

Итак, столь радикальные внезапные изменения плохо укладываются в модель естественной эволюции одного текста. Однако если предположить, что происходит переработка некоего исходного текста, изменения кажутся более логичными. Таким образом, вторая гипотеза заключается в том, что отрывок, опубликованный в «Анекдотах», является частью рукописи другого автора, на которую Евстигнеев опирался, создавая свой роман.

Обратимся к фигуре М. К. Йогеля, взявшегося переделать текст романа через четыре года после смерти Евстигнеева. Учитывая, что другие произведения последнего подобной ревизии не подвергались, возникает вопрос, чем она была вызвана. Йогель не относился к писателям-лубочникам, происходившим в основном из мещан и разночинцев. Представитель мелкого поместного дворянства, Йогель окончил юридический факультет Московского университета и около 10 лет служил по юридической линии, пока не был уволен в чине коллежского асессора за неявку на службу. В 1880 г. он опубликовал

свой первый роман, а затем с относительной регулярностью печатал романы, повести и публицистику на современные темы. Тем более неожиданно выглядит его обращение к роману Евстигнеева «Царевна Софья».

Выдвинем гипотезу, что за несколько лет до своего литературного дебюта 23–24-летний Йогель, недавний студент университета, увлекающийся беллетристикой, передал рукопись своего исторического романа, опубликовать который, возможно, не решался, в руки более опытного автора – Евстигнеева. Последний использовал рукопись как один из источников своего романа, опубликовав его под своим именем. Достаточно активное взаимодействие беллетристики и лубочной литературы в 1870-х – 1880-х гг. отмечал Пругавин: «в последнее время чуть ли не главными поставщиками литературного материала для лубочных издателей являются сотрудники мелкой прессы; теперь весьма часты случаи, когда рассказ или роман, помещавшийся в вид фельетонов в каком-нибудь “Листке”, вдруг появляется в отдельном издании Сытина, Губанова, Морозова или другого какого-нибудь лубочника» [3, с. 393].

На основе имеющегося отрывка трудно судить о полной картине изменений, которые вносил Евстигнеев, однако, в первую очередь, они были направлены на адаптацию текста под целевую читательскую аудиторию. Дворянину Йогелю крестьянское происхождение главных героев любовной линии могло казаться прогрессивным поворотом, однако Евстигнееву было очевидно, что его читатели ожидают не реалистического изображения действительности, а, напротив, альтернативной реальности, «чудесного». Возможно, этим объясняется замена крестьянки Марьи на купеческую дочь, а крестьянина Ивана на найдёныша-сироту, который затем оказывается боярским сыном. Используя фольклорный сюжет о сироте-найденше, Евстигнеев дополнительно усиливает интригу, занимательность своего повествования. Одновременно с этим Евстигнеев

изменяет стилевой регистр текста, приближая его к просторечью и добавляя поствозвонанию связности.

В таком случае обращение Йогеля к тексту романа в 1888 г. можно рассматривать как попытку вернуться к своему раннему замыслу. Правка, которую он вносит, в основном стилистическая. Он также исправляет некоторые исторические ошибки Евстигнеева, однако лишь в тех случаях, где это не приводит к изменению сюжета. Отредактированная версия романа выходит с пометкой: «исторический роман Евстигнеева, переделанный Йогелем».

Помимо, как мы полагаем, рукописи Йогеля, Евстигнеев в своём романе использовал также фрагменты из «Анекдотов», в некоторых случаях приводя их почти дословно: например, описание гастрономических предпочтений Петра¹ или описание подарка, который Пётр обычно делал на крестинах.² В романе также приводятся пространные описания домов купца Тарасова (часть 1, глава 3), боярина Репнева (часть 1, глава 4), одежды боярыни (часть 2, глава 5), стилистически отличающиеся от остального текста, что даёт основание предположить, что они с минимальными изменениями либо перенесены из текста Йогеля, либо заимствованы из другого источника. Таким образом, текст романа Евстигнеева как типичное лубочное произведение представляет собой не оригинальный замысел, а литературно обработанную компиляцию.

Сюжет романа

Время действия в романе не обозначено, однако события можно соотнести с зимой – летом 1697 г.: в феврале был раскрыт заговор стрелецкого подполковника И. Е. Циклера, готовившего покушение на Петра, летом были подавлены попытки стрелецкого восстания. Историческая оценка этих событий традиционно нега-

тивная, а действия царевны Софьи тракуются как попытка узурпации власти. Этот компактный и в то же время насыщенный период истории – плодотворная основа для напряжённого сюжета с чёткими морально-нравственными ориентирами и дидактическим посылом, что характерно для сюжетов лубочной литературы.

Художественная реальность романа ориентирована явно не на воссоздание объективной исторической картины. Так, одним из центральных персонажей романа является раскольник Никита Пустосвят, казнённый по приказу царевны Софьи осенью 1682 г. Появляется в произведении и боярин А. С. Матвеев, погибший от рук стрельцов в мае 1682 г. Как отмечает Сидорова, писатель «не очень считается с точностью исторических фактов, а может быть, и не очень в них осведомлён» [4, с. 36].

По сюжету царевна Софья с сообщниками, среди которых князь Дмитрий Васильевич Волынский, начальник стрелецких полков боярин Иван Андреевич Репнев, купец Тарасов, стрелецкий полковник Циклер, сотник Прокопий Сильверстов, стрелец Лясинский, а также раскольники Никита и Ермолай, плетут заговор с целью возвести её на престол. Подходящим случаем для покушения на Петра выбирают предстоящие крестины сына князя Волынского: на празднике в своём доме князь должен поднести царю стопку отравленной водки. Однако Репнев, терзаемый сомнениями, в последний момент раскрывает Петру план заговорщиков. В результате на приёме в доме Волынского после крестин царь не прикасается к поднесённой хозяином стопке, но предлагает Волынскому выпить за его здоровье. Волынский вынужденно подчиняется и умирает в картинной агонии. Остальных заговорщиков арестовывают не менее зрелищно: по сигналу Меньшикова (стреляет в воздух из пистолета) появляется «Лефорт с солдатами потешной роты».³

¹ Евстигнеев М. Е. Анекдоты и предания о Петре Великом, первом императоре земли русской, и о его любви к государству: в 3 ч. Ч. 1–3. М.: Г. Т. Бриллиантов, 1900. С. 16.

² Там же. С. 143–144.

³ Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 263.

Ещё одна линия сюжета, связанная с разговором царевны Софьи, – хождения раскольников Никиты и Ермолая, которые, распространяя своё вероучение, вербуют новых сторонников царевны. В изложении Евстигнеева раскольники – безусловные приверженцы Софии, поборники старого уклада жизни. Здесь Евстигнеев воспроизводит укоренившуюся народную интерпретацию расколичества, согласно которой главным антагонистом раскольников являлся именно Пётр¹, а царевна Софья по умолчанию становилась не просто их сторонницей, а едва ли не предводительницей.

Таким образом, в романе сложная фабула, состоящая из нескольких линий. Важную сюжетную роль в романе играют фольклорные мотивы. Завязка любовного конфликта происходит во время подробно описанного (включены даже фрагменты песен) святочного гуляния с ряжеными, а в его дальнейшем развитии важную роль играет эпизод с деревенским «колдуном» – переодетым другом главного героя, который таким образом пробирается в дом купца Тарасова и помогает главной героине бежать. Ещё один элемент, связанный с народной культурой, обнаруживается в сюжетной линии заговора: поворотным моментом, подтолкнувшим боярина Репнева во всём признаться, становится его встреча с юродивым.

Сюжет характеризуется не только частой сменой повествовательного плана и места действия, но и времени: из текущего момента события переносятся в прошлое и обратно. Меняется и регистр пафоса – торжественный (патетический), сентиментально-мелодраматический, комический. Все вместе эти компоненты обеспечивают повествованию интригу и динамичность.

Собственно историческая проблематика в романе оказывается вторичной и носит упрощённо-декларативный характер. Первопричину конфликта Евстигнеев объясняет следующим образом: «Когда Пётр Первый Алексеевич вступил на престол, то

сообразно со своим обширным гением, он приступил к своей работе преобразования России; смело, быстро и отважно устремился к делу образования России, подражая в этом примерам учёного Запада. Понятно, что всякая новизна влечёт за собой суждения, толки, возбуждает недоверчивость, и вот те деяния мудрого законодателя и просветителя России были встречены с ропотом или осуждаемы, как недоброжелателями, так и невеждами. ... Всё это породило много причин к внутренним беспорядкам и преступным замыслам против умного, гениального Монарха».²

В целом, историческое правдоподобие не входило в задачи Евстигнеева, он стремился создать, в первую очередь, занимательный сюжет, используя широкий спектр приёмов: сюжетные клише, как литературные, так и фольклорные; колоритные второстепенные персонажи («колдун», юродивый); смена стилового регистра текста, места и времени действия.

Трактовка образа царевны Софьи

Характеризуя царевну, автор использует эпитеты «умная», «честлюбивая», однако не берётся судить о внутренних причинах её поступков, ограничиваясь оговоркой: «история слишком мало сказала о характере Софии; зато её деяния хорошо известны и тот вред, который она с своими клеветами оказала своему брату. Только всемогущий Бог мог сохранить Петра, иначе он бы погиб от козней Софии».³ Он поясняет, что «ей так хотелось утвердиться на русском троне, что она забыла родство, братскую любовь, стыд и объявила себя тайно покровительницей раскольников».⁴ А ещё далее добавляет: «София считала себя по старшинству наследницей престола».⁵

Портретная характеристика, данная при первом появлении царевны, вполне комплиментарная: «женщина высокого ро-

¹ Эту трактовку находим, например, в серии лубочных картинок «Распри раскольников при Петре I».

² Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 108.

³ Там же. С. 50–51.

⁴ Там же. С. 25–26.

⁵ Там же. С. 108.

ста», «красивое, несколько смуглое лицо, чёрные волосы, брови и чёрные глаза придавали выразительность её физиономии».¹ Полной противоположностью является описание героини в финале романа: «В её сердце, ещё горячем, кипело столько разнородных ощущений, что они тревожили весь её организм. Из прекрасной некогда Софии в несколько часов царевна преобразилась в бледную, исхудалую особу, из здоровой и вспыльчивой она превратилась в больную».² Не вдаваясь в морализаторство, автор через портретную характеристику показывает, к чему привели козни героини, и эксплицирует своё отношение к ней.

Образ царевны наделён чертами скажочной злодейки: она очаровывает сторонников своей красотой и убаюкивает их своими речами: «речь её текла рекою. Слушатели были очарованы её словами».³

Уделив внешности царевны достаточно много внимания, Евстигнеев не приводит цельного портретного описания Петра. Вместо этого он наделяет его сложной гаммой внутренних переживаний, которые проявляются через сверкающие глаза, бледнеющее лицо, сжимающиеся кулаки. Автор прямо задаёт идейную систему координат в романе: «Пётр с юности посвятил себя на службу отечеству и находил удовольствие в трудах, тогда как вообще труда все избегали. ... Службу начал он с простого солдата, и был долгое время барабанщиком, и потом несколько лет рядовым солдатом. ... Таким-то образом этот молодой воин-Царь не только сам привыкал ко всем трудностям воинской службы, но и давал другим прекрасный пример и шутя привлекал других».⁴ Евстигнеев развивает тему образцового монарха, описывая привычки Петра: «Государь вставал рано и ел в определённое время в полдень и очень простые блюда: щи, каша,

студень, холодный поросёнок на сметане, жаркое с огурцами или с солёными лимонами, салакушка и ветчина. Рыба была ему вредна».⁵ Как отмечает Сидорова, задача Евстигнеева – «создать исключительно положительный образ Петра, мудрого, справедливого государя» [4, с. 42], поэтому опущены все отрицательные черты его характера (вспыльчивость, жестокость).

В описании личных взаимоотношений между братом и сестрой Евстигнеев также мало соотнобразуется с фактами. В художественной реальности романа главой государства является Пётр, при этом царевна Софья имеет полную свободу действий. Она живёт в некоем дворце в Кремле и может беспрепятственно посещать не только своего брата, но и своих сторонников-заговорщиков (ч. 3, гл. 5 «Раскаяние. Открытие и казнь»). В день перед покушением Софья приходит к Петру с притворным покаянием в заговоре и после того, как брат великодушно прощает не только её, но и её сообщников, сообщает о желании немедленно удалиться в монастырь. Сцена разговора Петра с сестрой построена на мелодраматических клише: благородный и великодушный протагонист – хитрая и вероломная антагонистка. Прощение скрепляется поцелуем и вознесением Петром благодарности иконе Спасителя. На утро перед покушением уже в своей монастырской келье царевна принимает заговорщиков, воодушевляя их словами: «Я сама поведу полчища ко дворцу и сама подожгу его».⁶

В том, что касается оценки личности царевны, Евстигнеев не выходит за пределы взглядов, бытовавших в простонародье. Царевна, с одной стороны, изображена «предводительницей» раскольников, с другой – она сторонница старых порядков. Вот так устами Репнина описаны планы Софьи в случае успеха заговора: «Из честолюбивых видов царевна введёт опять то старое невежество, которое ты (персонаж обращается к Петру I. – Н. П.) стараешься уничтожить и исправить. Словом,

¹ Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 103.

² Там же. С. 284.

³ Там же. С. 240.

⁴ Там же. С. 211–212.

⁵ Там же. С. 260.

⁶ Там же. С. 260.

она хочет убить в России то, что должно возвысить её».¹ Евстигнеев транслирует бытующее в народе отношение к царевне, однако не вербализует его прямо, как он декларирует своё отношение к Петру. Вместе с тем отношение к царевне заявлено уже в названиях романа: негативно маркированное «Раскольниковы гнездо соборников царевны Софьи» и не менее негативное «Царевна-преступница».

Лубочный роман Евстигнеева и историческая беллетристика 1870-х – 1880-х гг.

Лубочный роман Евстигнеева – не первое литературное произведение о царевне Софье², однако в нём впервые присутствует достаточно протяжённый сюжет, с ней связанный. В произведениях XVIII – первой трети XIX вв. царевна чаще всего являлась внесценическим (М. В. Ломоносов, И. И. Лажечников) или эпизодическим второстепенным персонажем (К. П. Масальский, Р. М. Зотов). В произведениях 1840-х – 1860-х гг. (Е. П. Ростопчина, А. Н. Майков) она уже центральная героиня, однако изображаемые события ограничены небольшим эпизодом. Таким образом, первая попытка довольно развёрнутого художественного осмысления исторической роли царевны предпринимается на самой периферии литературного поля и отражает, так сказать, коллективное, народное представление о ней. Через несколько лет после выхода романа Евстигнеева происходит всплеск интереса к царевне в другом сегменте массовой литературы, нацеленном на более образованное городское население. Выходят романы, относящиеся к жанру исторической беллетристики: «Престол и монастырь» (1878) П. В. Полежаева, «Царь-девица» (1878) Вс. С. Соловьёва, «Великий раскол» (1878) и «Царь Пётр и правительни-

ца Софья» (1880) Д. Л. Мордовцева, «На высоте и на доле: Царевна Софья» (1879) Е. П. Карновича, в которых даются уже иные трактовки образа царевны.³

Роман Евстигнеева мог быть знаком упомянутым беллетристам, однако едва ли правомочно говорить о его влиянии в плане изображения исторических событий. В перечисленных выше романах основной сюжета служат события правления царевны Софьи 1682–1689 гг., Евстигнеев же обратился к событиям более позднего времени. Кроме того, Полежаев, Соловьёв, Мордовцев и Карнович опираются на исторические источники и достаточно аккуратно придерживаются фактов. Евстигнеев же местами столь сильно искажает события, что его произведение, пользуясь современной терминологией, можно было бы отнести к жанру «альтернативной» истории.⁴

Если говорить о художественной системе, наблюдается некоторое сходство в изображении царевны у Евстигнеева и Вс. Соловьёва; приём контрастного портретного описания героини в начале и конце произведения использует Полежаев. Однако оба случая едва ли можно возвести исключительно к тексту Евстигнеева. Впрочем, анализ возможного влияния лубочного романа на произведения исторической беллетристики – это задача отдельного исследования.

Заключение

Итак, лубочный роман Евстигнеева – компилятивный текст, построенный на использовании литературных и фольклорных клише. Это одна из первых развёрнутых попыток художественного осмысления исторической личности царевны Софьи, примечательная тем, что, в силу

¹ Евстигнеев М. Е. Царевна преступница. Исторический роман: в 3 ч. М.: И. Д. Сытин и К°, 1884. С. 252.

² Подробнее об этом см. [7].

³ Подробнее об этом см. [8].

⁴ В этом смысле представляется правомочным отнести роман Евстигнеева с существующей на периферии современного литературного пространства пенталогией Ирены Гарды «Аз есмь София» (2012–2018), относящейся к жанру ретроальтернативистики. О месте царевны в типологии героини герекратического мифа см., например: [9].

принадлежности романа к периферийному пласту литературы, он отражает не столько авторское, сколько коллективное народное восприятие образа царевны.

Частотность, с которой царевна Софья становится героиней литературных произ-

ведений на протяжении почти двухсот лет, свидетельствует о том, что она становится одним из архетипов новой мифологии. Её образ отражает одну из граней генекратического мифа, становясь в один ряд с образами Парашаи Лупаловой и Н. А. Дуровой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейтблат А. И. Глупли «Глупый милорд»? // Лубочная книга / сост. А. Рейтблат. М.: Художественная литература, 1990. С. 5–20.
2. Рейтблат А. И. Читатель лубочной литературы // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: сборник научных трудов. Вып. 5. Л.: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1990. С. 125–127.
3. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. 2-е изд., доп. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 547 с.
4. Сидорова Л. П. Лубочная повесть о «Петре I» // Проблемы жанра и стиля в русской литературе: сборник трудов. М.: б. и., 1973. С. 33–43.
5. Мининков Н. А., Перетятко А. Ю. Образы антиподов Петра I в российской дореволюционной историографии: конструирование, функции, взаимодействие // Былые годы. 2022. № 17 (4). С. 1551–1563. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1551.
6. Сашченко Г. В., Синова И. В. Противоречивость оценки царевны Софьи современниками и историками // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики государств: сборник научных статей. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. С. 73–78.
7. Пуряева Н. Н. «Я родилась в порфире... на ступенях российского престола»: образ царевны Софьи в литературных произведениях XVIII–XXI вв. // Литература в школе. 2024. № 1. С. 70–79. DOI: 10.131862/0130-3414-2024-1-70-79.
8. Пуряева Н. Н. Изображение царевны Софьи в исторических романах 1870–1880 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2025. Т. 25. № 2. С. 195–203. DOI: 10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203.
9. Ковтун Н. В. Кто они, героини современной прозы: «Баба-богатырка», «Баба с подушкой» или Бизнес-леди? // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 2. С. 108–117. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117.

REFERENCES

1. Reitblat, A. I. (1990). "Is the 'Stupid Milord' Stupid?" In: *Lubok Book*. Moscow: Khudozhestvennaya literature publ., pp. 5–20 (In Russ.).
2. Reitblat, A. I. (1990). The Reader of Lubok Literature. In: *Book Publishing in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century*. Iss. 5. Leningrad: M. E. Saltykov-Shchedrin State Public Library publ., pp. 125–127 (in Russ.).
3. Prugavin, A. S. (1895). *People's Demands and Intelligentsia's Duties in the Field of Education and Upbringing*. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov publ. (in Russ.).
4. Sidorova, L. P. (1973). Lubok Novel about Peter I. In: *Problems of Genre and Style in Russian Literature*. Moscow, pp. 33–43 (in Russ.).
5. Mininkov, N. A. & Peretyatko, A. Yu. (2022). Images of Peter I's Antipodes in Pre-Revolutionary Russian Historiography: Construction, Functions, and Interaction. In: *Bylye Gody*, 17 (4), 1551–1563. DOI: 10.13187/bg.2022.4.1551 (in Russ.).
6. Sashchenko, G. V., Sinova, I. V. (2024). The Inconsistency of Tsarevna Sophia's Assessment Made by Contemporaries and Historians. In: *Actual Problems of International Relations and Foreign Policy of States*. St. Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics publ., pp. 73–78 (in Russ.).
7. Puryaeva, N. N. (2024). "I was Born in Royal Purple... on the Steps of the Russian Throne." The image of Princess Sophia in Literary Works of the 18th–21st centuries. In: *Literature at School*, 1, 70–79. DOI: 10.131862/0130-3414-2024-1-70-79 (in Russ.).

8. Puryaeva, N. N. (2025). The Image of Princess Sophia in Historical Novels of the 1870–1880s. In: *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 25 (2), 195–203. DOI: 10.18500/1817-7115-2025-25-2-195-203 (in Russ.).
9. Kovtun, N. V. Who Are They, The Heroines of Modern Prose: “Baba Bogatyrka”, “Baba with a Pillow” or Business-Lady. In: *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 21 (2), 108–117. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-2-108-117 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пуряева Надежда Николаевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института русского языка и культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

e-mail: nadia_np@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9323-6850

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Puryaeva (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Russian Language, Institute of Russian Language and Culture, Lomonosov Moscow State University;

e-mail: nadia_np@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9323-6850

Научная статья

УДК 82.091:1(47+44)

DOI: 10.18384/2949-5008-2025-5-105-112

ПРЕДМЕТНЫЙ МИР КАК СРЕДСТВО МАНИФЕСТАЦИИ АЛЛЕГОРИЧЕСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ В РОМАНЕ М. М. ХЕРАСКОВА «НУМА, ИЛИ ПРОЦВЕТАЮЩИЙ РИМ»

Пучкова А. Е.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru

Поступила в редакцию 09.06.2025

Принята к публикации 16.06.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть предметный мир романа М. М. Хераскова «Нума...» в контексте аллегорического представления историософской концепции судьбы «золотого века» в развитии человечества с учётом философско-исторического содержания и аллегорического «сюжета» книги.

Процедура и методы. Для анализа используются элементы культурно-исторического, историко-генетического, сравнительно-типологического, феноменологического, герменевтического, структурно-семиотического методов. Анализ романа Хераскова «Нума...» проводится в контексте развития западноевропейских и русских «государственных», «политико-утопических» романов XVIII в., с учётом своеобразия романной поэтики в нормативно-традиционалистскую эпоху.

Результаты. Итогом проведённых исследований стала возможность соединить философско-историческую концепцию Хераскова, базирующуюся на идее «Золотого века» и его судьбы в развитии человечества, и основных структурных уровней книги, в первую очередь её предметного начала. Проведённый анализ позволил понять, каким образом функционирует предметная деталь в тексте, жанровое задание которого не предусматривает изобразительности, а также уточнить представления о развитии российского политико-дидактического, масонского романа XVIII в.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показан потенциал предметной сферы в русской дидактико-аллегорической прозе XVIII в., а также пути развития романной прозы М. М. Хераскова. Результаты статьи могут использоваться в дальнейших исследовательских разработках развития масонской прозы той поры, в курсах русской литературы XVIII в., а также спецкурсах смежной тематики.

Ключевые слова: государственная мифология, М. Херасков, масонство, «Нума, или Процветающий Рим», предметная деталь, роман

Для цитирования:

Пучкова А. Е. Предметный мир как средство манифестации аллегорической историософии в романе М. М. Хераскова «Нума, или процветающий Рим» // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 105–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-105-112>.

Original research article

THE OBJECTIVE WORLD AS A MEANS TO MANIFEST ALLEGORICAL HISTORIOGRAPHY IN M. M. KHERASKOV'S NOVEL “NUMA, OR PROSPEROUS ROME”

A. Puchkova

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru

Received by the editorial office 09.06.2025

Accepted for publication 16.06.2025

Abstract

Aim. To examine the objective world in M. M. Kheraskov's novel "Numa...", allegorically presenting historiosophical concept of the fate of the "Golden Age" in the development of humanity, considering the philosophical and historical content and allegorical "plot" of the book.

Methodology. Elements of cultural-historical, historical-genetic, comparative-typological, phenomenological, hermeneutic, structural-semiotic methods are used in the analysis; it is carried out in the context of the development of Western European and Russian "state", "political-utopian" novels of the 18th century, considering the uniqueness of novel poetics in the normative-traditionalist era.

Results. The result of the conducted research is a connection of the philosophical and historical concept of Kheraskov, based on the idea of the "Golden Age" and its fate in the development of mankind, and the main structural levels of the book, primarily its subject matter. The conducted analysis makes it possible to understand how the subject detail functions in the text, the genre assignment of which does not provide for pictoriality, and to clarify the ideas about the development of the Russian political and didactic, Masonic novel of the 18th century.

Research implications. The potential of the subject area in Russian didactic-allegorical prose of the 18th century, as well as the development paths of M. M. Kheraskov's novel prose, has been shown. The results of the article can be used in further research developments of Masonic prose of that time, in courses of Russian literature of the 18th century, as well as special courses on related topics.

Keywords: state mythology, M. Kheraskov, Freemasonry, "Numa, or Flourishing Rome", objective detail, novel

For citation:

Puchkova, A. E. (2025). The Objective World as a Means to Manifest Allegorical Historiography in M. M. Kheraskov's Novel "Numa, Or Prosperous Rome." In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 105–112. <https://doi.org/10.18384/2949-5008-2025-5-105-112>.

Введение

Проза Михаила Матвеевича Хераскова занимает особое место в истории русской литературы. Привлекавшая внимание современников как реализация программы дидактического аллегорического романа – одной из немногих «уважаемых» теоретической мыслью той поры модификаций романного повествования (в духе «Приключений Телемака» Фенелона) [1, с. 89–115], она довольно скоро была забыта как излишне дидактичная, оторванная от осмысления реальности, внешнего мира и внутреннего состояния героя-современника, к постижению которых стремилась литература рубежа XVIII – XIX вв. Действительно серьёзный историко-литературный интерес эта проза начинает вызывать в работах последних десятилетий: наряду с осмыслением личности, биографии, поэзии Хераскова его романы всё чаще становятся предметом

анализа учёных, и всё более серьёзные закономерности развития литературы той поры находят подтверждение в творческих исканиях писателя [2–6]. Однако подобных исследований его романов на сегодня не так много, причём на этом фоне первый дидактический аллегорический роман Хераскова «Нума, или Процветающий Рим» (1768) выделяется малой изученностью и некоторой недооценённостью. Однако ряд работ исследователей позволяет судить о том, сколь серьёзные историософские и политические проблемы затрагивал в нём Херасков и, следовательно, сколь большое значение имело это произведение для понимания внутренней логики формосодержательного развития его прозы [7, с. 305–314].

Цель данной статьи – рассмотреть предметный мир романа М. М. Хераскова «Нума...» в контексте аллегорического представления историософской концеп-

ции судьбы «золотого века» в развитии человечества, берущей начало в античности и творчески используемой многими поколениями писателей самых разных эпох. В романе Хераскова эта концепция играет важную роль как для оформления его философско-исторического содержания, так и для выявления специфики аллегорического «сюжета» книги.

Предметный мир в контексте жанровой динамики русской прозы XVIII века

Обращение к анализу романа «Нума...» сквозь призму предметности не случайно. Это одна из категорий (наряду с так называемым «открытием природы» и психологизмом), которая знаменовала в русской литературе XVIII в. наиболее значительный, фундаментальный переход от нормативно-традиционалистской к индивидуально-творческой эпохе. Традиционалистская эстетика оценивается исследователями как «эйдетическая», когда художественный образ соотносится не с неким реальным источником, но с отвлечённым представлением о нём (идеальным представлением об устройстве «природы изящной», рационально понятой сущностью человеческого характера или высшей «природы» вещей) [8, с. 187–188]. Эта рационалистическая, неоплатонистская в своём истоке эстетика, основным формальным воплощением которой стал феномен жанра; для каждого из жанров нормативно-традиционалистской литературы существовали устоявшиеся критерии развёртывания «картины мира», нормы выбора и изображения персонажей, закономерности изображения художественных топосов и локусов и т. п.

Появление предмета, вещи как конкретного феномена, связанного с представлением о человеческом участии в его создании, представляло в литературе той поры важный шаг от эйдетического принципа художественного изображения к его индивидуальному, субъективно окрашенному источнику, от жанровой предопределённости к индивидуально-авторскому видению действительности. И не случайно

это «открытие» предметного мира наиболее динамично происходило в литературе второй половины XVIII в. в сфере прозы, конкретнее – романа. Бывший наиболее «свободным» в структуре тогдашних литературных жанров, теоретически мало обоснованный на тот момент роман уже в это время представлял собой особую литературную форму, нацеленную на широкий диалог с миром, и, следовательно, открытый всем впечатлениям бытия. «Открытие предметности» было очень важной составной частью этого процесса.

Однако нравоучительный, аллегорический роман как жанр реализовывал эту тенденцию довольно своеобразно. Это представляется связанным с его особой художественной природой – в самом его жанровом «задании» предполагалось внимание не столько к постижению реальности (даже понимаемой достаточно условно, пропущенной сквозь многочисленные «фильтры» представлений нормативно-традиционалистской эстетики о «должном», «допустимом», «прекрасном», «полезном», «правдоподобном» и т. п.), сколько к осознанию мира внутреннего, причём «реальные» образы при этом неизбежно становились аллегориями процессов, происходящих в душе героя. Для такого романа предметность далеко не всегда была нужна – тем интереснее представляются те редкие случаи, когда она всё же появляется и позволяет судить о тенденциях развития жанра, несмотря на свою архаичность, вписывавшегося в контекст магистрального литературного движения эпохи [9, с. 149–164].

Роман М. М. Хераскова «Нума...»: путь к оформлению аллегорической историософии писателя

В исследовательских трудах «Нума...» характеризуется и как роман, и как повесть с опорой на авторское обозначение: «сия повесть не есть точная историческая истина»¹, что в данном случае представляется указанием на «повествователь-

¹ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 2.

ность» текста, в отличие от «истинной» истории. С учётом этого обозначение книги как «государственного», «масонского», «нравственно-утопического» романа, по-видимому, значительно более отвечает её жанровой природе. В работе Ю. А. Ростовцевой приведён систематизированный очерк исследовательских трактовок как жанровой природы книги, так и истории её создания [7, с. 305–306]; она связывается исследователями с деятельностью Комиссии по составлению нового уложения и представляет собой государственническую утопию Хераскова-масона, который благодаря истории легендарного правителя Рима Нумы Помпилия (известия о которой он получил как из античных, так и из новых источников, в том числе «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха¹ и книги Ж. П. К.Флориана «Нума Помпилий, второй царь Римский», 1786²) имел возможность раскрыть идеал правления, основанного на идеях умеренности, человеколюбия и законности, а также важную для масонской программы мысль о благотельности для монарха просвещения, которое только и позволяет реализоваться идеалу Платоновской Республики: «Можно теперь сказать с божественным Платоном, что счастливы те народы, у которых Философ Государем бывает, или Государь Философом делается. И можно увериться, что слава не одним оружием приобретена бывает».³

В романе обучение идеального правителя – Нумы – осуществляет нимфа Эгерия, большую часть его содержания составляют программные беседы-«уроки» правителя и нимфы, которая наставляет его, каким образом можно доставить благоденствие стране и народу.

Типологически роман, связанный с идеей воспитания правителя, был подобен не только «Приключениям Телемака» Фенелона (идеи которого пытался привить на российской почве В. К. Тредиаковский в процессе создания «Тилемахиды»), но и роману Мармонтеля «Велизарий» (перевод которого в России был осуществлён в 1786 г. по инициативе Екатерины II), роману Э. Рамзея «Новая Киропедия» и др. По традиции источником материала для подобных «государственных романов» было историческое прошлое, которое при этом изображалось не в культурно-бытовой конкретности, но предельно условно и нередко мифологизированно, как некое абсолютное, «идеальное» прошлое, способное служить универсальным примером для решения политических проблем у всех народов и во все века. Этот взгляд совпадал с общей ориентацией нормативно-традиционалистской, и в первую очередь классицистской установкой на восхищение идеальной античностью. И большинство исторических «примеров» в подобных романах, и тем более сам политический идеал в них, соотносимый с «Республикой» Платона, соответствовали традиции идеализировать «абсолютную античность». Это и послужило основой центрального в романе Хераскова мотива обучения идеального правителя Рима, Нумы Помпилия.

Сама концепция исторического движения в романе основывалась на мифологии золотого века. Представлявшая собой одну из модификаций мифологизированной историософии древних, идея последовательной смены в истории человечества «золотого», «серебряного», «бронзового» и «железного века» оказала огромное влияние как на искусство античности, так и последующее развитие искусства самых разных эпох. Этот мифологизированный взгляд основан на более общей идее развития как инволюции человечества, постепенном его «ухудшении», растущей ущербности в его существовании. В античной традиции источником её художественного описания стала поэма Гесиода «Труды и дни». При этом наибольшее внимание

¹ Плутарх. Ликург и Нума // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т. Т. I. М.: АН СССР, 1961. С. 51–101.

² Поэтическая книга Флориана была переведена в прозе в России Г. И. Шиповским и издана в Петербурге в 1799 г.

³ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 176.

привлекали «крайние» позиции: «золотой» и «железный» века как антитеза счастливого в своей невинности существования перволюдей, и в противоположность ему – картины существования «падшего» человечества, время вражды, тяжкого труда, голода и лишений, торжества смерти.

Эта линейная схема смены эпох в истории человечества могла варьироваться, и роман Хераскова предлагает такую вариацию, основанную на масонской историософии, представлявшей историю человечества как падение, за которым в случае осуществившегося просвещения, трансформации затемнённых нравов может последовать новое возрождение. Этот мотив прослеживался как в истории жизни отдельного человека (от Адама падшего к возрождённому), так и в истории народов и государств. История Рима как универсальной модели государства для классицистской философии истории также укладывалась в эту структуру, и таким образом базой для государственных идей Хераскова в романе становится именно мифологема движения римской истории от идеальной первобытной цельности к разделённости и вражде и затем возвращению в «золотой век», которому суждено осуществиться лишь благодаря усилиям и мудрости государя-философа.

Предметный мир романа как репрезентация историософии автора

При анализе своеобразия предметной сферы романа «Нума...» важно помнить, что и его жанровая природа как «государственного», дидактико-утопического романа, и своеобразие сюжетно-композиционного строения, главной единицей которого является монолог – политико-нравоучительное размышление персонажа, обуславливают ситуацию, когда сколь угодно развёрнутые жизненные картины оказываются совершенно не нужны ни автору, ни читателю. Тем интереснее те предметные детали, которые здесь всё же возникают, поскольку как раз благодаря этому оформляется исследовательская

возможность увидеть трансформацию и жанровой модификации утопически-дидактического романа в сторону большей привязки к живому впечатлению реальности, и то, каким образом более архаичная художественная форма структурно преобразует детализацию реальной картины, превращая её в часть нравоучительно-аллегорического дискурса.

Главный принцип, который при этом присутствует, – каждая реальная деталь, попадающая в сферу авторского и читательского внимания, практически никогда не «работает» как самодостаточный художественный образ, имеющий потенциал зримой конкретики; она предельно лаконично представлена в тексте, и все возможные потенциалы её осмысления раскрываются именно благодаря «переносу» – метафорическому, аллегорическому или символическому (т. е. двигаясь ко всё более утончённому иносказанию).

Как правило, предметные образы представлены в краткой номинации (названы), и далее авторская мысль движется в сторону их классификации, в основе которой лежит в первую очередь историософская концепция Хераскова, а также дидактический, утопический «смысл» его романских построений. И здесь концепция смены «веков», столь значимая в масонской политической мифологии, становится одной из определяющих. Все предметные детали принадлежат либо сфере «железного» века, либо века «золотого». Первый – данность, в которой люди существуют в результате совершившегося рокового падения, они осуждены пребывать в сфере разделённости, вражды и торжествующей смерти; предметным выражением этих идей становятся знаковые, устойчивые и имеющие очень глубокую ассоциативную закреплённость в искусстве детали, так или иначе связанные с войной: «мечи» (наиболее частотная деталь в романе), «копья», «стрелы», «шлемы», а также и вовсе обобщённые обозначения – «оружия», «убийственные орудия»; к этому же ряду принадлежат столь же обобщённые характеристики: «твёрдые и глухие стены», «железная

дверь», «острые орудия» и т. п. «Золотой век» рассматривается в романе как то, что было утрачено людьми, но теперь может возвратиться с помощью благодетельных установлений истинно просвещённого правителя. Эта эпоха характеризуется как время глубокого согласия человека с природой, и возвращение к ней трактуется как возвращение к сельскохозяйственному труду (следствие рационалистического характера государственной утопии Хераскова, которая в этом противоречит более архаическому представлению об идеальной гармонии как райском существовании, при котором люди питались плодами, свободно даруемыми природой, и были свободны от труда). Предметная сфера понятого таким образом «золотого века» – «плуг», «орудия земляные», «сокровища» (различного рода, прежде всего урожай, дары, которыми земля награждает человека). В развёртывании антитезы идеала и отступления от него большое место занимают авторские размышления о самих путях этой трансформации, метафорически обозначаемой как смена одних «орудий» (предметных деталей) другими: «Исторгни из варварских рук их смертоносные мечи и вместо их раздай орудия земляные»¹; «Не должны служить нам острые орудия к нашей гибели, они для полезного употребления изобретены».²

Этот принцип антитезы в подборе предметных деталей, которые служат не столько изобразительной конкретизации, сколько оформлению концептуальных идей, присутствует и на близких уровнях дидактико-нравоучительного плана книги. Так, изображение правителя в качестве центрального героя обуславливает появление в предметной сфере указаний на царское достоинство, а значит, на предметные детали, с ним связанные. Однако особый характер правления Нумы, символизирующего в государственной мифологии Хераскова синтез «правителя» и

того, кто ему обычно противопоставлялся («философа» и «хлебопашца», ср.: «Нума есть и мудрый правитель, и благочинный гражданин, и искусный поселянин»³), приводит к тому, что различные предметные знаки царской власти соседствуют с ассоциативно противоположными им знаками «умеренности»: с одной стороны «скиптр», «жертвенник», «злато», «сребро», «сокровища», «венец», «корона», «порфира», с другой – «сerp», «хижина», «рубище», «орудия земляные» и т. п. В начале романа, когда Нума, который зарабатывает на жизнь сельскохозяйственным трудом, призывается на престол, он оценивает трансформацию как утрату свободы, что выражается противопоставлением таких предметных символов, как «корона» и «узы»: «вы хотите наградить меня ... короною, но вы налагаете на меня узы, преодолевающие мои силы и заключающие меня в тяжкую неволю...»⁴ Принять власть для Нумы означает пожертвовать собой – предметным обозначением этого оказывается противопоставление «рубища» и «порфиры», причём с явной инверсией их коннотативных значений и эмоциональных ожиданий, когда рубище оценивается как нечто положительное и связанное с идеей простоты, умеренности и свободы, а порфира – как знак утраты этих ценностей: «Я жертвую богам, народу и славе его жизнь мою; но жертву сию хочу принести не в венце и на престоле. В сих рубищах! В сих рубищах могу вам также полезен быть, как и в порфире».⁵

Обращённый к античному материалу роман Хераскова, в отличие от более исторически точных в осмыслении предметного мира трудов профессиональных историков⁶, практически не содержит «археологических» описаний, колоритных предметов или обычаев той поры.

³ Там же. С. 144.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Примером чего может быть популярный в последние десятилетия XVIII века роман французского писателя Ж.-Ж. Бартеlemi «Путешествие младшего Анахарсиса по Греции...» (1788), о его влиянии на русскую литературу см., например: [2, с. 173–212].

¹ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. М.: Императорский Московский университет, 1768. С. 52.

² Там же. С. 57.

Предметный мир романа предельно обобщён и аллегоричен. Единственная описанная в романе историческая реальность – межевые пограничные столбы, введение которых, по легенде, связано с установлениями Нумы; это часть его усилий по возвращению земле порядка, ибо привыкшие к грабёжам и разбоям люди нуждаются во внешнем, зримом указании, которым и становится римский «термин» (в описании его Херасков соединяет как собственно предметное значение, так и развёртывание последующей исторической «судьбы» его языкового обозначения, призванного проиллюстрировать идею развития языка): «...полагает он знак на границах полей разделённых, который учинил священным. Сей знак наречён термином и долго хранил Римских владельцев в покое, в безопасности и дружелюбии, душе всякого общества».¹ Стремясь не столько видеть изображаемое, сколько раскрывать читателю его эзотерический, таинственный смысл, автор использует предметные детали, строго соотнося их с концептуальной схемой книги, и не стремится к яркости и красочности жизненных впечатлений.

Заключение

Таким образом, анализ предметной сферы изображения в романе Хераскова «Нума...» позволяет проследить авторские пути раскрытия государственной утопии на уровне образного ряда книги. Предметная деталь в романе такого типа возникает редко; её представление практически лишено изобразительных возможностей, и сам факт её появления в тексте отсылает к отвлечённому, морально-дидактическому плану авторских размышлений. Наиболее часто при этом используется приём антитезы, когда противопоставляемые ряды предметных деталей связываются с различными уровнями авторских представлений прежде всего об «идеальном» и «ущербном» государственном устройстве. Мифологизированной историософской основой подобной структуры была концепция «золотого века», его утраты и возвращения, что определяет самые разные уровни книги от построения её предметного плана до философского смысла дидактических рассуждений об идеальном правителе, столь важных для масонской прозы XVIII столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатова Т. А. Проза Н. М. Карамзина: поэтика повествования. М.: Московский государственный областной университет, 2012. 550 с.
2. Ивинский А. Д. Из писем М. Н. Муравьева 1776 г.: А. А. Барсов, В. И. Майков, М. М. Херасков и «Вольное российское собрание» // Литературный факт. 2023. № 2 (28). С. 25–51. DOI: 10.22455/2541-8297-2023-28-25-51.
3. Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII – начала XIX в. М.: Р-Валент, 2018. 216 с.
4. Любжин А. И. Реминисценции античной литературы в повестях М. М. Хераскова «Кадм и Гармония» и «Полидор, сын Кадма и Гармонии» // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2024. № 28-1. С. 1042–1055. DOI: 10.30842/ielcp2306901528064.
5. Пашкуров А. Н. Поздний русский сентиментализм: диалог идиллического и элегического. Казань: Казанский университет, 2010. 126 с.
6. Поженин Б. В. Первый литературный кружок в России: к истории объединения при «Сухопутном шляхетском кадетском корпусе» // Новый филологический вестник. 2024. № 3 (70). С. 88–98.
7. Ростовцева Ю. А. «Нума Помпилий» М. М. Хераскова и «Наказ» Екатерины Второй: литературная утопия в свете «исторической мифологии» // Филология: научные исследования. 2014. № 4. С. 305–314. DOI: 10.7256/2305-6177.2014.4.13370.
8. Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.
9. Сахаров В. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149–164.

¹ Херасков М. М. Нума, или Процветающий Рим. Печатано в Императорском Московском университете, 1768. С. 164.

REFERENCES

1. Alpatova, T. A. (2012). *N. M. Karamzin's Prose: Poetics of Narration*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
2. Ivinsky, A. D. (2023). From M. N. Muravyov Letters in 1776: A. A. Barsov, V. I. Maikov, M. M. Kheraskov, and the "Free Russian Assembly." In: *Literary Fact*, 2 (28), 25–51. DOI: 10.22455/2541-8297-2023-28-25-51 (in Russ.).
3. Ivinsky, D. P. (2018). *M. M. Kheraskov and Russian Literature of the 18th – Early 19th Centuries*. Moscow: R-Valent publ. (in Russ.).
4. Lyubzhin, A. I. (2024). Reminiscences of Classical Literature in M. M. Kheraskov's Stories "Cadmus and Harmony" and "Polydorus, Son of Cadmus and Harmony." In: *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 28-1, 1042–1055. DOI: 10.30842/ielcp2306901528064 (in Russ.).
5. Pashkurov, A. N. (2010). *Late Russian Sentimentalism: Dialogue of the Idyllic and the Elegiac*. Kazan: Kazan University publ. (in Russ.).
6. Pozhenin, B. V. (2024). The First Literary Circle in Russia: On the History of the Association under the "Land Gentry Cadet Corps." In: *The New Philological Bulletin*, 3 (70), 88–98 (in Russ.).
7. Rostovtseva, Yu. A. (2014). "Numa Pompilius" by M. M. Kheraskov and "Nakaz" by Catherine the Great: Literary Utopia in Light of "Historical Mythology." In: *Philology: Scientific Researches*, 4, 305–314. DOI: 10.7256/2305-6177.2014.4.13370. (in Russ.).
8. Alekseeva, N. Yu. (2005). Russian Ode. Development of Odic Form in the 17th–18th Centuries. St. Petersburg: Nauka publ. (in Russ.).
9. Sakharov, V. (2000). The Myth of the Golden Age in Russian Masonic Literature of the 18th Century. In: *Voprosy Literaturny*, 6, 149–164. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пучкова Анастасия Евгеньевна (г. Москва) – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Государственного университета просвещения;

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru ORCID: 0009-0001-4896-5464

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia E. Puchkova (Moscow) – Postgraduate Student, Department of Russian and Foreign Literature, Federal State University of Education;

e-mail: anastasiya.puchkova.97@mail.ru ORCID: 0009-0001-4896-5464

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: АРЬЕВ А. Ю. БЫЛ ЦЕЛЫЙ МИР: КНИГА О ГЕОРГИИ ИВАНОВЕ. СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2024. 536 С.

Дубова М. А.

Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Российская Федерация
e-mail: dubovama@rambler.ru

Для цитирования:

Дубова М. А. Рецензия на книгу: Арьев А. Ю. Был целый мир: книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024. 536 с. // Отечественная филология. 2025. № 5. С. 113–118.

BOOK REVIEW: ARIEV A. YU. THERE WAS A WHOLE WORLD: BOOK ABOUT GEORGY IVANOV. SAINT-PETERSBURG: NESTOR-ISTORIYA, 2024. 536 P.

M. Dubova

State Social and Humanitarian University, Kolomna, Russian Federation
e-mail: dubovama@rambler.ru

For citation:

Dubova, M. A. (2025). Book Review: Ariev A. Yu. There Was a Whole World: Book About Georgy Ivanov. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya publ., 2024. 536 p. In: *Russian Studies in Philology*, 2025, no. 5, pp. 113–118.

Книга «Был целый мир» петербургского писателя, историка, эссеиста Андрея Юрьевича Арьева посвящена одному из самых известных поэтов русского зарубежья XX в. Георгию Иванову, считавшему себя «последним петербургским поэтом».¹ Её заглавием автор выбрал синтагму из стихотворения Георгия Иванова: «... Невероятно до смешного: / Был целый мир – и нет его...»² Несомненный интерес представляет авторский посыл, состоящий в широком взгляде на судьбу Георгия Иванова (1894–1958) не только с позиции пристального внимания к его жизни в тесной связи с творчеством поэта, но и с точки зрения вписанности в соответствующий культурно-исторический контекст, с одной стороны, предопределивший его мировосприятие и художественную манеру, а с другой – объективируемый в его произведениях.

Книга представляет собой композиционное единство трёх глав: глава I «Закат над Петербургом (1894–1922)», глава II «Парадиз над бездной (1922–1938)», глава III «Если плещется где-то Нева (1939–1958)», – дополненное биографической канвой, краткой библиографией, списком иллюстраций и именованным указателем и предваряемое авторским вступлением под семантически ёмким заглавием «До всего», которое, по сути, опреде-

¹ Арьев А. Ю. Был целый мир: Книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 2.

² Там же.

© СС BY Дубова М. А., 2025.

ляет специфику авторского взгляда на Г. Иванова. А. Ю. Арьев с первых же строк вступления задаёт вектор взгляда на жизнь и творчество поэта: «Обычно история литературы интерпретирует культурную эволюцию таким образом, что второстепенные поэты эпохи исчезают из поля зрения читателей, как только эта эпоха заканчивается. Случай Георгия Владимировича Иванова нарушает эти ... причинно-следственные связи».¹ За лежащей на поверхности кажущейся простотой ивановских текстов скрываются поиски себя, непонятость и порождённый апофатическим духом «серебряного века» творческий посыл, утверждавший возможность безмерной свободы в интерпретации всего сущего на земле, в то же время не лишая художника надежды на нескончаемое величие его неосознанных импульсов и интенций».²

Попытаемся вслед за автором открыть для себя Георгия Иванова в русле сформулированной им самим оценки своего житнетворчества: «Я, в сущности, прост, как овца... Но овца заблудшая в ту область, где, говоря о рае, дышат адом».³ Этот диалогический подход (основной в книге) и раскроет фигуру поэта с присущей ей противоречивостью и неоднозначностью.

Первая глава «Закат над Петербургом» (1894–1922) посвящена соответствующему периоду биографии Георгия Иванова. Она интересна тем, что освещает жизнь и творческое становление поэта сквозь призму «романтического мифа, особенно значимого для поколения Георгия Иванова.., о том, что оно последнее, закатное поколение уходящей русской культуры».⁴ В русле биографии, уточняя место рождения Г. Иванова, рассказывая о связи с «литовской родиной»,⁵ о предках-кестоносцах,⁶ самоубийстве отца, службе в кадетском корпусе и т. д., А. Арьев по крупницам собирает образ

будущего поэта с его удивительным даром переимчивости, «мистическим» чувством, любовью к стилизациям, внутренней близостью живописи и лирики. Из симбиоза этих черт рождается поэт, которого «приводила в трепет великая иллюзия, квинтэссенция петербургского мифа – видение парадиза над бездной».⁷ После чего закономерно и оправданно продолжается разговор о формировании поэтической манеры, подражаниях и стилизациях, отличавших Г. Иванова, часто отрицательно оценивавшихся критикой, о его вхождении в литературные круги: знакомстве с М. Кузминым, С. Городецким, И. Северяниным, А. Блоком... О влиянии на авторский стиль О. Уайльда, В. Тредиаковского, П. Тальмана, А. Ватто и др. Автор книги ненавязчиво, но твёрдо знакомит читателя с творческим становлением Г. Иванова, начиная с первого поэтического сборника «Отплыть на о. Цетеру», комментируя его оценки в литературной среде и последовавшие после его выхода определения-ярлыки «поэт-эстет», «поэт-идиллик». При этом исследователь погружает Г. Иванова в широкий историко-литературный контекст, выявляя или опровергая контактные и типологические связи его творчества с современными и предшествующими поэтами, вписывает в широкую культурную парадигму.

В отличие от большинства современников и исследователей, отмечавших вторичность Г. Иванова и подражательность его стиля, являющуюся «уделом расслабленных дилетантов»⁸, А. Ю. Арьев высоко оценивает «единственного поэта, обретшего самостоятельность, не побрезговав вкусом – и вкусами – современников. Он был воплощённым гением без свойств... вкус продиктовал молодому Георгию Иванову ориентацию на устойчивые, отобранные временем образцы прекрасного».⁹ Георгий Иванов видится автору книги, разделяющему

¹ Арьев А. Ю. Был целый мир: Книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 3.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Там же. С. 50–51.

мнение В. Ф. Маркова «о многоликости, а не многослойности»¹ поэта, «человеком эпохи..., который в равной и лёгкой степени оказывался символистом, эгофутуристом, акмеистом, классицистом, провозвестником “парижской ноты” и даже постпередвижником... А также автором текстов в манере нового рококо, сюрреализма и фовизма».² Вот почему, по мнению А. Ю. Арьева, «проблема эволюции лирики Георгия Иванова – это проблема идентификации его различных “я”».³

В русле художественной эволюции рассматриваются и другие поэтические сборники, в частности «Вереск», стихи которого «сплошь имеют живописные прообразы, а на три четверти инспирированы сюжетами конкретных полотен или гравюр»,⁴ что в целом соответствует «акмеистической предметности раннего Георгия Иванова».⁵ Рецензии на этот сборник носили преимущественно ироничный или уничижительный характер. Не была понята и оценена и «цитатность» как своеобразная черта авторского идиостиля, явившаяся яркой стилистической приметой серебряного века в целом.

Отдельное место в этой главе занимает творчество Г. Иванова периода первой мировой войны, когда, «не имея своего выстраданного мировоззрения в вопросах гражданских, поэт легко выражал мнение своего литературного круга».⁶ А. Ю. Арьев уделяет внимание сочинённым Ивановым «духотподъёмным виршам»,⁷ о содержании которых поэт не особенно заботился, однако «гремел о войне лучше многих».⁸

И снова автор рассматривает поэта в кругу других представителей серебряного века, которые «явили собой новый, религиозно-лицедейски ориентированный, тип

человека-артиста»,⁹ и Георгий Иванов олицетворяет этот тип как никто другой.

Название второй главы книги «Парадиз над бездной (1922–1938)» акцентирует «общую тенденцию петербургской культуры, которой можно назвать идею создания паради́за у “бездны мрачной на краю”».¹⁰

Г. Иванов, проживший в Петербурге не так долго (с 1907 по 1922 гг.), считал себя петербургским поэтом, частичкой культурного феномена северной столицы и очень трепетно относился к этому факту, поскольку, по его твёрдому убеждению, «кроме как “петербургской”, кроме как “последней”, никакой иной поэзии не бывает... “Петербургский” – это и есть русский».¹¹ Отплыв из Петрограда 26 сентября 1922 года в Европу, как тогда думалось Г. Иванову и И. Одоевцевой, ненадолго, а оказалось навсегда, он увёз в себе этот петербургский мир и миф, пытаясь возродить его в эмиграции.

В 1922–1923 гг. Г. Иванов «завершает акмеистически-цеховую программу»,¹² печатая свои стихотворения. С 1924 г. Георгий Владимирович активно принимается за эссеистические опыты, публикуя очерки о былом Петербурге под общим заголовком «Китайские тени»¹³ в парижской газете «Звено», а в другой парижской газете «Дни» появляется рубрика «Петербургские зимы», в главной газете русской эмиграции первой волны «Последние новости» печатаются портретные очерки Г. Иванова. Из всего этого пёстрого собрания к 1928 г. вычленилась книга «Петербургские зимы», где Г. Иванов создал «образы отчавившей в вечность северной столицы более убедительными, чем они представлены в жизни»,¹⁴ ставшие в его творческой судьбе «самым существенным фактором».¹⁵ А. Арьев комментирует оценки книги в критике (Б. Мирский, Е. А. Зноско-Боровский, П. Пильский,

¹ Арьев А. Ю. Был целый мир: Книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 62.

² Там же. С. 61–62.

³ Там же. С. 76.

⁴ Там же. С. 78.

⁵ Там же. С. 78.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же. С. 107.

⁹ Там же. С. 137.

¹⁰ Там же. С. 157.

¹¹ Там же. С. 167.

¹² Там же. С. 187.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ Там же. С. 194.

¹⁵ Там же. С. 220.

Б. Поплавский), проявившей к ней живой интерес и уделившей особое внимание полемике о жанре: «... что это – документ, прихотливые мемуары, беллетристика»,¹ – в большинстве своём единодушно признав, что книга «является одним из многих сочинений эмиграции, которому обеспечено долголетие».²

В поле зрения автора попадает хронологический период конца 1920-ых – начала 1930-ых гг., явившийся пиком литературной активности Г. Иванова. Кроме сказанного выше, оценивается издание в Париже сборника «Числа», возникшего во многом и по инициативе Г. Иванова как своего рода альтернатива ведущему эмигрантскому журналу тех лет «Современные записки».

Не обойдено вниманием и движение любовной лирики поэта, «основные примеры которой относятся к годам эмиграции».³ Так, сборник «Розы», метонимически перекликающийся с вышедшими ранее в Петрограде «Садами», становится ярким явлением в эмигрантской лирике. А. Арьев комментирует его художественное своеобразие, определяя контактные и типологические связи с другими произведениями как самого поэта, так и его товарищей по перу, освещает его оценки в критике: В. Вейдле, В. Ходасевич, Н. Рейзини, К. Мочульский.

Отдельно следует остановиться на поэтике ивановской лирики, формулой идеального состояния которой, позволившей Г. Иванову писать в эмиграции стихи, стала фраза: «Как хорошо, что всё так плохо!»⁴ «Горестный нигилизм»⁵ определяет в эти годы мироощущение как самого поэта, так и других близких его кругу поэтов. Не обойдён вниманием очень важный для понимания поэзии Г. Иванова принцип: «... сказанное – и даже написанное – совсем не исчерпывается прямым смыслом сказанного и написанного»,⁶ ценное уме-

ние, по словам З. Гиппиус, сквозь «банальное» видеть «вечное». В эмиграции «лирика Г. Иванова приобрела отчётливый апофатический характер, насколько вообще может быть отчётливым дискурс негативной теологии».⁷ Лирика Георгия Иванова «есть чистейшее выражение доминирующей в петербургской культуре на протяжении двух веков интуиции о неполноте самого человеческого бытия».⁸

Очередной виток интереса Г. Иванова к прозе знаменует роман «Третий Рим», посвящённый «последним дням» Петербурга,⁹ писать который автор начал в 1928 г., но не закончил и в очередной раз «прозаика в себе не открыл».¹⁰ Равно как не была закончена им и документальная «Книга о последнем царствовании», и роман-биография «Царица Александра».

В этой же главе внимание автора привлекает «пример ещё одной литературной войны, затеянной ... Георгием Ивановым и Владимиром Набоковым (в ту пору ещё Сириным)»,¹¹ и полемика Г. Иванова и Вяч. Ходасевича.

Отдельное внимание А. Ю. Арьев уделил оценке творчества Г. Иванова Романом Гулем, считавшим поэта «единственным в нашей литературе – русским экзистенциалистом»,¹² и «поэме в прозе» «Распад атома», вышедшей отдельной книгой в Париже в 1938 г., в которой автор поставил исключительно важный для него вопрос: «Живит ли сегодня последнее и единственно доступное ему средство врачевания – поэзия в высшем своём, пушкинском, проявлении – или нет? Способна ли она противостоять современному “мировому уродству”?»,¹³ и вставшей в один ряд с самыми новаторскими явлениями современной ему европейской культуры.

Третья глава книги «Если плещется где-то Нева (1939–1958)» продолжает

¹ Арьев А. Ю. Был целый мир: Книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 196.

² Там же. С. 197.

³ Там же. С. 203.

⁴ Там же. С. 221.

⁵ Там же. С. 224.

⁶ Там же. С. 222.

⁷ Там же. С. 271.

⁸ Там же. С. 274.

⁹ Там же. С. 241.

¹⁰ Там же. С. 243.

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Там же. С. 276.

¹³ Там же. С. 289.

рассказ о жизни и творчестве Г. Иванова, начиная со второй мировой войны, которую поэт с Ириной Одоевцевой провёл в Биаррице, считавшейся с 1940 г. оккупированной зоной, и до последних дней жизни писателя. Здесь закончилось его безбедное существование. Несмотря на то, что Г. Иванов за это время не служил у немцев, не имел никакой немецкой протекции, не напечатал ни одной строчки, вопрос о его сотрудничестве с оккупантами после войны прозвучал слишком отчётливо.¹ Этот появившийся в литературных эмигрантских кругах слух во многом определил отношение к Г. Иванову в послевоенные годы.

С июня 1945 г. поэт прервал своё восьмилетнее неучастие в литературной жизни стихами в «Советском патриоте». К 1950 г. «ни “фашистское досье” на Георгия Иванова, ни “чекистское” никакими документами не обросло, но “в канаву” они с Одоевцевой “полетели”».²

Примечательно, что, несмотря на все беды, «самомнение»³ Г. Иванова никуда не уходило, и амбиции в отношении Поэзии не покидали его до самой смерти.

Особого внимания А. Ю. Арьева заслуживает вопрос о цитатности или центонности Г. Иванова, о которой автор книги рассуждает как о «способе раскрытия собственного “я”, кратчайшем лирическом пути к читателю, знаке доверия и контакта с ним».⁴

И, конечно же, вниманием автора не обойдён последний парижский сборник Г. Иванова с символически ёмким заглавием «Портрет без сходства» (1956), вышедший, к сожалению, после смерти поэта. «Поздние стихи Георгия Иванова – это изживание неизживаемой жизнью трагедии»,⁵ где, по мнению Р. Гуля, в беспредметной поэзии остались жить «четыре совершенно конкретные темы. Это –

Россия, эмиграция, Петербург, убийство».⁶ Последним стихам поэта свойственно обострённое переживание ненужности и никчёмности Поэзии в современном мире, влекущее за собой отчаяние как последний земной приют музыки: «Чувству Георгия Иванова давно уже внятна лишь скука мирового безобразья, а разуму – метафизическая грязь».⁷ Каждая «стихотворная вещь последних полутора десятилетий жизни Георгия Иванова есть фрагмент перед лицом вечности».⁸

Георгий Иванов «жил как будто затем, чтобы убедиться в ущербной неполноте обычных житейских связей и самой человеческой жизни».⁹

После трёх основных глав книги, раскрывающих соответствующие этапы жизни и творчества писателя, следует «Биографическая канва», в которой подробно, по годам, с обозначением конкретных дат и месяцев перечисляются значимые в жизни писателя события, встречи, факты на фоне широкого историко-культурного контекста, включающего его участие в разнообразных обществах, встречи и взаимоотношения с известными литераторами того времени, взаимную оценку друг друга. При довольно сжатом фактологическом стиле изложения данной главы А. Ю. Арьеву удалось создать широкое панорамное представление о Г. Иванове, человеке и литераторе, что заслуживает самой высокой оценки.

Далее приведена «Краткая библиография», содержащая перечень основных изданий поэта и книг о нём самом, что видится нам также безусловной удачей автора книги.

Наконец, не вызывает сомнений оправданность включения в книгу списка иллюстраций и именного указателя, дополняющих и завершающих композиционную целостность рецензируемого издания.

¹ Арьев А. Ю. Был целый мир: Книга о Георгии Иванове. СПб.: Нестор-История, 2024. С. 332.

² Там же. С. 348.

³ Там же. С. 357.

⁴ Там же. С. 368.

⁵ Там же. С. 396.

⁶ Там же. С. 389.

⁷ Там же. С. 414.

⁸ Там же. С. 422.

⁹ Там же. С. 436.

Обобщая всё сказанное, подчеркнём, что книга А. Ю. Арьева о Георгии Иванове «Был целый мир» является весомым вкладом в изучение жизни и творчества поэта и представляет несомненный интерес для всех, кто интересуется этим периодом русской культуры и литературы.

Издание адресовано не только представителям научной общественности (филологам, культурологам, историкам), занимающимся исследованиями культурного пространства обозначенного исторического периода в целом, и творчеством Г. Иванова в частности, но и широкому кругу читателей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубова Марина Анатольевна (г. Коломна) – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Государственного социально-гуманитарного университета;
e-mail: dubovama@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina A. Dubova (Kolomna) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Russian Language and Literature, State Social and Humanitarian University;
e-mail: dubovama@rambler.ru

«ПРИВЕТ, СОНЕТ!»

100 ЛЕТ ВЛАДИМИРУ СЕРГЕЕВИЧУ СОВАЛИНУ

В 2024 г. минуло 100 лет со дня рождения кандидата филологических наук, доцента кафедры русской литературы Владимира Сергеевича Совалина (1924–1987). Грустно думать, что его никто не вспомнил в официальных юбилеях и конференциях «в честь и памяти», которые последние десятилетия идут потоками, без остановки. Но может быть, это и логично: суетное время выносит на берег портреты тех, кто был облакан судьбой и почётом и жил в обаянии славословия. У Владимира Сергеевича, скромного странника в мире филологии, всё было иначе. На факультете, где учёный проработал много лет, он сильно не выделялся: не поднимался по карьерной лестнице (хотя несколько раз в безвременье исполнял обязанности заведующего кафедрой), не ораторствовал на профсоюзных и партийных собраниях и вообще никогда не хвастался своими талантами, которых у него было немало.

Настало время хотя бы в такой небольшой статье напомнить основные вехи его биографии. Мы почерпнули их из личного дела В. С. Совалина, хранящегося в архиве Государственного университета просвещения (в годы его работы – МОПИ имени Н. К. Крупской).

Владимир Сергеевич Совалин родился 30 января 1924 г. в г. Кимры Калининской (ныне – Тверской) области. В 1941–



1943 г. он учился в МГПИ имени В. П. Потёмкина. С января 1943 г. по апрель 1944 г. – вначале подготовка в военном училище, затем участие в боях действующей армии и лечение в госпитале. В 1944–1946 гг. В. С. Совалин продолжил обучение в МГПИ имени В. П. Потёмкина, а после окончания работал четыре года, был преподавателем в школе рабочей молодёжи г. Калининграда (сейчас – г. Королёв Московской области). С 1947 по 1950 гг. он был депутатом Калининградского городского совета. В 1949–1952 гг. учился в аспирантуре в МОПИ имени Н. К. Крупской. В 1950–1958 гг. работал учителем в семилетней школе № 5, средних школах №№ 1 и 7 г. Калининграда. В 1958 и 1959 гг., как он сам писал, «готовился к защите диссертации и работал в качестве внештатного сотрудника в ж<урнале> “Октябрь”, изд<ательствах> “Гослитиздат”, “Молодая гвардия”». В 1959–1960 гг. В. С. Совалин был методистом русского языка и литературы при МГУ имени М. В. Ломоносова, с февраля по май 1960 г. – секретарём учёного совета МОПИ имени Н. К. Крупской. С мая 1960 г. по сентябрь 1962 г. занимал должность инспектора Высшей аттестационной комиссии и недолго учёного секретаря Экспертной комиссии ВАК по языкознанию. С 1961 г. – преподаватель-почасовик кафедры русской литературы

МОПИ имени Н. К. Крупской. Наконец, с сентября 1962 г. постоянным местом работы В. С. Совалина стала кафедра русской литературы МОПИ имени Н. К. Крупской, где он прошёл путь от доцента до исполняющего обязанности заведующего кафедрой. По данным его личного дела, В. С. Совалин был беспартийным, знал немецкий язык.

В 1959 г. талантливый филолог защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Её тема – «Курочкин – поэт-шестидесятник».¹ В октябре 1968 г. молодого учёного переводят на должность старшего научного сотрудника для завершения работы над докторской диссертацией на тему «Поэты-демократы Трефолов, Суриков, Дрожжин и их место в русской литературе последней трети XIX века».

С 1 сентября 1970 г. В. С. Совалина назначают исполняющим обязанности заведующего кафедрой русской литературы. Он уходит с этой должности по собственному желанию с 6 января 1975 г.

В одном из отчётов начала 1970-х гг. учёный сообщал такие сведения о себе: «руководил семинаром по творчеству Н. А. Некрасова», «на историческом факультете читал лекции по первой и второй половине XIX века». Научная работа В. С. Совалина в это время была очень интенсивной: «В течение ряда лет я занят изучением поэзии некрасовской школы. По творчеству С. Д. Дрожжина мною написано до 10 п. л. Частично этот материал опубликован в статьях “Гражданские и патриотические мотивы в поэзии С. Д. Дрожжина”, “Отражение процесса “раскрестьянивания” в поэзии С. Д. Дрожжина”. ... Кроме того, мною несколько раз читался спецкурс по истории некрасовской школы. При чтении лекций я обращался к поэзии Огарёва, Михайлова, Гольц-Миллера, поэтов “Искры”, Трефолева, Сурикова и Дрожжина. Следствием этой работы явились статьи “В. С. Курочкин” и “Н. С. Курочкин”, опубли-

кованные в “Биобиблиографическом словаре”, и рукописная статья “Пародия и перепев”».

Уже в те годы обозначился интерес В. С. Совалина к изучению стихосложения. Эта область профессиональных интересов станет для него центральной, связующей «поэтологические» интересы учёного. Он сообщал в то же время: «В последние 2–3 года я начал работу по исследованию русского стихосложения. К изучению некоторых проблем теории русского стиха я пришёл от своих занятий по поэзии некрасовской школы. В настоящее время печатается статья “Ритмическое своеобразие стихотворений А. В. Кольцова”. Сейчас я заканчиваю статью о ритмическом строе стихотворений А. А. Дельвига; собран мной материал по поэзии И. С. Никитина». Очевидно, такой поворот от начальной темы докторской диссертации требовал иной методики работы, исследования художественных текстов с другой стороны, поиска новых подходов к анализу стихотворений. В. С. Совалин писал: «Изучение русского книжного стиха немыслимо без обращения к устной народной поэзии. Мои стиховедческие изыскания непосредственно связаны с освещением и освоением структуры народного стиха. Этим вызвано и написание статьи о бурлацкой песне “Дубинушка” и её литературных вариациях. Всё это вместе взятое представляет собой отдельные части предполагаемой работы по теории русского стихосложения».

В советское время особенно педагогическая деятельность была сопряжена с общественной. В. С. Совалин не отказывался от этого вида «нагрузки» и всегда откликался на просветительство: «В Солнечногорске, Одинцове, Подольске, а также в Институте культуры читал лекции для учащихся, руководителей Московской области и трудящихся Бауманского района г. Москвы». Ещё он дежурил в студенческом общежитии, руководил «картошкой» в подшефном колхозе – всё это реальные, непоэтические страницы его вдохновенной творческой биографии.

¹ См. Совалин В. С. Курочкин – поэт-шестидесятник: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1959. 16 с.

Всегда интересно читать протоколы заседаний кафедры или факультета старых лет. Во-первых, они, как правило, записывались стенографисткой слово в слово, во-вторых, звучали далеко не формальные выступления коллег. В годы филологического становления и работы Владимира Сергеевича это были яркие личности. Так, при обсуждении его кандидатуры для избрания на должность доцента на заседании кафедры русской литературы от 21 ноября 1972 г. выступили профессора Г. Л. Абрамович и А. М. Новикова – крупнейшие специалисты по теории и истории литературоведения.

Г. Л. Абрамович так высказался о своём ученике: «Я давно знаю Владимира Сергеевича. Он очень активно работает на нашем факультете. Я рецензировал его статьи для “Учёных записок”, был на лекции “Система стихосложения и поэтические размеры стиха”. К лекции очень удачно подобран материал. Главное, ведь не только дать теоретические понятия, а преподнести так ясно, чтобы не утратилась и поэзия. И на материале стихотворений Лермонтова, Пушкина, Есенина, Маяковского Владимиру Сергеевичу это прекрасно удалось. Оставило впечатление его выступление по диссертации Якоби Н. А. своей обстоятельностью и глубиной. Таким образом, и научный уровень преподавания, и умелое заведование кафедрой, и патриотизм настоящий в институтских делах – всё это даёт право рекомендовать Совалина В. С. для переизбрания на должность доцента кафедры русской литературы».

А. М. Новикова отметила и личные, и профессиональные качества соискателя: «Я давно знаю Владимира Сергеевича, с тех пор как он окончил аспирантуру, защитил диссертацию, стал работать на нашей кафедре. Я считаю, что в его лице кафедра приобрела очень ценного работника. Я была на его лекциях, слушала их с большим удовольствием. Недавно была на лекции о художественном методе литературы. Владимир Сергеевич обладает двумя главными качествами: эрудицией, глубокими

знаниями и доступностью изложения. Очень сложные вопросы стиля, литературного направления – всё было понятно студентам. Как член кафедры Владимир Сергеевич никогда не вносил в работу её осложняющих моментов, но это в сочетании с большой принципиальностью. Он заботится о нуждах и заботах кафедры и умело ею руководит».

С 10 января по 10 июля 1975 г. В. С. Совалину предоставили на полгода творческий отпуск. А затем, с 15 октября 1975 г., его снова переводят на должность старшего научного сотрудника на один год для завершения работы над докторской диссертацией. Ещё одним приказом 1976 г. ему продлевают срок пребывания в должности старшего научного сотрудника на год, до 15 октября 1977 г. С октября 1977 г. он вновь назначается исполняющим обязанности заведующего кафедрой русской литературы. В. С. Совалин работал в этой должности до 15 октября 1979 г. и затем перешёл на доцентскую ставку.

В списке «рукописных материалов» конца 1970-х гг. около 20 работ немалого объёма: о традициях А. С. Пушкина в творчестве А. А. Блока и В. Я. Брюсова (44 страницы машинописи), о проблеме отражения устного народного творчества у М. Горького (29 страниц), о творчестве С. Д. Дрожжина (В. С. Совалин указывал, что осталось неопубликованным около 5 п. л.), статьи «Пародия и перепев» (1 п. л.), «К вопросу теории и практики русского стихосложения» (39 страниц), «Организация стопного стиха в устной народной поэзии» (107 страниц), «Классический стих Н. А. Некрасова и его взаимодействие с народной поэтикой» (100 страниц), «“Народные размеры” в поэзии М. М. Хераскова» (41 страница), «Воздействие ритмики на жанровые признаки поэтических произведений Н. М. Карамзина» (85 страниц), «Состояние силлабо-тонических размеров в поэзии И. И. Дмитриева» (30 страниц), «Воздействие поэтики народного творчества на русскую поэзию конца XVIII – начала XIX века» (30 страниц), «Поэзия



Фото 1. Праздник «Посвящение в аспиранты» на кафедре русской литературы МОПИ имени Н. К. Крупской. Фрагмент фотографии 1980 г. В. С. Совалин – крайний слева.

Мерзлякова, Цыганова, Дельвига» (53 страниц) и др.

Даже по этому неполному перечню работ можно понять, насколько глубоки и широки были литературоведческие разыскания В. С. Совалина, выходявшие далеко за пределы стандартной темы диссертации. К тому же первоначальная концепция претерпела изменения. Новая формулировка звучала уже иначе: «Стопная организация стиха в устной народной поэзии и её отражение в русской поэзии XVIII–XIX вв.». К началу 1980-х гг. В. С. Совалин в основном закончил написание текста диссертации, «но её композиционное оформление не доведено до конца. Не написан автореферат. Во многом тормозит её завершение задержка с опубликованием материалов диссертации...» Многое он не успел издать. В то время учёные записки и сборники выходили редко, а объём материалов был регламентирован. В большие журналы, скорее всего, он не пытался

отдавать свои работы. В академические сборники протиснуться было нелегко. К сожалению, В. С. Совалин так и не подошёл к защите докторской диссертации и не смог выпустить монографии. В отчёте начала 1980-х гг. он сообщал, что за последние пять лет написал несколько крупных работ объёмом более 7 п. л.: «Все находятся в рукописи. Только одна статья (песни Николева) сдана в печать. Такое положение не может не затруднить защиту диссертации. Кроме того, в рукописи осталось около 200 страниц диссертационного материала, написанного до 1977 года». Это отчасти объясняет причину, по которой В. С. Совалин так и не смог завершить работу над докторской диссертацией.

Итогом его творческой деятельности можно назвать сборник «Русский сонет: XVIII – начало XX века» (М., 1983, второе издание – 1986), составителем и комментатором которого он выступил. Здесь В. С. Совалин проявил себя как исключительный знаток целой культурной традиции русской классики.

В отзывах коллег по факультету В. С. Совалина в разные годы характеризовали только с лучшей стороны. И это не было формальным признанием его заслуг или лестью. Подумать только, профессор В. Н. Богословский, сам острый на слово, едва ли мог так сказать о посредственной личности: «[В. С. Совалин] – ...один из лучших преподавателей факультета, тонко чувствующий литературу и поэзию. Это культурный, интеллигентный человек, много читающий». Или, например, такая характерная Л. А. Смирнова, реплик которой побаивались, говорила: «...В. С. Совалин является оригинально думающим человеком...» Приведём ещё несколько высказываний о В. С. Совалине. Доцент Н. С. Гродская: «В лице доцента В. С. Совалина наша кафедра имеет единственного специалиста по теоретическому курсу». Профессор В. Н. Аношкина: «В. С. Совалин пользуется большим уважением в коллективе, на кафедре как доброжелательный человек, в лице которого молодёжь и люди старшего воз-

раста всегда получают товарищескую поддержку и помощь». Доцент С. А. Джанумов: «Это энтузиаст в работе».

Немногие студенты прошлых лет помнят облик В. С. Совалина, черты его необычной личности и даже то, как он выглядел. У всех первокурсников он вёл очень сложный предмет – «Введение в литературоведение». Профессор Н. В. Халикова, а в 1986–1987 гг. – студентка первого курса факультета русского языка и литературы МОПИ имени Н. К. Крупской, вспоми-

нала: «Солнце освещало его голову с уже седыми и неровно подстриженными волосами, явно не новый блекло-серый пиджак, точно покрытый пылью. Блестели на солнце толстые стёкла стариковских очков в роговой оправе с разношенными дужками. Ему было всего 62 года, но он казался мне довольно старым. Он был невысок, полноват, с заметной одышкой и уставшим, иногда совершенно измученным лицом. Не помню, чтобы он хоть раз при нас улыбнулся».¹ Студенческое восприятие взрослого человека особое: всплывают те черты, которые удивляют и показывают его непохожесть. Это проявилось и в другом: «В Совалине мне нравилось одно важнейшее качество (оно мне вообще в людях нравится, но редко встречается): он не произносил лишних слов, никогда не пустословил, ничьи личности и себя не комментировал. По его лицу было видно иногда, что он и хотел бы что-то сказать, но сдерживал себя. Он умел задать один



Фото 2. Заседание кафедры русской литературы МОПИ имени Н. К. Крупской. 1981 г. В. С. Совалин вместе с аспиранткой А. А. Новиковой – в ряду у стены за третьей партой.

точный вопрос и долго терпеливо ждать, дойдёт ли до кого смысл сказанного, не помогая, не перефразируя, не опускаясь до примитивного детского восприятия».²

С близкими коллегами и учениками он делился сокровенным: о годах военного лихолетья, о своей родословной и о любви к стихотворчеству... Да, В. С. Совалин был истинным, тонким и глубоким поэтом, очень скромным, смиренным. Его ученица А. А. Новикова рассказала мне, что опубликовала на Дальнем Востоке в альманахе «Дальняя Россия» (2015, вып. 2) несколько поэтических миниатюр своего учителя. В переписке она так вспоминала о В. С. Совалине: «Как научный руководитель Владимир Сергеевич был классным руководителем, и ему я благодарна всю жизнь («Приехала какая-то учительница из далёкого Приморья и т. д. ...», – говорили некоторые, а мне тогда было уже 30 лет). А он твёрдо верил в меня, и я не подвела его. Защита моя была, говорят, как песня!»

Слова, вынесенные в заголовок статьи, воспроизвёл в своих воспоминаниях о другом страннике, профессоре Н. А. Кондрашове, Виктор Петрович

¹ Халикова Н. В. «Он был человеком из другого времени, а значит, из другого измерения» // МГОУ: свидетели свершений: Воспоминания и интервью выпускников, преподавателей и сотрудников МОПИ – МПУ – МГОУ / сост., отв. ред. и автор предисл. А. В. Абрамов. М.: МГОУ, 2021. С. 29.

² Там же. С. 33.

Журавлёв, выпускник МОПИ имени Н. К. Крупской 1972 г., хорошо знавший обоих стариков. Его юношеский наблюдательный взгляд закрепил в памяти и то, как они общались: «Помню, как в шумном коридоре факультета Николай Андреевич громко приветствовал Владимира Сергеевича Совалина, доцента кафедры русской литературы:

– Привет, Сонет!

Владимир Сергеевич в ответ по-доброму помахал рукой. Поначалу мне показались нарочито фамильярными эти приветствия при студентах. Позднее, видимо, повзрослев, понял, что в них были выражены и уважение научных заслуг одного учёного (В. С. Совалин незадолго до описываемых событий опубликовал наиболее полную для того времени антологию русского сонета¹), и благодарность другому за проявление такого признания».²

Мне не довелось лично встретиться с В. С. Совалиным. В тот год, когда я поступил в МОПИ (1987 г.), его не стало. И как-то быстро память о нём заросла... Пришли новые бойкие времена. Одна идеология сменилась безудержной болтовней о «перестройке». Взрастали другие кумиры. С скромные литературоведы прошлого, воспитанные в классических традициях кропотливой работы со словом, постепенно уходили. Они оставили нам интересные статьи в теперь малоприметных вузовских сборниках без всяких DOI и электронных версий. А раз так, то их почти никто не знает и не читает, ведь библиотека нынче – удел совсем «отсталых»...

Владимира Сергеевича Совалина не стало 8 августа 1987 г.

Хочется верить, что тонкие и филологически талантливые исследования В. С. Совалина обязательно найдут и издадут. Никто, как он, так не чувствовал поэтические связи и сюжеты, не разбирался

в стихотворных размерах – не любовался красотами хореев, ямбов и амфибрахий. Словно божественные звуки, они убаюкивали его растерзанное сердце и, может быть, давали надежду на то, что Господь не оставит его в своих молитвах и будет помнить Владимира Сергеевича Совалина всегда, даже если мы, увенчанные грехами тщеславия, о нём забудем.

«Привет, Сонет!» – твоё имя живо!

*О. В. Никитин,
доктор филологических наук, профессор
кафедры славистики, общего языкознания
и культуры коммуникации
Государственного
университета просвещения*

¹ Русский сонет: XVIII – начало XX века / сост., послесл. и прим. В. С. Совалина. М.: Московский рабочий, 1983. 557 с.

² Журавлёв В. П. «Этномолог – это кто?..» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 260.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.



ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

2025. № 5

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова

Литературный редактор В. А. Кулакова

Переводчик В. А. Кулакова

Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Корректор В. М. Пастарнак

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.philologymgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8, уч.-изд. л. 9,75.

Подписано в печать: 28.11.2025 г. Дата выхода в свет: 03.12.2025 г. Заказ № 2025/11-05.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2